

**Биоэтика и технонаука:
человек как проект**

Биоэтика и технонаука: человек как проект

INSTITUTE OF PHILOSOPHY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HUMANITARIAN EXPERTISE
AND BIOETHICS

**BIOETHICS AND TECHNOSCIENCE:
HUMAN BEING AS PROJECT**

**TO THE 75-TH BIRTHDAY OF
PAVEL DMITRIEVICH TISHCHENKO**

Moscow 2021

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕКТОР ГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
И БИОЭТИКИ

**БИОЭТИКА И ТЕХНОНАУКА:
ЧЕЛОВЕК КАК ПРОЕКТ**

К 75-ЛЕТИЮ ПАВЛА ДМИТРИЕВИЧА ТИЩЕНКО

Москва 2021

ББК 85.75
Б63

Рецензенты:

В. И. Аршинов, доктор философских наук, Институт философии РАН;
И. А. Асеева, доктор философских наук, ИНИОН РАН

Б63 **Биоэтика и технонаука: человек как проект** : сб. науч. статей / К 75-летию Павла Дмитриевича Тищенко / под ред. Беялетдинова Р. Р. — Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2021. — 248 с.

ISBN 978-5-907410-63-3

Книга посвящена 75-летию Павла Дмитриевича Тищенко — одного из ведущих отечественных философов. В сборнике представлены статьи коллег П. Д. Тищенко по проблемам современной биоэтики, гуманитарной экспертизы, технонауки и философии медицины. Авторы исследуют проблему человека в двух измерениях: проектные подходы в биоэтике и конкретные направления проектного отношения к человеку в современной технонауке, прежде всего в биомедицине.

Задача сборника — помочь читателю увидеть в проектном видении человека не только новейшее течение науки, но также философские и этические вызовы, ответы на которые могут быть получены с помощью социогуманитарных, междисциплинарных исследований.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 85.75

В оформлении обложки использована картина Уильяма Блейка «Ветхий днями», 1794 г. : William Blake, «The Ancient of Days», 1794.

Научное издание

Биоэтика и технонаука: человек как проект

Под редакцией кандидата философских наук Р. Р. Беялетдинова

Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой. Подписано в печать 16.12.2021.
Формат 60×84 1/16. Печ. л. 15,5. Тираж 300. Заказ № 86.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Московского гуманитарного университета
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5

ISBN 978-5-907410-63-3

© Авторы статей, 2021

Содержание

Авторы	9
--------------	---

Р. Р. Белялетдинов

Предисловие	13
-------------------	----

РАЗДЕЛ I ЧЕЛОВЕК КАК ТЕХНОНАУЧНЫЙ ПРОЕКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. Р. Белялетдинов

Моральное биоулучшение и моральная эволюция: технонаука и социальное тело	17
--	----

П. Д. Тищенко

Смогут ли биотехнологии морального улучшения стать ответом на вызовы пандемии COVID-19?	32
--	----

О. V. Popova, Youich Fujii

Bolsheviks' Utopian Ideas of 'New Man' and Enhancement (на англ. языке)	44
--	----

РАЗДЕЛ II БИОЭТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Л. П. Киященко, А. В. Голофаст

Модусы организационной сложности: проективный этос биоэтики	65
--	----

А. А. Воронин

Субъективизм и достоверность в гуманитарной экспертизе	87
--	----

С. Ю. Шевченко
Инструменты биоэтической дискуссии:
примеры, мысленные эксперименты,
метафоры и нарративы 104

М. А. Пронин
Биобиблиографический пандан: виртуалистика Н. А. Носова
и психотехника Н. В. Цзена (к истории двух направлений
в советской психологии) 126

РАЗДЕЛ III ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

Ф. Г. Майленова
Человек как самомодифицирующееся существо
в эпоху технологизации и коммерциализации
идеи самоулучшения 157

Е. В. Петрова
Экологический кризис в информационной среде:
проблемы и пути решения 185

А. В. Антипов
Тело суицидента и современные death studies 203

В. А. Агарков
Психоаналитические и антропологические аспекты
репродуктивной темпоральности: влияние включенности
в процедуры вспомогательных репродуктивных
технологий на восприятие времени 223

Р. Р. Беляетдинов, О. В. Попова
Послесловие 246

Content

Authors	9
----------------------	---

Roman R. Belyaletdinov

Foreword	13
----------------	----

SECTION I HUMAN BEING AS A TECHNOLOGICAL PROJECT: INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Roman R. Belyaletdinov

Moral Bioenhancement and Moral Evolution: Technoscience and Social Body	17
--	----

Pavel D. Tishchenko

Could moral enhancement biotechnologies to respond the challenges of the COVID-19 pandemics?	32
---	----

Olga V. Popova, Youich Fujii

Bolsheviks' Utopian Ideas of 'New Man' and Enhancement	44
---	----

SECTION II BIOETHICAL AND HUMANITARIAN EXPERTISE OF HUMAN DESIGN

Larisa P. Kiyashchenko, Anastasia V. Golofast

Modes of Organizational Complexity: Projective Ethos of Bioethics	65
--	----

Andrei A. Voronin

Subjectivity and reliability in humanitarian expertise	87
--	----

Sergey Y. Shevchenko
Instruments of Bioethical Discussion:
Examples, Thought Experiments, Metaphors and Narratives 104

Mikhail A. Pronin
Biobibliographic pandan: virtualistics of N. A. Nosov
and psychotechnics of N.V. Tsen (to the history
of two directions in soviet psychology) 126

SECTION III HUMAN BEING BEFORE TIME CHALLENGE

Farida G. Maylenova
Human being as a self-modifying creature in epoch
of technologisation and commercialisation
of the idea of self-improvement 157

Ekaterina V. Petrova
Ecological crisis in the information environment:
problems and solutions 185

Aleksei V. Antipov
Suicide body and contemporary death studies 203

Vsevolod A. Agarkov
Psychoanalytic and anthropological aspects
of motherhood and ART (reproductive temporality) 223

Roman R. Belyaletdinov, Olga V. Popova
Afterword 246

Авторы

Authors

Агарков Всеволод Александрович — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории системной психофизиологии, Институт психологии РАН.

Agarkov Vsevolod A. — Candidate of Psychological Sciences, research fellow, Laboratory of System Psychophysiology, Institute of Psychology, RAS.
E-mail: *agargor@yandex.ru*

Антипов Алексей Владимирович — кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Antipov Aleksei V. — Candidate of Philosophical Sciences, junior research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *nelson02@yandex.ru*

Белялетдинов Роман Рифатович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Belyaletdinov Roman R. — Candidate of Philosophical Sciences, senior research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *airfind@gmail.com*

Воронин Андрей Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Voronin Andrei A. — Doctor of Philosophy, leading research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *79031019500@yandex.ru*

Голофаст Анастасия Витальевна — член Международной ассоциации политической науки, диссертант сектора истории политической философии, Институт философии РАН.

Anastasia V. Golofast — IPSA member, PhD student of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *nastyal555@gmail.com*

Киященко Лариса Павловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии РАН.

Kiyashchenko Larisa P. — Doctor of Philosophy, leading research fellow, Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *larisakiyashchenko@gmail.com*

Майленова Фарид Габделхаковна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Maylenova Farida G. — Doctor of Philosophy, leading research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *farida.mailenova@mail.ru*

Петрова Екатерина Викторовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН.

Petrova Ekaterina V. — Candidate of Philosophical Sciences, leading research fellow, Department of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy RAS.

E-mail: *philosophyx@rambler.ru*

Попова Ольга Владимировна — доктор философских наук, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Popova Olga V. — Doctor of Philosophy, department chief, leading research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *j-9101980@yandex.ru*

Пронин Михаил Анатольевич — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Pronin Mikhail A. — Candidate of Medicine, senior research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *pronin @iph.ras.ru*

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Tishchenko Pavel D. — Doctor of Philosophy, chief research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *pavel.tishchenko@yandex.ru*

Шевченко Сергей Юрьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН.

Shevchenko Sergey Y. — Candidate of Philosophical Sciences, research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS.

E-mail: *simurg87@list.ru*

Фуджи Ёуич — постдокторант, Университет Сейнана Гакуина, Япония.

Fujii Youich — Postdoctoral Researcher, Seinan Gakuin University, Japan

E-mail: *youichifujiiyushu@gmail.com*

Предисловие

Foreword

Проектирование человека может происходить управляемо и разумно при понимании философских и биоэтических проблем, которые возникают на пути соприкосновения общества и новых технологий. Рождение биоэтики в результате осознания и признания того, что исследователи не должны распоряжаться чужим телом как собственностью, — вызов, остающийся доминантным для современной техннауки, позволяет надеяться, что ошибки, совершенные в прошлом, больше не станут преградой на пути развития знания.

В настоящем научном сборнике, состоящем из трех разделов — проектном, теоретическом и прикладном, объединили свои усилия преимущественно философы и психологи и предприняли попытку установить теоретические и практические проблемные области, связанные с возможными условиями проектирования человека и уже состоявшимися фактами этого проектирования, а также обозначить вызовы, с которыми сталкивается современный человек.

Теоретическое исследование этоса биоэтики предложено в статье Л. П. Киященко и А. В. Голофаст «Модусы организационной сложности: проективный этос биоэтики». Биоэтика выбрана как область изучения жизнедеятельности человека, направленной на улучшение своей природы на пересечении фундаментального и прикладного, теоретического и эмпирического как переосмысление основоположений идентичности. А. В. Воронин в статье «Субъективизм и достоверность в гуманитарной экспертизе» проводит классификацию подходов к гуманитарной экспертизе, различая жесткие, средние и мягкие трактовки ее организации и проведения. Проблема морального биоулучшения человека как философский вызов рассмотрена в статье П. Д. Тищенко «Могут ли биотехнологии морального улучшения стать ответом на вызовы пандемии COVID-19?» и в статье Р. Р. Беялетдинова «Моральное биоулучшение и моральная эволюция: техннаука и социальное тело». Другие авторы сборника уделяют внимание не менее значимым темам, связанным с адаптацией

современного человека к быстроразвивающемуся биотехноориентированному обществу.

Осмысление возможного статуса человека как объекта технотнауки — это прежде всего намерение дать своевременную социогуманитарную оценку самой философии, имея в виду ее способность развивать методологию исследования социогуманитарных процессов и применять эту методологию на практике.

Пожалуй, основная трудность, с которой столкнулись авторы, — парадокс могущества человека как субъекта и его уязвимость в качестве объекта перед вызовами биомедицинских и цифровых технологий, его податливость изменениям, ранимость и тяга к новому. Горизонт, открывающийся благодаря генетическим, цифровым, биомедицинским, технотнауным проектам, показывает новую перспективу, предлагая новые формы самопознания и виртуальной среды обитания. Они создаются ценой преобразования, отбора, планирования, сканирования отдельного человека и всего общества. Естественно, что новые горизонты человеческого существования несут не только блага, но и новые риски, неопределенность и неконтролируемость последствий, локализующихся в весьма отдаленном будущем. Технотнауное освоение мира не ищет истины, а предлагает множественные проекты технологически создаваемого будущего, образуя гибридные структуры с социальными практиками.

Междисциплинарная рефлексия и мысленный эксперимент становятся научной лабораторией, в которой на базе философской и этической методологий продумываются, отлаживаются возможные будущие риски, позитивные ожидания и трудности. Надеюсь, что настоящий сборник поможет читателю увидеть в биоэтике мощный инструмент социогуманитарного развития технотнауки.

Коллеги и ученики посвящают научной сборник 75-летнему юбилею Павла Дмитриевича Тищенко — известному в России и за рубежом специалисту по биоэтике и философии медицины, с пожеланием творческого вдохновения, преданности научному поиску и ожиданием дальнейшего плодотворного общения.

*Редактор сборника
к. ф. н. Р. Р. Белялетдинов*

РАЗДЕЛ I

ЧЕЛОВЕК КАК ТЕХНОНАУЧНЫЙ ПРОЕКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Моральное биоулучшение и моральная эволюция: технонаука и социальное тело¹

Р. Р. Белялетдинов

Moral Bioenhancement and Moral Evolution: Technoscience and Social Body²

Roman R. Belyaletdinov

Аннотация. Проблема конкуренции естественной моральной эволюции и морального биоулучшения — одна из острых современных дискуссий в биоэтике, этике и философии. Она была инициирована как попытка рассматривать мораль в качестве биологического механизма и использовать утилитаристский аргумент для снятия проблемы вероятного техногенного вреда, стоящего как актуальная угроза будущего. Сложившаяся дискуссия стала философской лабораторией, в которой прошли проверку ключевые научные, философские и моральные концепции человека. Технонаука и интегральное представление о морали, свобода воли и технодетерминизм получили дополнительное осмысление в рамках этой дискуссии. Моральное биоулучшение можно рассматривать как попытку создания универсальной модели морали в противовес релятивистским представлениям о морали, господствующим в биоэтике. Эту попытку, конечно, нельзя считать успешной, однако она в определенной степени решила задачу изменения отношения к морали как над-биологической надстройке, закрытой для технонаучного языка, возникающего в нейробиологических исследованиях просоциального поведения.

Ключевые слова: моральное биоулучшение, биоэтика, технонаука, социальное тело.

Abstract. The problem of natural moral evolution and moral bioenhancement is one of the most acute contemporary discussions in bio-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-011-00812.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00812.

ethics, ethics and philosophy. It was initiated as an attempt to establish morality as a biological mechanism and to use it as an argument to solve the problem of probable man-made harm, which stands as an urgent threat to the future. The resulting discussion became a philosophical laboratory in which the quality of natural, philosophical and physical human sensations was tested. Technoscience and integral understanding of morality, autonomy and techno-determinism received additional comprehension within the framework of this discussion. Moral bio-enhancement can be seen as an attempt to create a universal model of morality as opposed to the relativistic notions of morality that prevail in bioethics. This attempt, of course, cannot be considered successful, but to a certain extent it solved the problem of changing the attitude towards morality as a supra-biological superstructure, closed to the technoscientific language that arises in neurobiological studies of prosocial behavior.

Keywords: moral bioenhancement, bioethics, technoscience, social body.

Введение

Проблема конкуренции естественной моральной эволюции и морального биоулучшения — одна из острых современных дискуссий в биоэтике, этике и философии. Она была инициирована как попытка рассматривать мораль в качестве биологического механизма и использовать утилитаристский аргумент для снятия проблемы наивысшего техногенного вреда, угрожающего человечеству¹. Сложившаяся дискуссия стала настоящей философской лабораторией, в которой прошли проверку ключевые научные и моральные концепции. Моральное биоулучшение можно рассматривать как создания универсальной модели морали в противовес релятивистским представлениям о морали, господствующим в биоэтике. Эту попытку, конечно, нельзя считать успешной, однако она в определенной степени решила задачу изменения отношения к морали как над-биологической надстройке, закрытой для технонаучного языка, возникающего в нейробиологических исследованиях просоциального поведения.

---

¹ Persson, I., Savulescu, J. Unfit for the future: The need for moral enhancement. — OUP Oxford, 2012.

Феномен социального тела

Философское осмысление морали связано с осознанием субъектности как условия существования человека. При всей кажущейся и данной в интуиции истинности субъектность — то есть не только легитимное право субъекта определять границы собственного блага, но и его естественное право бытия тем, что он есть не исключительно как тело, а как собственное я, принимающее или критически воспринимающее свой телесный, моральный и эмоциональный опыт, — крайне сложное и противоречивое с точки зрения осмысления поле проблем. Развитие биотехнологий особенно остро поставило вопрос о субъектности, причем не только в плоскости философии, но и в плоскости биоэтики. Определение свободы как права распоряжаться своим телом впервые стало предметом подлинного серьезного рассмотрения относительно недавно — на Нюрнбергском процессе по делу нацистских врачей¹, проводивших бесчеловечные исследования на людях без их согласия. Позднее Бельмонтский доклад расширил спекулятивную часть субъектности в биомедицине². Не будучи полноценным юридическим документом, Бельмонтский доклад стал признанным источником принципа автономии как междисциплинарного консенсуса сначала в американской биоэтике, а потом и в общемировой практике. Мораль субъекта стала рассматриваться не абстрактно-отвлеченно, не как рациональная конструкция, а более точно — как способность принимать решение в отношении собственного тела, неотделимого от не менее телесного Я.

С развитием биомедицины, прежде всего нейроисследований, генетики и нейробиологии, общество стало осознавать, что культурное и социогуманитарное условное пространство и пространство биологическое — не различные миры, как в декартовской модели соотношения духа и тела, а, напротив, тесно связанные друг с другом, и эта связь может быть представлена разнообразно: и как ее отрицание, и как взаимодействие, и как редукционизм, и множеством иных спо-

---

¹ *Spitz V.* Doctors from hell: The horrific account of Nazi experiments on humans. — Sentient Publications, 2005.

² *Baker R.* Before bioethics: A history of American medical ethics from the colonial period to the bioethics revolution. Oxford University Press, 2013.

собов. Сцилла и Харибда биологизации/антибиологизации обществу, по словам М. Риддли¹, состоит как в стремлении представить человека животным (метафорической машиной), так и, напротив, полностью отказать животным в какой-либо связи с человеком. Социальное тело не может быть сведено лишь к культуре или только к биоредукционизму — его следует рассматривать через опыт осмысления своего Я и как культурного феномен, и как биологический.

Опыт философской рефлексии проблемы улучшения человека обнаружил несовершенства понятия «природа человека» и, как следствие, невозможность рассогласовать культуру и науку, интерпретируя их либо как охранительный культурный проект, либо как технотерминистскую реальность. Воображение, которое по Дж. Дьюи является коммуникатором², связывающим технологии и общество, расширяет телесность за пределы собственно тела, поскольку старается представить будущее и прошлое как изменение тела через культуру и культуры через опыт тела. Генетизация общества³ стала не исключительно феноменом науки и клинической медицины, но и практикой поп-культуры, превратив гены в социальные акторы, а семейные истории в генетические нарративы. Эти нарративы оказались мифологизированной историей прошлого, однако их реальность от этого не становится менее значимой.

Технонаука, встраиваясь в общество через биомедицинские инновации и становясь социальным телом на самых разных уровнях — теоретическом, клиническом, популярном, биографически-нарративном, не только обнажает проблему философской апории тела/машины и мышления/свободного решения, но и заставляет искать совершенно новые интерпретации тела через осмысления телесности морали. Является ли мораль частью тела? Или мораль лежит вовне по отношению к телу? Можно ли управлять моралью, рациональна ли мораль? Или она хаотична и непредсказуема? Следует ли наклады-

---

¹ Ридли, М. Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству / пер. с англ. А. Чечиной. М.: Эксмо, 2013. С. 181.

² Rommetveit, K., Wynne, B. Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public Understanding of Science. — 2017. — Т. 26. — №. 2. — С. 133–147.

³ Weiner, K. et al. Have we seen the geneticisation of society? Expectations and evidence // Sociology of health & illness. 2017, Т. 39, №. 7. P. 989–1004.

вать внешнее управление на моральное поведение, ограничивая автономию, или персональное управление моралью — залог ее подлинности? Наконец, какова роль культуры в формировании механизмов морали, ее диахронического и синхронического уровней, и насколько лабораторные биомедицинские подходы и культурные практики можно считать совместимыми?

Этические модели трансформации морали

Дискуссия морального биоулучшения оформилась как продолжение идеи улучшения человека, которую можно рассматривать как метафору условного базиса и надстройки, где базис — природа человека, а надстройка — различного рода биомедицинские вмешательства, как терапевтические, так и нетерапевтические. Таким образом, улучшение морали оказалось внутри определенной концептуальной рамки, которую можно определить через три основные модели: биоконсервативную, утилитаристскую и рефлексивный модерн.

Биоконсервативная модель рассматривает природу в качестве закрытой среды, вмешательство в которую может иметь самые серьезные этические и социогуманитарные последствия, неприемлемые для общества, если принимать онтологические основания принципов, на которых общество построено. При этом природа как объект выключена из социального пространства и является условным «заповедником», который необходимо регулировать и охранять, например, через мораторий на любые вмешательства и действия на его территории. В рамках данной модели отношения науки и человека человек как культурный автономный актор оказывается парадоксальным образом выключен из процесса биологического осознания себя как Я, поскольку природа оказывается закрыта не только для вмешательства, но и для исследования. Субъект рассматривается как подлинно ценностно-нагруженный лишь в том случае, если он культурно аутентичен, биомедицински неинструментализирован и самобытен с точки зрения своей биотехнологической содержательности, то есть биомедицинское или улучшающее вмешательство с ним не производилось. Статус особенности естественности, по сути, идеализация естественности, — важный био-

консервативный аргумент, придающий стабильность существующему терапевтически ориентированному status quo в современной экспертной научной среде. Биоконсервативно мыслящие философы¹ отмечают, что моральное суждение лежит вовне по отношению к нейробиологической структуре и основывается на потенции абсолютной свободы как условия собственного аутентичного воспроизводства. Причем эта свобода должна быть конкретной, а не условной, как в комментарии к мысленному эксперименту Дж. Локка, где свобода мыслится, но не является субъекту в виде реальной возможности, которой он способен воспользоваться². Идеализация свободы через придание ей онтологического статуса бытия человеком — ценностно-ориентированная концепция человека, лежащая в основании естественной аутентичности эмбриона³, человека и даже замысла как акта представления. Моральное суждение в этом случае приобретает максимально отвлеченный статус аутентичности, но вместе с тем наименее регулируемый и наиболее уязвимый с точки зрения вероятного разрушения человека. Таким образом, трансформация морали может быть исключительно внутрикультурной и социальной, с одной стороны, и субъектной, — с другой. Биоконсервативный аргумент рассматривает внешнее вмешательство в лучшем случае как угрозу онтологии человека, в худшем — как угрозу «ядерной» сердцевине человека — его автономии. В качестве метафоры можно предположить, что биоконсервативный дискурс рассматривает тело как декартовский механизм, оторванный от субъектности Я, и в силу этого обстоятельства вмешательство в сферу регулирования морали через тело может не только нанести вред механизму, но и разрушить аутентичность модели принятия моральных решений, основанных на признании абсолютного характера свободы как онтологического условия бытия человеком.

---

¹ Такого рода аргументацию можно встретить у Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, Дж. Харриса и др. авторов.

² Харрис, Д. Моральная слепота — дар божественной машины (Перевод Р. Р. Белялетдинова) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 4. — С. 244–253, 249.

³ Белялетдинов, Р. Р., Попова, О. В., Тищенко, П. Д., Шевченко, С. Ю. Биоэтические вызовы технологий редактирования генома эмбрионов человека // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 70–82.

Утилитаристская интерпретация морального биоулучшения основывается на принудительном нейробиологическом регулировании морали ввиду опасности наивысшего вреда, прежде всего технологического, как следствие импульсивности естественной морали, адаптированной для социальной жизни, но эволюционно не предназначенной для ответа на высокотехнологические вызовы техногенной цивилизации. Таким наивысшим вредом может быть экологическая катастрофа, а моральное улучшение необходимо для синхронизации коллективного усилия с целью противостояния этой вероятной катастрофе, которое невозможно инициировать в случае индивидуального и культурно детерминированного отношения к морали. Пионеры концепции принудительного морального улучшения Дж. Савулеску, И. Перрсон рассматривают утилитаризм как оправдание принудительного характера биоулучшения, гарантирующего благо большинства даже в случае неудобств и ограничений прав меньшинства¹.

Кроме того, утилитаризм, будучи концепцией, ориентированной на управление и поддержание блага, понимаемого прежде всего как измеряемый и материальный объект, рассматривает человека в качестве тела-механизма², связанного едиными принципами и детерминированного асоциально, изнутри собственной архитектуры. Тело-механизм, следовательно, с одной стороны, все время воспроизводит ошибки, которые приводят к невозможности коллективного противостояния техногенным угрозам, а с другой стороны, этот механизм, по утилитаристской версии, может быть управляем и улучшен до уровня регуляции социального поведения.

Феномен морального поведения — сложноорганизованный процесс, опосредованный социальными нормами и философскими принципами. Он воспринимается человеком в период формирования в семье, в процессе образования и в ежедневной социальной практике. Между тем поведение опосредуется аффективными (изучаемыми моральной психологией) и биологическими (нейропептидными и гене-

---

¹ *Savulescu, J, Persson, I, Wilkinson, D.* Utilitarianism and the pandemic. *Bioethics*. 2020, № 34. — P. 620–632.

² *Rakić, V., Wiseman, H.* Different games of moral bioenhancement // *Bioethics*. 2018, T. 32, №. 2. P. 103–110 ; *Rakić, V.* Genome editing for involuntary moral enhancement // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. — 2019. — Т. 28. — № 1. — С. 46–54;

тическими) причинами. В большинстве случаев первичным стимулом морального поступка является интуитивная аффективная реакция, связанная с неприятием определенного действия или события еще до рационального его объяснения. Базовая часть того, как человек *устроен* морально, лежит в понимании «биомеханики» морали, в том, до какой степени нравственные поступки когнитивны, как соотносятся когнитивно-семантические и поведенческие уровни и насколько более высокий уровень организации морали, прежде всего философско-интеллектуальный, может воздействовать на биологические процессы.

Просоциальность как результат переноса простейших функций сохранения потомства на социальную организацию и перестраивание механизмов нейропептидного стимулирования для вознаграждения/подавления поведенческих стратегий — один из ключевых тезисов биологической экспансии нейробиологии в область этики. Он опирается на эволюционную нейробиологию — процесс изменения специализации нейропептидов¹.

Система вознаграждения/наказания в социальном поведении могла возникнуть на основе инверсии рептильного «страха и оценки» в «неподвижность без страха» — навыка, существующего для выкармливания потомства у млекопитающих. Один из древнейших для млекопитающих животных нейропептидов, окситоцин, изначально отвечавший за стимуляцию питания и безопасность собственного организма, в процессе эволюции и естественного отбора постепенно менял свою функциональность и превращался в значимый элемент формирования устойчивых парных связей у животных. Прерийные полевки, а также некоторые приматы строят устойчивые отношения именно по причине их опосредованности функционированием окситоцина в гипоталамусе. Разрыв отношений или ограничение общения эти животные переживают как беспокойство, нейробиологически выражающееся и биохимически².

Усложнение социальной системы в процессе развития человеческого общества, возникновение устойчивых коммуникаций, признание/непризнание определенных типов действий через одобрение или

---

¹ Suhler, C., Churchland, P. The neurobiological basis of morality // The Oxford handbook of neuroethics. — 2011. — С. 33–58.

² Ibid.

изгнание связано с трансфером функций нейропептидов, некогда ответственных за воспитание потомства, а теперь отвечающих на стимуляцию поведенческих стереотипов, определяющих отношения свой/чужой, норма/девиация, друг/враг. Изоляция, изгнание, прекращение общения — формы наказания не только на социальном уровне, но и на уровне биохимии мозга.

Этическое одобрение или непризнание могут и не быть опосредованы когнитивным актом и установлением причинно-следственных связей или применением руководящих этических принципов. Ряд психологических исследований, посвященных моральной реакции на аморальные, но вместе с тем безопасные триггеры, показывает, что человек испытывает неприязнь к определенным, не несущим вреда действиям, но не может рационально *объяснить* эту неприязнь в терминах рационального морального осуждения¹.

Представление о морали как о дедуктивной персональной этической субъектности, транслирующей контринтуитивные универсальные максимы, плохо соотносится с реальными импульсами поступков, оцениваемых как моральные или аморальные. Нейробиологический механизм поощрения и наказания определенных действий не ограничивает автономию, он уже существует как биологическая структура, будучи частью социальной коммуникации и влияя на признание/непризнание социальных практик и явлений, окрашивая отношение к ним как одобрение или предубеждение/исключение, в некоторых случаях в обход интеллектуальным усилиям. Обращение к этим, уже немного изученным нейробиологическим механизмам как структурам, которые могли бы войти в биотехнологию морального биоулучшения, в целом соответствует распространению социально-медиализированных концепций, являя собой визуализацию морали как нейробиологического процесса².

---

¹ *Haidt, J., Hersh, M. A. Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals 1 // Journal of Applied Social Psychology. — 2001. — Т. 31. — № 1. — С. 191–221.*

² *Беляетдинов, Р. Р. Моральное биоулучшение и автономия: риск визуализации блага // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 4. — С. 254–267.*

Наконец, третья концепция улучшения человека апеллирует к рефлексивному модерну¹ как самоуправляемому социальному пути развития общества, активно использующего биомедицинские технологии для повышения собственных возможностей. Такой подход подразумевает добровольное моральное улучшение и недобровольное наследуемое моральное улучшение, передаваемое по наследству как результат выбора родителей². Распространение таких подходов самоадаптации в обществе может быть связано с признанием невозможности социального преодоления моральных дефектов и в потребности ограничения определенных поведенческих стратегий (например, склонности к насилию), ассоциируемых с конкретными генетическими мутациями. Таким образом, добровольное и нетерапевтическое устранение обнаруженных и связанных с поведенческими девиациями мутаций можно рассматривать в качестве проявления концепции рефлексивного модерна как сознательного выбора. В отличие от утилитаристской концепции, рефлексивный модерн основывается на социальной делиберации и непринудительности, а также на отрицании гиперответственности и разрушения солидарности как последствий изменения природы человека³. Акцентирование автономии и рефлексии при принятии решений переводит субъекта из глобального утилитаристского проекта в частный персональный проект собственной жизни, опирающийся на возможности технологий, предложенные технаукой, и персональные воззрения. Между тем в рамках такого представления тело по-прежнему рассматривается как машина, требующая выявления поломок и недостатков и нуждающаяся в улучшениях.

---

¹ *Ter, Meulen R.* Enhancement, hybris, and solidarity: a critical analysis of Sandel's The Case Against Perfection // *Medicine, Health Care and Philosophy*. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 397–405 ; *Giddens, A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, MA: Polity Press, 1991.

² *Rakić, V.* Genome editing for involuntary moral enhancement // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. — 2019. — Т. 28. — № 1. — С. 46–54.

³ *Ter, Meulen R.* Enhancement, hybris, and solidarity: a critical analysis of Sandel's The Case Against Perfection // *Medicine, Health Care and Philosophy*. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 397–405

Рассмотренные концепции биотрансформации морали человека достаточно сильно отличаются друг от друга тем, что предлагают различные интерпретации субъектности. Но вместе с тем они объединены декартовской концепцией тела-машины, чья работа либо должна охраняться, либо принудительно адаптироваться ради приобретения максимального блага, либо искусственно саморегулироваться персональными акторами, пользующимися собственной рефлексией как критерием оценки рисков.

Проблема эволюции морали

Проблема эволюции морали изначально оказалась выключена из биоэтического дискурса. В рамках концепции тела как моральной машины мораль не может эволюционировать и находится в зависимости либо от свободы воли, оторванной от телесности, либо от биохимических процессов, являющихся своего рода сложившимся механизмом, вмешательство в который рассматривается как разрушение человека через конфликт автономии и телесной биоструктуры морали.

А. Бьюкенен и Р. Пауэлл¹ возвращают в сферу обсуждения традиционный прокультурный подход, полагая, что с его помощью можно достигнуть необходимого морального прогресса, адекватного уровню технического развития современной цивилизации. Делается это в обход представления о теле человека как застывшей машины природы. Напротив, природа оказывается не чуждой трансформации и сама способна меняться без участия технонаучной лаборатории.

Принято считать, что естественная мораль основывается на чувстве справедливости и осуждении лжецов, но не приспособлена для кооперации больших групп людей, расселенных на обширных территориях, принадлежащих к разным национальностям и обладающих неоднородным опытом. Глобальные риски, например, антропогенное

---

¹ *Buchanan, A, Powell, R. The evolution of moral progress: a biocultural theory. Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190868413.001.0001; Fabiano J. Technological moral enhancement or traditional moral progress? Why not both? // Journal of medical ethics. — 2020. — Т. 46. — №. 6. — С. 405–411. DOI: 10.1136/medethics-2019-105915*

изменение климата — классическая проблема кооперации глобального масштаба, а кооперация групп людей в глобальном масштабе — одна из заявленных целей морального улучшения. Масштабная кооперация до настоящего времени не являлась эволюционным вызовом, и группам было свойственно действовать даже более эгоистично и конкурентно, чем индивидуальным акторам. Напротив, кооперации больших национальных групп вызывают большие сложности, так как достаточно недобросовестности одной социальной группы, чтобы подорвать доверие к объединению усилий в глобальном масштабе.

Этот дефект социальной кооперации, свойственный человеку, тем не менее требует радикального изменения отношения к кооперационным усилиям. Но глобальный масштаб риска не всегда понятен для стороннего наблюдателя даже тогда, когда тот или иной риск был устранен благодаря кооперации. Как сторонники морального биоулучшения (эволибералы), так и противники (эвоконсерваторы) — в терминах А. Бьюкенена — основываются на одной концептуальной платформе: моральные убеждения носят ригидный характер, это приводит к тому, что моральный прогресс с помощью культуры и образования не может соответствовать современному технологическому развитию. Как следствие — одни предлагают человека улучшать (в рамках утилитаристской или рефлексивно модернистской концепции), а другие — вводить моратории на развитие отдельных технологий. Отрицая это положение, Бьюкенен развивает собственную интерпретацию морали, основанную на историческо-эволюционном моральном потенциале общества.

Эволюционные моральные теории предлагают только диахроническую (историческую) модель объяснения морали, опирающиеся на отдаленные исторические события моральной истории, но объяснение развития морали также нуждается и в синхронической объяснительной эволюционной модели. Тот факт, что человеческое общество морально эволюционирует, доказывает, что культура способна порождать моральный прогресс даже вопреки нашим эволюционным склонностям действовать исключительно в рамках интересов своей

социальной группы. «Аномалии инклюзии» связанные с «синхронической» адаптацией морали к новым глобальным технологическим условиям, коррелируют с обстоятельствами, когда человеку становится выгодно действовать не исключительно в интересах собственной социальной группы (пример — движение за отмену рабства в США), дают надежду на способность человека адаптироваться к техногенной цивилизации без участия лаборатории и технонауки. Моральное биоулучшение в этом случае рассматривается как альтернативное, но при этом худшее решение в сравнении с традиционным прогрессом морали.

Заключение

Включение общества в моральную эволюцию при понимании нейробиологической природы морали, а значит, и определение границ воображения и понимания коллективного морального агента решают многие проблемы морального биоулучшения. Вместе с тем такой подход сохраняет возможности лаборатории продолжать развивать исследования просоциального нейробиологического механизма живых организмов и не допускает проведение инвазивных процедур в отношении глобального социального морального тела как без согласия (в рамках утилитаристского дискурса), так и с персональным одобрением индивидуальных акторов (рефлексивный модерн). Декартовская модель тела-машины, противопоставленная социальному телу, где господствует рационально-культурная мораль, также оказывается неуязвленной, хотя постепенно аргументация «от природы человека» становится менее убедительной. Важно иметь в виду, что неинвазивные формы моральной эволюции, если такие возможны, крайне важны, но их границы следует определять заранее в терминах языка технонауки и стараться соотносить с теми условиями, которые возникают в связи с достаточно быстрым темпом развития техногенной и информационной среды, требующей более сложной коллективной моральной организации.

Литература и источники

1. *Белялетдинов, Р. Р., Попова, О. В., Тищенко, П. Д., Шевченко, С. Ю.* Биоэтические вызовы технологий редактирования генома эмбрионов человека // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 70–82.
2. *Белялетдинов, Р. Р.* Моральное биоулучшение и автономия: риск визуализации блага // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 4. — С. 254–267.
3. *Ридли, М.* Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству / пер. с англ. А. Чечиной. М. : Эксмо, 2013. — 336 с.
4. *Харрис, Д.* Моральная слепота — дар божественной машины (Перевод Р. Р. Белялетдинова) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 4. — С. 244–253.
5. *Baker, R.* Before bioethics: A history of American medical ethics from the colonial period to the bioethics revolution. Oxford University Press, 2013.
6. *Buchanan, A., Powell, R.* The evolution of moral progress: A biocultural theory. — Oxford University Press, 2018.
7. *Fabiano, J.* Technological moral enhancement or traditional moral progress? Why not both? // Journal of medical ethics. — 2020. — Т. 46. — № 6. — С. 405–411. DOI: 10.1136/medethics-2019-105915
8. *Giddens, A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, MA: Polity Press, 1991.
9. *Giddens, A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
10. *Haidt, J., Hersh, M. A.* Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals 1 // Journal of Applied Social Psychology. — 2001. — Т. 31. — № 1. — С. 191–221.
11. *Rakić, V.* Genome editing for involuntary moral enhancement // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. — 2019. — Т. 28. — № 1. — С. 46–54.
12. *Rakić, V., Wiseman, H.* Different games of moral bioenhancement // Bioethics. 2018, Т. 32, № 2. P. 103–110.

13. *Persson, I., Savulescu, J.* Unfit for the future: The need for moral enhancement. — OUP Oxford, 2012.
14. *Rommetveit, K., Wynne, B.* Technoscience, imagined publics and public imaginations // *Public Understanding of Science*. — 2017. — T. 26. — № 2. — C. 133–147. Doi: 10.1177/0963662516663057
15. *Savulescu, J, Persson, I, Wilkinson, D.* Utilitarianism and the pandemic. *Bioethics*. 2020, № 34, P. 620–632.
16. *Spitz, V.* Doctors from hell: The horrific account of Nazi experiments on humans. — Sentient Publications, 2005.
17. *Suhler, C., Churchland, P.* The neurobiological basis of morality // *The Oxford handbook of neuroethics*. — 2011. — C. 33–58.
18. *Ter, Meulen R.* Enhancement, hybris, and solidarity: a critical analysis of Sandel's *The Case Against Perfection* // *Medicine, Health Care and Philosophy*. — 2019. — T. 22. — № 3. — C. 397–405.
19. *Weiner, K., Martin, P., Richards, M., Tutton, R.* Have we seen the geneticisation of society? Expectations and evidence // *Sociology of health & illness*. — 2017. — T. 39. — № 7. — C. 989–1004, doi: 10.1111/1467-9566.12551.

Смогут ли биотехнологии морального улучшения стать ответом на вызовы пандемии COVID-19?¹

П. Д. Тищенко

Could moral enhancement biotechnologies to respond the challenges of the COVID-19 pandemics?²

Pavel D. Tishchenko

Аннотация. В статье анализируется возможность средств биотехнологий морального улучшения преодолеть кризис взаимного доверия граждан перед лицом экзистенциальной угрозы пандемии Covid-19. Возникающая критическая ситуация рассматривается с позиций эвристики страха Ганса Йонаса и моделей «трагедии общественных ресурсов» в экономической теории. Подчеркивается значение этики в ситуации цейтнота (О. В. Попова). Делается вывод, что средства и идеи биотехнологий морального улучшения играют роль своеобразного плацебо для общества, потерявшего доверие к себе.

Ключевые слова: биомедицинское моральное улучшение, пандемия Covid-19, кризис доверия, трагедия общественного ресурса, плацебо, эвристика страха

Abstract. This article analyzes the possibility of moral enhancement biotechnologies to overcome the crisis of mutual trust of citizens in the face of the existential Covid-19 pandemic threats. The emerging critical situation is examined from the perspective of Hans Jonas heuristics of fear and models of “tragedy of commons” in economic theory. The importance of ethics in zeitnote (O. V. Popova) is emphasized. The conclusion is made that the means and ideas of biotechnologies of biotechnologies moral enhancement play the role of placebo for a society that has lost confidence in itself.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00812

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00812.

Keywords: biomedical moral enhancement, Covid-19 pandemic, crisis of trust, tragedy of the commons, placebo, heuristics of fear

Введение

Волнами накатывающая пандемия COVID-19 — это тест на выживание, устроенный человечеству природой через своего «посланника» — вирус SARS-CoV-2. Человечество с ним справляется плохо. Вместо мобилизации ресурсов на общее благо и солидарности перед лицом серьезной экзистенциальной угрозы мы видим разобщенность, схватку корыстных интересов фармацевтических компаний за рынки сбыта поспешно созданных и плохо проверенных вакцин, полную несостоятельность экспертного сообщества дать внятное объяснение происходящему. Но главное — глубокий *кризис общественного доверия* к науке и власти, которые по своей природе призваны обеспечивать общие интересы как национальные, так и общечеловеческие. Сохранилась ли сегодня экзистенциальная заинтересованность в выживании как человеческих сообществ, так и отдельных индивидов? Может оказаться, что эта пандемия — своеобразное «последнее предупреждение», посланное природой...

Возникает непростой вопрос: на *что мы можем надеяться перед* лицом этой и, возможно, ждущей нас впереди еще более серьезной опасности? В отличие от застрявших в прошлом тысячелетии авторитарных режимов, вирус пытается выжить не за счет сохранения себя в некотором законсервированном состоянии, а за счет постоянного самопреобразования — создания новых, более вирулентных штаммов. Постоянно слышишь: «основа всего — стабильность». Но стабильность бывает двух типов — мавзолейная и биологическая. Мавзолейная стабильность хочет законсервировать, заморозить, заформалинить все, чтобы не менялось. Для нее любое изменение — распад (разложение) целостности — *как любое изменение в мавзолейном гробу*.

Биологическую стабильность демонстрирует простенько устроенный вирус. Для него изменение *не распад, а шанс открыть в себе новую возможность* существования — создать новый штамм SARS-

CoV-2, на который вакцины для сдерживания предшествующего штамма уже не действуют. Люди, как наивные стрелки, целятся в движущейся мишени в точку, которую она занимала в момент прицеливания, и с необходимостью промахиваются — цель ушла в сторону. Они готовят вакцины для отживающих штаммов...

Это обстоятельство более чем понятно вирусологам. Дело в том, что обоснованием разработок, проводившихся в США и Китае, по конструированию штаммов коронавируса с большей вирулентностью была попытка решить именно эту проблему. Собирались сами смоделировать, какого рода мутации могут повысить опасность этого вируса, и проактивно предложить соответствующие вакцины. Вероятно, именно поэтому вакцины появились довольно быстро. Вирусологи ждали вирус, были готовы к его появлению, но... Жизнь оказалась сложнее. Они смогли более или менее успешно «попасть» в «уханьский» вариант, но вирус пошел мутировать дальше...

Поэтому повсеместно в той или иной форме стали применять классические, возникшие несколько столетий назад методы борьбы — карантин и локдаун. Маска и дистанцирование как средства борьбы с распространением инфекции стали массовым явлением во время пандемии гриппа «испанка» в заключительный период Первой мировой войны. Но для того чтобы эти традиционные меры сработали, необходимо наличие у основной массы населения такого морального качества, как *солидарность* — готовность отдельных граждан приносить в жертву свои частные интересы во имя общего блага.

Была надежда, что это моральное качество возникнет в определенном смысле спонтанно — как адекватная реакция на общую серьезную угрозу. В начале 60-х годов прошлого века Ганс Йонас предполагал, что можно будет построить объединяющую всех этику перед лицом глобальной экологической угрозы на основе *эвристики страха*. В своем понимании блага мы все расходимся друг с другом, но общее осознание угрозы объединит наши различающиеся моральные перспективы, дав основание для совместных усилий, направленных на выживание человечества¹. В современном обществе риска (У. Бек)

¹ Jonas, H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological // Age. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1984. P. 4.

концепт эвристики страха приобретает особые смыслы в связи с превращением науки в сложную сетевую структуру производства знаний без надежды на хотя бы виртуальную возможность существования некоторой центральной инстанции¹. Эвристика страха работает, объединяя контингентно (временно) и делиберативно связанных многочисленных акторов как в науке, так и вне ее.

В определенной степени на эвристике страха основываются современные общечеловеческие усилия в борьбе с потеплением климата. Поверх национальных интересов и локальных ценностей с огромным трудом, очень неторопливо пробивается к признанию *общечеловеческая — глобальная — ценность выживания*. Трением, которое препятствует совместному продвижению к общей цели, является то естественное обстоятельство, что выражение *общего интереса* всегда выпадает на долю лиц (физических и юридических), которые в этом выражении пытаются реализовать свои *частные*, особенные интересы. Поэтому, к примеру, в США борьба с потеплением превратилась в эмблему политики демократической партии, что автоматически вызывает *сопротивление* в лагере политиков-республиканцев. Ни у человечества, ни у отдельных национальных государств нет «*мессии*», который бы представлял общечеловеческий интерес, очищенный от «*всего личного*».

Аналогичная проблема возникает и в ситуации пандемии COVID-19. Перед лицом, казалось бы, общей угрозы ни человечество в целом, ни граждане отдельных национальных государств не могут объединиться и *солидарно* бороться с пандемией именно из-за того, что всюду мерещится *частный* интерес. В том числе и частный интерес в *манипуляции страхом*. К примеру, актер, производящий вакцины, занимается диагностикой угрозы заражения вирусом SARS-CoV-2 и одновременно, как обычный коммивояжер, занимается предложением именно своего товара. *Эвристика страха* в такого рода случаях используется, как подозревают противники вакцинаций, для реализации *частного* интереса получения прибыли под видом *общего интереса в выживании*.

¹ Тищенко, П. Д. Биоэтика, общество риска и эвристика страха // Философские науки, 2010, № 12. С. 42–47.

Источник сопротивления вакцинации двояк, хотя и имеет общее основание — *недоверие* науке. Во-первых, отрицается факт пандемии (на тех же основаниях, что и факт глобального потепления). Во-вторых, отрицается эффективность и безопасность вакцин, поскольку их разработчиков подозревают, и не без оснований, в получении сверхприбылей. В центре вопрос о *недоверии* и отказ в *солидарности* на сомнительных основаниях. Доверять разработчикам вакцин и их производителям можно только в том случае, если вакцины прошли стандартный цикл клинических испытаний, а результаты опубликованы в независимом научном рецензируемом журнале. Некоторое доверие бенефициарам вакцинации могло бы обеспечить налогообложение, изымающее у них всю сверхприбыль. Нельзя наживаться на страдании миллионов людей. Необходимо также исключить наличие конфликта интересов у экспертов — «академиков» и «докторов», свидетельствующих «за» или «против» вакцинации.

Выше перечислены важные социальные факторы, определяющие проблему отсутствия солидарности в ситуации, когда она жизненно важна. Имеющиеся ресурсы социальных и гуманитарных наук для обеспечения доверия общества к науке малоэффективны в силу их *невостребованности* медицинскими и политическими элитами.

Думается, что и человечеству, как и вирусу, не выжить без серьезных самопреобразований. Но на что мы можем надеяться в такого рода преобразованиях? На какого рода знание можно полагаться? Какого рода экспертизу использовать для осознания, в в какой ситуации мы находимся? В какой степени мы можем разделять более или менее общее понимание общего блага? Ответ на эти вопросы должен быть дан не только для отдельных граждан или групп единомышленников (что, безусловно, важно), но и для национальных и международных акторов, способных взять на себя ответственность за обеспечение общего блага — как биологического, так и морального выживания.

БМУ и проблема солидарности перед угрозой пандемии Covid-19

Весьма специфичный ответ на вопрос о возможности преодоления взаимного отчуждения людей, недоверия между обществом и наукой дают адепты биотехнологического морального улучшения (БМУ).

Причем особенность ответа сторонников БМУ в ситуации разворачивающегося кризиса заключается в том, что он (ответ) *транспонируется* (в смысле И. Гофмана) из контекста научных дискуссий в контекст профанных дискурсов обыденной жизни, появляясь не в научных журналах, а в средствах массовой информации. Тем самым академические дискуссии со страниц журналов переносятся в публичное пространство, причем главным аргументом, как мне представляется, остается *страх*. Точно так же, как страх используется в борьбе с пандемией сторонниками вакцинации, сторонники БМУ предлагают плохо работающие средства, мотивируя необходимость их использования опасностью, грозящей всему человечеству. В доковидных публикация лидера БМУ Дж. Савулеску этот аргумент звучал неоднократно. Но когда реальная ситуация требовала реальных действий, возможность нежелательных побочных действий БМУ настроила их пропонентов на более осторожные высказывания.

В качестве показательного примера приведу публикацию в популярном американском издании “The Conversation” — статью эксперта в области биоэтики БМУ П. Кратчфилда¹.

Очень важно, что статье предшествует заявление об отсутствии у автора конфликта интересов, которое включает утверждение: «Паркер Кратчфилд не работает, не консультирует, не владеет акциями и не получает финансирования от какой-либо компании или организации, которая могла бы извлечь выгоду из его утверждений, и сам не имеет никаких [бизнес] связей, выходящих за рамки его

---

¹ ‘Morality pills’ may be the US’s best shot at ending the coronavirus pandemic, according to one ethicist // The Conversation. August, 10, 2020 1.07 pm. [Online] , Available at: <https://theconversation.com/morality-pills-may-be-the-uss-best-shot-at-ending-the-coronavirus-pandemic-according-to-one-ethicist-142601>.

академической деятельности». Это заявление должно свидетельствовать о том, что автор преследует цели общего блага, а не свой корыстный интерес.

Название публикации указывает на ее основной смысл — ««Таблетки для улучшения» морали могут стать лучшим шансом для США остановить пандемию коронавируса». Не прививки, а именно таблетки для улучшения моральных качеств граждан страны. Дело в том, что пандемия COVID-19 — это коллективный риск, угрожающий всем. Люди должны все вместе сотрудничать, применять защитные средства, чтобы снизить вероятность нанесения вреда коронавирусом наиболее уязвимым членам общества. Кратчфилд указывает на необходимость соблюдения безопасной социальной дистанции и ношения медицинских масок. Но многие предпочитают не делать этого, что повышает вероятность распространения инфекции.

Возникает ситуация, которая на языке экономических моделей называется трагедией общинного ресурса (*tragedy of commons*). Если каждый пытается максимизировать свою прибыль, не обращая внимания на интересы всех остальных в использовании общего ресурса, то возникает опасность уничтожения этого ресурса. Пострадает и тот, кто эгоистично придерживался только собственных интересов, и все остальные. Для выживания каждого нужна солидарность и самоограничение всех. Модель трагедии общинного ресурса в 1833 году предложил английский экономист У.Ф. Ллойд на примере использования общих пастбищ английскими пастухами. На этих пастбищах каждый имел право пасти своих коров, но ограниченное количество, как это было принято в английских деревнях. Ллойд предположил, что если отдельный пастух выгонит на пастбище больше коров, то он будет в выигрыше только в том случае, если остальные будут выполнять правила самоограничения. Если все станут нарушать правила, то пастбище истощится и все пострадают. Поэтому, указав на модель Ллойда, Кратчфилд утверждает, что самоограничение каждого в виде использования масок и поддержания безопасной дистанции является залогом успеха в выживании

всех и наилучшей тактикой избежать трагедии общинных ресурсов — совокупного здоровья граждан. Несмотря на это благоразумное предположение, не только не все граждане подчиняются правилам, но и не все американские штаты ввели обязательное ношение масок. Что делать?

Как раз здесь, как полагает Кратчфилд, решить проблему помогут технологии БМУ: «Мои исследования в области биоэтики сосредоточены на таких, например, вопросах, как побудить тех, кто отказывается сотрудничать, делать то, что лучше всего для общественного блага. Мне кажется, что проблема ковид-диссидентов может быть решена путем морального технологического совершенствования: подобно вакцине для укрепления вашей иммунной системы, люди могут принимать какое-то вещество, чтобы усилить свое совместное просоциальное поведение... Я считаю, что общество может стать лучше как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, если будет повышать не способность организма бороться с болезнями, а способность мозга сотрудничать с другими. Что, если бы исследователи разработали и внедрили усилитель морали, а не усилитель иммунитета?»¹

По мнению Кратчфилда, уже найдены вещества, которые в некоторой степени способны усиливать у человека альтруистические качества, эмпатию и готовность к сотрудничеству. «Например, окситоцин, химическое вещество, которое, помимо прочего, может вызывать роды или усиливать связь между матерью и ребенком, может сделать человека более чутким и альтруистическим, более щедрым. То же самое и с псилоцибином, активным компонентом «волшебных грибов». Было показано, что эти вещества снижают агрессивное поведение у людей с антисоциальным расстройством личности и улучшают способность социопатов распознавать эмоции в других»².

---

¹ 'Morality pills' may be the US's best shot at ending the coronavirus pandemic, according to one ethicist // The Conversation. August, 10, 2020 1.07 pm. [Online], Available at: <https://theconversation.com/morality-pills-may-be-the-uss-best-shot-at-ending-the-coronavirus-pandemic-according-to-one-ethicist-142601>.

² Ibid/

Правда, оказывается, что этот пример как бы не совсем настоящий... Кратчфилд воспроизводит прием многих пропагандистов БМУ, включая Дж. Савулеску. Сначала подробно рассматриваются вопросы необходимости технологий БМУ, потом приводится пример окситоцина и других психоактивных субстанций, а в конце скороговоркой отмечается, что все эти субстанции пока не работают. Вот и Кратчфилд утверждает: «К сожалению, наука недостаточно развита. Например, хотя окситоцин может побуждать некоторых людей быть более просоциальными, он также, кажется, поощряет этноцентризм и поэтому, вероятно, является плохим кандидатом для широко распространенного морального повышения»¹. Казалось бы, подобное признание должно дезавуировать предложения технологий БМУ в ситуации пандемии Covid-19. Но автор не теряет надежду. *Опасность слишком велика!* Традиционные практики морального улучшения не работают. Поэтому надежда на спасение — только на технологии БМУ. Он пишет: «Это не значит, что таблетка для улучшения морали невозможна. Решение проблемы неразвитой науки состоит не в том, чтобы отказаться от нее, а в том, чтобы направить ресурсы на соответствующие исследования в области нейробиологии, психологии или одной из наук о поведении»². Эти средства пригодятся для борьбы с климатическими изменениями, другими более опасными пандемиями. Важно и то, что проponentам использования технологий БМУ, ясно, что эгоисты, наиболее нуждающиеся в пилюлях для улучшения моральных качеств, будут наименее готовы принимать их во имя общего блага. Поэтому ставка делается на *насильственные государственные меры типа принудительной вакцинации*. Но это возможно лишь при условии, если эти средства будут разработаны. Но возможно ли это? Возможно ли биотехнологически улучшить мораль? Дело в том, что существует широкое многообразие понятий и смыслов морали³.

---

¹ 'Morality pills' may be the US's best shot at ending the coronavirus pandemic, according to one ethicist // The Conversation. August, 10, 2020 1.07 pm. [Online], Available at: <https://theconversation.com/morality-pills-may-be-the-uss-best-shot-at-ending-the-coronavirus-pandemic-according-to-one-ethicist-142601>.

² Ibid.

³ Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа М, 2013. 448 с.

Что и в каком смысле ожидается технологически изменить? Сторонники БМУ, чтобы избежать содержательных интерпретаций морали, по поводу которых существуют серьезные расхождения, предлагают различные суррогатные конструкции как предмета улучшения. Вероятно, наиболее репрезентативную позицию в этом вопросе занимает Давид ДеГрациа (David DeGrazia)¹.

Анатомия предмета биотехнологического морального улучшения. Как и в любом живом движении, существует многообразие вариантов интерпретации основных идей БМУ. Рассмотрим в качестве репрезентативного примера интерпретацию ДеГрациа, который предлагает «анатомию» предмета биотехнологического морального преобразования в виде системы, включающей три компонента:

1. Улучшение мотивации: акцент на лучших мотивах, улучшение черт характера и общей установки поступать правильно;

2. Улучшение понимания: формирование понимания, что является правильным, как условие получения необходимого решения;

3. Улучшение поведения: обеспечение большего соответствия между пониманием того, что правильно, и поведением². «Улучшение поведения крайне желательно в интересах улучшения мира и обеспечения лучшей жизни для людей и других живых существ»³.

Первый и третий компоненты относятся к безусловно важным свойствам морального характера, но, по сути, они являются лишь *техническими условиями* морального поступка. К примеру, если поведение человека определяется этосом воровского сообщества или тоталитарного политического режима, то культивирование в своих детях и себе самом первых двух добродетелей не сделает мир, в котором мы живем, лучшим местом, как рассчитывают сторонники БМУ.

Все дело в интерпретации второго компонента «моральной анатомии» по ДеГрациа. Что понимается в качестве блага? Благо вора-рецидивиста не совпадает с благом честного человека. Более того, как только мы пытаемся теоретически понять, в чем смысл морали, что

---

¹ DeGrazia, D. Moral enhancement, freedom, and what we (should) value in moral behaviour // Journal of medical ethics. — 2014. — Т. 40. — №. 6. — С. 361-368.

² Ibid. P. 2.

³ Ibid. P. 3.

такое моральное благо, то оказываемся в ситуации неискоренимого плюрализма¹. ДеГрациа, как и другие сторонники БМУ, прекрасно понимает сложность данной проблемы. Поскольку решить ее невозможно, то обычно предлагается обходной маневр, смысл которого в определенной степени опирается на понятие «эвристики страха». Поскольку в своих позитивных истолкованиях общего блага мы радикально различаемся, то всех вместе нас может объединить *общая угроза*. Повторяющиеся практически у всех адептов БМУ заклинания о смертельных угрозах для человека и человечества (это роднит их с представителями трансгуманизма), по сути, пытаются инсталлировать особый режим принятия решения, который О. В. Попова назвала «этикой в режиме цейтнота»². Нет времени — угроза слишком реальна, — поэтому во всех странах испытания вакцин проводились в сокращенном и смягченном варианте. В нашей стране можно регистрировать вакцины и начинать их применение без должной публикации результатов клинических испытаний и постклинического мониторинга результатов их применения на практике. Страх списывает все негативные последствия. Аналогично проponentы БМУ пытаются реализовать свои идеи, несмотря на серьезные концептуальные недостатки, мотивируя смертельной опасностью разобщенности человечества. Общим местом является констатация низкой эффективности имеющихся средств, но обсуждение вновь и вновь возобновляется, как если бы это было несущественным обстоятельством...

Здесь важно понять *источник* притягательности этой темы и *популярности* идей БМУ, несмотря на отсутствие реальных средств улучшения и неудовлетворительности концептуальных подходов... В критических ситуациях современной медицины болезнь нередко выходит из-под контроля врачей. Тогда из уст пациента или его родственников раздается мольба: ну сделайте хоть что-нибудь! В таком случае врачи нередко предлагают средства, которые играют роль *пла-*

¹ Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа М, 2013. — 448 с.

² Попова О.В. От морального совершенствования к биотехнологическому улучшению, или о «этике в режиме цейтнота» // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека / сб. научн. статей к 70-летию П.Д. Тищенко. М.: Издательство МосГУ, 2017. С. 14-32.

цебо, поскольку никаким реальным действием не обладают. Думается, что средства БМУ играют роль такого рода *плацебо* для людей, не доверяющих властям и врачам в их способности обеспечить доверие к науке и солидарность граждан перед лицом смертельной угрозы пандемии. БМУ — это последняя надежда, это возможность *сделать хоть что-нибудь...*

Литература и источники

1. *Jonas, H.* The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1984.

2. *Тищенко, П. Д.* Биоэтика, общество риска и эвристика страха // Философские науки, 2010, № 12. С.42–47.

3. *Morality pills' may be the US's best shot at ending the coronavirus pandemic, according to one ethicist* // The Conversation. August, 10, 2020 1.07 pm. [Online resource], Available at: <https://theconversation.com/morality-pills-may-be-the-uss-best-shot-at-ending-the-coronavirus-pandemic-according-to-one-ethicist-142601>.

4. Мораль: разнообразие понятий и смыслов/Сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа М, 2013. — 448 с.

5. *DeGrazia, D.* Moral enhancement, freedom, and what we (should) value in moral behaviour // Journal of medical ethics. — 2014. — Т. 40. — № 6. — С. 361–368.

6. *Попова, О. В.* От морального совершенствования к биотехнологическому улучшению, или об «этике в режиме цейтнота» // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека / сб. научн. Статей к 70-летию П. Д. Тищенко. М. : Издательство МосГУ, 2017. С. 14–32

**Человек и будущее
в российских утопических проектах:
этические проблемы и антропологические риски**

О. В. Попова, Ё. Фуджи

**Human and future
in russian utopian projects:
their ethical problems and anthropological risks**

Olga V. Popova, Youich Fujii

Аннотация. В статье рассматриваются утопические взгляды, связанные с идеей «нового человека». Статья делится на два смысловых блока. В первой части мы исследуем образ «нового человека» в работах Богданова, Троцкого, Луначарского, Гастева и других мыслителей. Показано, что идеи большевизма связаны не только с культом личности пролетариата, но и с повышением физической и ментальной работоспособности, формированием «нового человека», который может полностью контролировать природу, включая свое собственное тело, с помощью разума. Эти проекты были сорваны сталинской чисткой в 1930-х годах.

Показано возрождение идеи «нового человека» в современной России в контексте идеологии трансгуманизма.

В статье проведен анализ двух российских трансгуманистических проектов «Россия — 2945» и «Детство — 2030». Оба проекта направлены на улучшение человека технологическим путем и модификацию человеческого тела с помощью искусственного интеллекта, биотехнологий, робототехники. Только в первом проекте речь идет о взрослом населении, во втором — о детской популяции.

Продемонстрировано, что идеи российского трансгуманизма, отражающие стремление к технологическому улучшению человека имели аналогию в истории идей и связаны со взглядами представителей большевистской мысли.

Ключевые слова: новый человек, большевистская утопия, утопические проекты, трансгуманизм, технологическое улучшение человека.

Abstract. The article examines utopian views associated with the idea of a “new man.” The article is divided into two semantic blocks. In the first part we examine the image of a “new man” in the works of Bogdanov, Trotsky, Lunacharsky, Gastev and other thinkers. It is shown that the ideas of Bolshevism associated not only with the cult of the personality of the proletariat, but also with an increase in physical and mental performance, the formation of a “new man” who can fully control nature, including his own body, with the help of reason. These projects were thwarted by the Stalinist purge in the 1930s.

The revival of the idea of a “new man” in modern Russia in the context of the ideology of Russian transhumanism is shown.

The article analyzes two Russian transhumanistic projects “Russia-2945” and “Childhood-2030”. Both projects are aimed at improving humans by technological means and modifying the human body using artificial intelligence, biotechnology, and robotics. Only in the first project is it about the adult population, in the second about the child population.

It is demonstrated that the ideas of Russian transhumanism, reflecting the desire for technological improvement of man, had an analogy in the history of ideas and are associated with the views of representatives of Bolshevik thought.

Keywords: new man, Bolshevik utopia, utopian projects, transhumanism, technological improvement of man.

Bolsheviks’ Utopian Ideas of ‘New Man’ and Enhancement

Bolsheviks represented by Bogdanov, Trotsky, Lunacharsky, Gastev etc. aimed at not only cultivating personality of proletariat, but also enhancing their physical performance into ‘New Man’, who can completely control the nature including their own bodies on reason. But their projects were derailed by Stalin’s purge in the 1930’s.

In the 2010s, some ongoing technological projects are pursuing the enhancement of men by the unity of bodies with artificial intelligence, biotechnology, robotics, and so on. Particularly since 2011 the international

project “2045 Initiative” sponsored by a Russian entrepreneur, Dmitry Itskov, have aimed at creating a transhuman being. While these schemes in recent times intend to enhance human intellectual and physical faculties by uploading individual abilities, the Russian Bolsheviks in the beginning of the 20th century had a vision to create a “New Man” from the proletariat.

Andrei D. Sinyavsky, the Soviet writer in exile in Paris, referred to this phrase as a “broad and complex problem posed by the Soviet era and the Soviet civilisation” in his book¹. According to him, “from the viewpoint of the “new man” the worst sin is the personal egoism or individualism, aspirations of people to live for themselves, and not for the sake of universal happiness”². Although the term “New Man” may sound relatively novel and secular, the concept has its root in the Christian bible, especially in Paul’s letters to the Ephesians and the Colossians. On the contrary, the Soviet “new man” should have regarded old morals such as Christian ones as “thoroughly individualistic” and struggled against those relics of exploitative class-based society. It is because religious morality’s essence is in the “complete indifference of the individual to the interests of society”³, citing the following scripture, “your reward is great in heaven...”⁴, “Judge not, that you be not judged...”⁵. In line with this thinking, the Soviet “new man” must have been free from the “original sin” to be true to Christ, and their main task was to reform human nature itself radically⁶ in order to be a new Adam, who would be the owner of the Communist Eden.

It is possible to find commonality in the idea of the “new man” between Bolsheviks’ and the one of American essayist, Michel-Guillaume Jean de Crèvecoeur (1735–1813), who regarded colonists in the northern America as “new men”, in some respects. In 1765 he started to settle in the Colonial America and bought a land to be a farmer. After leaving the New York for the Britain, he published a book “Letters from an American farmer” in 1782 in London.

---

¹ *Синявский, А. Д.* Основы советской цивилизации, М. : Аграф, 2002. — С. 156.

² *Ibid.* P. 160.

³ *Макаренко, А. С.* Сочинения. Том 5. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР. — 1951. — С. 407.

⁴ Luke: 6–23

⁵ Matthew: 7–1

⁶ *Синявский, А. Д.* Основы советской цивилизации, М. : Аграф, 2002. — С. 160

The Russian Bolsheviks conceived and developed their ideas how the “new man” should be. The former half of this section is devoted to clarify their common goal to reform human nature into a man developed in all aspects or into a “superman”, by analysing their works and policies of the Soviet government. Many proceeding studies have elucidated concepts of Bolsheviks such as A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. B. Lunacharsky, L. B. Trotsky and so on. Bogdanov used to be not regarded as an influential thinker in the Bolsheviks’ regime because he parted his ways with Lenin before the October revolution. Recent research, however, shows powerful influence of his thought on the Bolsheviks, including his view on the way of shaping the people as a “new man”¹. This paper supports this viewpoint and tries to examine blueprints of the aforementioned Russian theoretical leaders for the Soviet society as well as of the nature of the “new man” as its builder.

The first question is what kind of social thought on the prospect of human beings was prevalent at the time. According to A. N. Chumakov, in the latter half of the 19th century works by Thomas Malthus, Karl Marx, Nikolay Danilevsky, Oswald Spengler, etc. enabled the European intelligent at that time to grasp the whole world and think globally. In the early next century, Teilhard de Chardin and Vladimir Vernadsky advanced the predecessors’ ideas and developed each thought of “Omega Point” and “Noosphere”². Whether the viewpoint is religious or secular, the both concurrent worldviews demonstrate how human beings as a whole — not as an individual — is to evaluate to a higher grade being in the future. In such a spirit of the time in Russia A. A. Bogdanov advocated the theory of cosmo-evolution in the connection with the formation of the “new man”, who will bring the order to the uncontrolled nature, then the whole cosmos.

To where did Bolsheviks’ worldviews head in search of building the character of the “new man” and a new society? In order to answer this question, to begin with, Bogdanov’s works are examined in general terms. In his book “A Short Course of Economic Science” he described the Communist society which can be built first on the base of scientifically organised tech-

---

¹ Sato, M. *Borisheviki ni okeru ningen-kan no henkaku* (Reform of the Viewpoint on Man Among Bolsheviks), Gendaishisou. — 2017. — Vol. 45–19. — P. 73.

² Чумаков, А. Н. *Глобализация. Контуры целостного мира*. М. : Проспект. — 2005. — С. 373–405.

nology (for example, improvements of wireless communication systems and increasing the speed of all means of travel), then by switching to automatic regulation of labour in which ordinary working people engage themselves¹. In the first Bolshevik science fiction novel “Red Star” the author Bogdanov describes in detail the model of society on Mars, where the Martians created a civilisation more advanced than the Earth, and have already implemented a Communist society, characterised by automation of production”². Alike Bogdanov, Nikolai Bukharin daydreamed the production system under Communism as follows: “Under communism people receive a many-sided culture, and find themselves at home in various branches of production”³. Lenin also in his work “The State and Revolution” expressed a similar opinion on the upcoming Communist society.

The utopian novel “Red Star” depicts not only the disappearance of the division of labour by way of automation and self-regulation of production, but also by means of the modification and *co-ownership of human bodies*. Martians renew their lives through *mutual blood transfusions* between two human beings, whereby each individual can pass on the mass of conditions to raise his/her life expectancy to the other (for example, increasing resistance to different diseases) by connecting their respective circulatory systems⁴. Ironically, in 1928 Bogdanov died of an experiment on transfusion of blood into his body, as the director of the Institute of Blood Transfusion in Moscow. Here the question is how the Government promotes its policy to make the right to joint use of human bodies as natural resources. This policy possesses an element of danger to transform man into raw material, and people will be classified into the following two groups, “homo creator”

---

¹ *Богданов, А.* Краткий курс экономической науки, переработан и дополнен Ш.М. Дволайцким, 3-е изд., Государственное издательство. М. : — 1923. — С. 254–255.

² *Bogdanov, A.* Red Star: The First Bolshevik Utopia, ed. by Loren Graham and Richard Stites ; trans. Charles Rougle, Bloomington, Indiana University Press. — 1984. — P. 65–66.

³ *Bukharin, N. I., Preobrazhensky, E.* Trans. from the Russian by Eden and Cedar Paul, The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Programme of the Communist Party of Russia, The Communist Party of Great Britain. — 1922. — P. 72.

⁴ *Bogdanov, A.* Red Star: The First Bolshevik Utopia, ed. by Loren Graham and Richard Stites; trans. Charles Rougle, Bloomington, Indiana University Press. — 1984. — P. 85.

and “homo materia”¹ like human clones as organ donors in Ishiguro Kazuo’s novel “Never Let Me Go”.

In the beginning of the 20th century in Russia there was a philosophical trend of “God-Building”, contributing to the idea of restructuring the human body technically and biologically. For example, A. Lunacharsky, one of such God-builders, wrote that the faith of an active person is a belief in the coming mankind, his/her religion is a set of feelings and thoughts that make him/her co-involved in the life of humankind and a link in the chain that reaches for a super(w)man, for the beautiful and powerful creature, for the complete organism, in which life and reason will celebrate victory over the natural force”².

The idea of this philosophical movement in attempting to reach out for being a super(w)man from a (wo)man and to conquer nature disseminated not only among God-builders, but also among the other Bolshevik theorists. According to Leon Trotsky, the new socialist person “will try to master first the semiconscious and then the subconscious processes in his own organism, such as breathing, the circulation of the blood, digestion, reproduction, and within necessary limits, he will try to subordinate them to the control of reason and will”³. In addition, in his view, the human species “will become an object of the most complicated methods of **artificial selection** and psycho-physical training”, and also cease to “crawl on all fours before the dark laws of heredity and a blind sexual selection”. Furthermore, “new” man will “raise himself to a new level, to create a higher social-biologic type, or if you like, a superman”. Although Trotsky was not a God-builder, as noted above he shared their idea to mould from the proletariat into the “supermen” under the Communist leadership.

In an encyclopaedic dictionary, while “selection” is defined as the process for excluding organisms with undesirable genotype from a group of organisms with desired genotypes, “artificial selection” is delineated as a person’s choice of genotypes whose individual is necessary to create a gene

---

¹ Anders, G. Die Antiquiertheit des Menschen. Bd.2: Über die Zerstörung des Lebens im Zeitalter der dritten industriellen Revolution, München : Beck. — 1987. — P. 22–23.

² Луначарский, А.В. Основы позитивной эстетики, Очерки реалистического мировоззрения / Сборник статей по философии, общественной науке и жизни, СПб. : — 1904. — С. 181.

³ Троцкий, Л. Литература и революция. М. : Политиздат. — 1991. — С. 196–197.

pool for next generations¹. Therefore, it is possible to assume that Trotsky's worldview is in fact eugenic and deterministic. From the Trotskyists' viewpoint eugenics was defined as science and politics in the interests of effective reproduction of brilliant labour owners.

Intervention in human quality in eugenic practice in history was usually negative, i. e. its measure was social exclusion of “undesirable” people, including not only hereditary disabled people incapable of work, but also mental patients. It should be reminded that in the USSR the authorities treated dissidents as psychopaths and imprisoned them in psychiatric hospitals. Bogdanov criticised Mendelian genetics and believed in the inheritance of the acquired attributes of Lamarxism; therefore, he thought that acquired characteristics could be shared with others through blood transfusion².

Scientists of eugenics were unknowingly under Trotsky's sponsorship, and consequently as he gradually lost his power in the leadership in the 1920s, the science of eugenics shared its fortunes with its strong supporter concurrently. At the same time, in a dispute of philosophers between dialecticians led by Deborin and mechanists based on natural science, the former defeated the latter and was admitted being the legitimistic in 1929.

It was considered that the personality of a “new person” is distinguished by the acquisition of psychophysically trained collective organs. The peculiarity of this personality is clearly reflected in the literature of proletcult. The poet Aleksei Gastev in his poem embodied the idea of merging many homogenised individual workers into a huge living machine in a factory.

The God-builders hoped that every worker would begin to recognise the psyche “We” instead of “I”, by possessing a collective body that will cre-

---

¹ *Картель, Н.А., Макеева, Е.Н., Мезенко, А.М.* Отбор искусственный // Генетика. Энциклопедический словарь. Минск: Белорусская наука. 2011. // URL: https://genetics_dictionary.academic.ru/3530/%D0%9E%D1%82%D0%B1%D0%BE%D1%80_%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (Date of access: 18.09.2006).

² *Krementsov, N.* A Martian Standard on Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian science. Chicago : The University of Chicago Press. — 2011. — P. 48–49.

ate the conditions for mental collectivism. So, in the upcoming Communist society the content of the categorical imperative would sound like this: “Act so that the maxim of your action might be that of the apparatus of which you are or will be part”¹. Not only in poems but also in his article Gastev developed his view on the normalisation of the workers’ psychology².

The idea to normalise and mechanise labourers led to an experimental policy based on the Taylor system whose value was Lenin recognised in 1914³. This plan is reminiscent of E. I. Zamyatin’s novel “We”, in which people, who were “cured” of imagination as a result of an operation, turned into some kind of humanoid tractors. In 1920 under the leadership of Gastev the Central Institute of Labour (CIT) was founded. Actually, in 1925 its director Gastev proclaimed the course to make efforts not only to create certain organisational norms, but also to draw conclusions for biological reform of modern person⁴. Thus, the scientific organisation of labour in the USSR aimed at not only controlling the movement of workers’ body, but also reforming the human body itself.

In the words of the French philosopher, Michael Foucault, such Bolshevik power is characterised as the power that acts positively upon life, which undertakes to administer it, to increase it, to multiply it, to exert over it precise controls and general regulations⁵, in a word as the “bio-power”. Whereas Foucault analysed the capitalist bio-power, his conclusions are applicable to the bio-power of Bolshevism with regard to controlled insertion of the bodies into the production apparatus, its valorisation and the distributive management of its forces⁶.

---

¹ *Anders, G. Die Antiquiertheit des Menschen. Bd.2: Über die Zerstörung des Lebens im Zeitalter der dritten industriellen Revolution, München : Beck. — 1987. — P. 22–23.*

² *Гастев, А. Контуры пролетарской культуры // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М. : Новая Москва. — 1924. — С. 264–265.*

³ *Ленин, В. И. Система Тейлора — порабощение человека машиной // Полное собрание сочинений. Т. 24. Изд. 5-ое. М. : Политиздат. — 1973. — С. 371.*

⁴ *Гастев, А. К Предисловие к шестому изданию // Поэзия рабочего удара. М. : Художественная литература. — 1971. — С. 17.*

⁵ *Foucault, M. The History of Sexuality. Volume I: An Introduction. Translated by Robert Hurley. New York : Vintage/Random House. — 1980. — P. 136.*

⁶ *Foucault, M. The History of Sexuality (translated from French by Robert Hurley). New York : Vintage Books. — 1990. — P. 141.*

The task normalising and mechanising workers in the movement of the Soviet version of Taylor system reflected various aspects of Bolshevik power. Besides, the factors of the Bolshevik disciplinary control over factory labourers have common distinctive features with “McDonaldization” of the modern society, which is characterised by five major dimensions of rationalisation, namely, efficiency, predictability, calculability or quantity rather than quality, substitution of nonhuman technology, and control¹.

The subsequent Soviet history showed the veracity of Herbert Marcuse’s following words: “Efficiency and repression converge: raising the productivity of labour is the sacrosanct ideal of both capitalist and Stalinist Stakhanovism”². No matter how ideologues of the Bolsheviks and their supporters emphasise their intention to build a good society for the proletariat, the proverb “Good intentions paves the road to hell” is holy truth.

Now it can be said that the vision of the ideal socialist society shared by the most Bolshevik theorists at the beginning of the 20st century was a mixture of eugenics and Lamarxism; this perspective seeks to create a “new person” (and further super-person) by modifying the body of the proletarians by way of science, technology, and discipline.

It should be noted that the utopian context of the application of ideas to increase efficiency and labor productivity, on which the ideologists of Bolshevism actively relied, is also actively broadcast in modern Russia. We are talking about the emergence in the last several decades of various transhumanistic projects aimed at creating a new person who, on the one hand, will be equipped with modern technologies and gradually turn into an artifact, on the other hand, realize the potential of an economic entity, be a new person, a person as capital.

Below we would like to consider two modern Russian utopian projects that reflect modern utopian ideas about a new man. We are talking about the projects “Russia-2045” and “Childhood-2030”.

---

¹ *Ritzer, G.* The McDonaldization of Society. *Journal of American Culture*. V. 6, No. 1. — 1983. — Pp. 100–107.

² *Marcuse, H.* *Eros and Civilisation: Philosophical Inquiry Into Freud*. Beacon Press. Boston. — 1955. — P. 157.

The image of man in the utopian projects of modern Russia (based on the analysis of the projects “Russia-2045 and” Childhood-2030 “)

Russian utopian anthropotechnical projects demonstrate the process of arbitrary handling of human boundaries, the formation of a strategy of manipulation with the integrity of the human body. The modern Russian anthropotechnical project “Russia-2045”¹ will be considered below as one of the examples of ongoing biotechnological manipulations with human body integrity and its borders.

This project positions itself as a foresight technology, a technology to shape the future. The Russia-2045 project is also a social order for a certain type of person, which should be reproduced in the established format of social and economic relations to achieve both private and large-scale political goals.

The foresight as a technology for “working with the future” forms possible scenarios for the development of a “favorable” Person to the state. One example of such “Profitable” Person Project is the Project of the Person as a competitive capital. The person should possess the certain qualities corresponding to requirements of market economy. Modern technologies are considered as the means allowing to achieve formation of necessary economic subject.

Modern possibilities of technology are considered under the angle of political thinking, where the individual is significant only as a separate link in the ensemble of social relations, in the context of strategic tasks of social development.

Techno project “Russia-2045” is aimed at increasing human life expectancy by creating an artificial human body and the possibility of transferring consciousness into it. Besides, it is a social movement, including experts from different fields of knowledge, who, within the framework of formed working groups, implement specific tasks of the Project (such as, for example, creation of an artificial hand with a high degree of freedom or a neurocomputer brain of a robot) and set a goal to form a social order for innovative developments in the field of high technologies, as well as for a lifestyle filled with new values in the light of increasing its duration.

---

¹ Россия-2045. Стратегическое общественное движение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2045.ru/> (свободный доступ). — (дата обращения: 28.03.2021)

The ideological support of the Project was provided by the futurological ideas of Kurzweil¹ and other theorists of technological singularity. In the context of these ideas, the year 2045 (according to other estimates, 2030) acquires symbolic meaning. It is assumed that by 2045 there will be a moment when technological progress will become overly complex and totally unmanageable, by which time artificial intelligence and self-replicating machines will have been created.

Unlike other similar futuristic (usually trans-humanistic) projects of this kind, this project is characterized by clear planning, setting specific tasks to be solved by representatives of interdisciplinary working groups, which include Russian scientists, representatives of exact and natural sciences.

In this regard, the utopianism of the goal (human immortality or a sharp increase in life expectancy through the transfer of consciousness to artificial carriers) is compensated for by potential socially significant results that may arise in the framework of specific tasks of the Project (such as the creation of an artificial hand with a high degree of freedom as part of a program to create a neuro-controlled avatar — a humanoid robot).

In addition, unlike other trans-humanist projects, Movement Russia-2045 has entered into coordination with Russian social institutes and research centers.

The authors of the Project insist on changing the scenarios of modern social development. Thus, transnational post-industrial capitalism and the associated value paradigm of consumer society should be replaced by a new social formation, with the conventional name “neo-humanity”. “Neo-Mankind” represents a new epoch — transition to cosmic neurocivilization on the basis of intensive development of NBIC (nano-bio-info-cognos) and GNR (genetic nano-robotics) technologies. The neo-human will be created on the basis of the emergence of technologies to create an artificial body. It will be a creature with an artificial body (or several bodies) and a consciousness that has had experience of living in a biological body that has exhausted all resources.

---

¹ Kurzweil, R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge, MA: MIT Press. — 1990. — P. 580.

A phased implementation of the Project is as follows:

2015 r. — first copy of the avatar; 2017. — launch of the avatar into mass production; 2020, the first successful experiment to transplant the brain into an artificial body; 2025. — first commercial copy of an artificial human body into which the brain is transplanted at the end of life; 2030. — the creation of an artificial brain; 2035. — transfer of consciousness into a completely artificial body (i. e. creation of an artificial copy of a human body into which consciousness is transferred at the end of life is supposed: 2040 — creation of a body-hologram; 2045 — transfer of consciousness into body-holograms

It should be noted that all the stated strategic goals of the Project for their development actually do not have sufficient scientific and technical basis and sufficient level of personnel support. In this connection, special importance is attached to the method of reverse, reverse engineering of technologies. By this method is meant: “dismantling (disassembling) innovative products; studying how they work, how they are made; developing improved versions of these products, and selling them under the name of your own company”. In expert opinions of the Project advantages and disadvantages of foreign (Japanese) models of android robots are analysed, their functional characteristics are considered, and the expert Prof. L. A. Stankevich comes to a conclusion about necessity of search of new ways of construction of control systems of humanoid robots, paying attention to necessary contacts with “foreign universities for reception of the information and carrying out of some joint works on the given subjects”.

The project “Russia”-2045 is characterized by a low level of moral reflection (expert communities do not include specialists professionally engaged in ethical or bioethical issues). All ethical judgments are mainly of a declarative nature. For example, Project Russia 2045 focuses on the need for ‘moral and ethical work’, building a new society on ‘high’ principles, but does not specify what is meant by these phrases, just as it does not pay attention to the problem of responsibility of consumers of new technologies and their fair distribution.

In a reduced form, the project presents the teleological component of the project, it is limited to such phrases as ensuring a breakthrough in tech-

nology, indicating a new vector of development to all mankind, etc., which conceals ignoring the socio-cultural risks of such a breakthrough.

The project demonstrates the two-faced status of technology: as a source of threat and manipulation, and, on the other hand, as an opportunity to acquire new degrees of freedom, to make progress in various areas of life. Unfortunately, in practice, the slogans of progress and competitiveness and economic efficiency conceal the intention of large-scale instrumentalization of the person for whom all these goals should be put forward.

In April 2008, the “My Generation” Charitable Foundation initiated a foresight project “Childhood 2030” at the site of the Public Chamber of the Russian Federation. The project presented a new concept of childhood in Russia, which was designed to ensure Russia’s transition to an innovative path of development and its inclusion in the world.

Based on the analysis of existing Russian stereotypes about childhood, the authors of the Project have identified several levels of discourse relevant to the problem of childhood. These are scientific discourse, state discourse, public discourse, and expert discourse. The dominant type of discourse in Russia, as noted in the Project, is “protective childhood”. Its main feature is a postulate of the necessary isolation of children from the world of adults. In social and economic terms, it is characterized by the fact that “systems of support for the marginal layers” are given to the state (law enforcement agencies), which, according to the authors, “leads to the development of dependency and reproduction of the marginal layer, rather than to its socialization.

The concept of the “marginal layer” requires close attention. Without going into clarification of what is meant by the concept of the ‘marginal layer’ (whether children themselves, or the most vulnerable, financially disadvantaged categories of citizens together with children), the authors introduce it into the context of two problems of modern Russia: dependency and overpopulation (marginalization). These problems are seen as a negative consequence of social distribution mechanisms. An alternative way of implementing social policy, according to the authors, is to move “from a distribution system to a system of building social lifts for different

segments of the population”¹, but the authors do not clarify the principles of their functioning and this raises suspicion of the existence of a latent ideological orientation of the Project to the selection of children.

At the social level it is a question of the Project’s general attitude towards supporting exceptional children and ignoring the problems of children of vulnerable categories of citizens, including migrant children, and at the biological level it is a question of applying genetic manipulation methods to create children with the set properties. Eugenic connotations also sound in raising the problem of “quality” of the population, to address which, in particular, it is proposed to involve “quality” child migration.

Discourses of “fencing off childhood” are contrasted with more “profitable” discourses of “funny childhood” and “competent childhood”. The first is connected with a number of innovative directions of development of the child: new parenthood, movement of expenses in favor of childhood, development of the industry of the children’s goods and services, appearance of a children’s fashion. The second (“competent childhood”) is aimed at developing a child’s independence, including the definition of his or her own lifestyle, making independent decisions and building his or her own educational strategies. The child is primarily regarded as a subject of economic relations, entering into business games with the world of adults.

The Project emphasizes that the innovative way of development of Russia is impossible without destruction of the existing concepts of childhood, isolation of children from their family environment, their involvement in commodity-money relations through partial formation of a working (creative) class from children, their sharp inclusion in the consumption structure, separation of children’s goods business into an independent market sector, intensive development of developing goods for children using high technologies.

However, stimulation of these trends leads, first of all, to the formation of a new social group consisting of children and pursuing economic interests, due to the availability of certain capital (earnings result), which should be spent on the formed sector of children’s goods and services and thus

---

¹ Детство. Общественная программа [Электронный ресурс]. URL: <http://detstvo-2030.ru/>; URL: <http://detstvo2030.ru/dorojnaya-karta/> (свободный доступ). — (дата обращения 18.09.2006).

ensure intensive development of capitalism. The child becomes important only as “competitive human capital”. So, the new children of Russia should become a creative class capable of making a dramatic leap in promoting innovations.

Childhood 2030 project was officially announced at the Shanghai Expo 2010 as a Russian program to enter the 21st century. The Project traces a clear relationship between the introduction of technological innovations and the transformation of the social structure, a phased change in the distribution of social roles. For example, by 2020, children see the source of extra income in their children.

Thus, by 2020 children see a source of additional labour force (“2020. Children can work and earn income online”¹). By 2023, it is planned to create a robot child — a robot capable of imitating the behavior of a real child. Its use covers a wide range of social programmes: from an educational tool for parental training programmes to selling to those who do not want or cannot have real children, etc. It is likely that another function of child robots will be to replace living but working and overburdened children.

The introduction of child robots acquires quite unexpected connotations when the project indicates that it may lead to a reduction in the number of those wishing to give birth. The project implicitly introduces a progressive technological eugenics policy in the form of technological family planning. In this context, children are seen as luxury goods. For the marginalized, there is obviously only an alternative — a robot child — as one possible way to control the reproduction of “low-quality” migration.

The status of the child remains underreflected: on the one hand, it is assigned the status of an active participant in the social world (children can participate in the creation of objects, earn money, and propose their own educational strategies), and on the other hand (by 2025), it is a biomaterial from which a creature devoid of autonomy and its own development strat-

---

¹ Детство. Общественная программа [Электронный ресурс]. URL: <http://detstvo-2030.ru/>; URL: <http://detstvo2030.ru/dorojnaya-karta/> (свободный доступ). — (дата обращения 18.09.2006).

egy can be constructed (“it is possible to program the abilities and characteristics of children; instead of children, it is possible to have robots or a virtual child; robots can raise and care for children, a child’s ability can be increased through genetic modification and chipping”¹).

Considering children as a vanguard of social development, the authors ignore the problem of allocation of financial resources. As actors in the economic process, children should become investors in their own development.

Thus, the substantive part of the Project can be reduced to three points — the main strategic objectives of the Project:

1. Creation of a working (creative) class out of children as an active participant of innovative development, an active participant of business processes;

2. Reducing the number of Russian population through technological family planning (a new form of family life becomes its surrogate — a “technogenic family” consisting of a married couple and a robot child or a robot-educator and a human child).

3. Gradual elimination of the family as a conservative axiological system that prevents the introduction of innovative social mechanisms (new ethics, education and development strategies) and stratification of society on the basis of targeted generation stratification.

After numerous open protests against immoral innovativeness, the Project has undergone a substantial revision, has become softer in relation to the “old-fashioned” parent’s opinion, and is not so insistent on the child’s targeted technological design.

Conclusion

The American sociologist O. Toffler described the “modern stage of accelerating social change” as being non-linear. Modern man is dealing not only with the changing technological reality, but primarily with the incredible scale of social transformations, opening new horizons for social

---

¹ Детство. Общественная программа [Электронный ресурс]. URL: <http://detstvo-2030.ru/>; URL: <http://detstvo2030.ru/dorojnaya-karta/> (свободный доступ). — (дата обращения 18.09.2006).

needs and expectations, other forms of social relations and forming a new image of a person as a whole. Modern utopian techno-scientific projects represent the formation of a new form of human identity — a cybernetic organism, a cyborg in which biological and technical are intertwined. This is an extremely functional organism with greater productivity and fulfilling goals set by the customer. We have shown that with poor technological development, such an ideal of a new person is often imaginative, moves to the realm of fantasy (like Bogdanov's) or takes on the character of social engineering (like Gastev).

In a technologically developed society, the speculative nature of utopian technological projects begins to collapse as technological development proceeds. There is a precedent for the implementation of utopia, the individual elements of which we can observe today (for example, people with bionic prostheses or the first children with an edited genome to appear should be considered in the general trend of biotechnological design). In this regard, carrying out a socio-ethical analysis of the modern development of technologies, identifying the trajectories of their influence on the social life of society and the formation of new types of anthropological risks is of particular importance.

Bibliography

1. *Anders, G.* Die Antiquiertheit des Menschen. Bd. 2: Über die Zerstörung des Lebens im Zeitalter der dritten industriellen Revolution, München: Beck, 1987. — P. 22–23.

2. *Bogdanov, A.* Red Star: The First Bolshevik Utopia, ed. by Loren Graham and Richard Stites; trans. Charles Rougle, Bloomington, Indiana University Press. — 1984.

3. *Bukharin, N. I., Preobrazhensky, E.* Trans. from the Russian by Eden and Cedar Paul, The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Programme of the Communist Party of Russia, The Communist Party of Great Britain, 1922. — P. 72.

4. *Sato, M.* Borisheviki ni okeru ningen-kan no henkaku (Reform of the Viewpoint on Man Among Bolsheviks), Gendaishisou, 2017. Vol. 45–19. — P. 73.

5. *Foucault, M.* The History of Sexuality. Volume I: An Introduction. Translated by Robert Hurley. New York : Vintage/Random House. — 1980. — P. 136.

6. *Foucault, M.* The History of Sexuality (translated from French by Robert Hurley). New York : Vintage Books. — 1990. — P. 141.

7. *Krementsov, N.* A Martian Standard on Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian science. Chicago: The University of Chicago Press. — 2011. — P. 48–49.

8. *Kurzweil, R.* The Age of Intelligent Machines, Cambridge, 1990. MA : MIT Press. — P. 580.

9. *Marcuse, H.* Eros and Civilisation: Philosophical Inquiry Into Freud, Beacon Press, Boston. — 1955. — P. 157.

10. Matthew — Matthew: 7–1.

11. *Ritzer, G.* The McDonaldisation of Society, Journal of American Culture. — V. 6. — No. 1. — 1983. — P. 100–107.

12. *Богданов, А.* Краткий курс экономической науки, переработан и дополнен Ш. М. Дволайцким, 3-е изд., Государственное издательство. — М., 1923. — С. 254–255.

13. *Гастев, А.* Контуры пролетарской культуры // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М. : Новая Москва. — 1924. — С. 264–265.

14. *Гастев, А. К.* Предисловие к шестому изданию // Поэзия рабочего удара, М. : Художественная литература. — 1971. — С. 17.

15. Детство. Общественная программа // URL: <http://detstvo-2030.ru/>) и URL: <http://detstvo2030.ru/dorojnaya-karta/> (Date of access 18.09.2006).

16. *Картель, Н. А., Макеева, Е. Н., Мезенко, А. М.* Отбор искусственный // Генетика. Энциклопедический словарь. Минск : Белорусская наука. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://genetics_dictionary.academic.ru/3530/%D0%9E%D1%82%D0%B1%D0%BE%D1%80_%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения 18.09.2020).

17. *Ленин, В. И.* Система Тейлора — порабощение человека машиной // Полное собрание сочинений, Т. 24. Изд. 5-ое. М. : Политиздат. — 1973.

18. *Луначарский, А. В.* Основы позитивной эстетики, Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни, СПб. — 1904. — С. 181.
19. *Макаренко, А. С.* Сочинения. Т. 5. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР. — 1951.
20. Luke: 6–23.
21. Россия-2045. Стратегическое общественное движение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2045.ru/> (свободный доступ). — (дата обращения: 28.03.2021).
22. *Синявский, А. Д.* Основы советской цивилизации, М. : Аграф. — 2002. — С. 156.
23. *Троцкий, Л.* Литература и революция, М. : Политиздат. — 1991. — С. 196–197.
24. *Чумаков, А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект. — 2005. — С. 373–405.

РАЗДЕЛ II

БИОЭТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Модусы организационной сложности: проективный этос биоэтики¹

Л. П. Киященко, А. В. Голофаст

Modes of Organizational Complexity: Projective Ethos of Bioethics²

Larisa P. Kiyashchenko, Anastasia V. Golofast

Аннотация. В статье предполагается рассмотреть разнообразие свойств (модусов) организационной сложности, которое в известной мере определяется актуальной необходимостью проводить исследование, заново проверяя его основоположения. Это обстоятельство вынуждает признать, что исследовательские практики носят проективный характер. Существенную роль в этой связи играет референтное сообщество, которое контекстуально договаривается о конвенционально принятых основаниях по каждому конкретному прецеденту, который эмпатически настраивает на совместный интерес к нему. Речь идет о сложности, имеющей разные модусы организации (иерархия, гетерархия, дисперсия) в зависимости от естественного, искусственного, гибридного генезиса и от особенностей практической реализации. Это вынуждает реактуализировать представление об этосе, которое было введено Мертоном в 1960-е гг. Предметной областью проверки выдвинутых положений выбрана биоэтика как область изучения жизнедеятельности человека, направленная на улучшение своей природы на пересечении фундаментального и прикладного, теоретического и эмпирического, всякий раз перепроверяя основоположения своей идентичности. Незавершенность, непредсказуемость, открытость, ситуационная обусловленность — все эти свойства проектности в области организации биоэтических исследований напрямую связаны с этосом принятия конвен-

---

¹ *Киященко, Л. П.* провела исследование при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00812.

² *Kiyashchenko, L. P.* The study was supported by RFBR according to the research project №19-011-00812.

циональных основоположений, имеющим дело с жизнью человека в неопределенном и незавершенном спектре контроля рисков и оптимизации принятия решений между ближайшей и отдаленной перспективой.

Ключевые слова: проектность, биоэтика, улучшение, организационная сложность, эмпатия, этос, социальная самоорганизация, конвенциональность, незавершенность, открытость, междисциплинарность и трансдисциплинарность.

Abstract. The article is supposed to consider a variety of properties (modes) of organizational complexity, which to a certain extent is determined by the actual need to conduct research, re-checking its foundations. This circumstance forces us to admit that research practices are projective in nature. An essential role, in this regard, is played by the reference community, which contextually agrees on conventionally accepted grounds for each specific precedent, An essential role, in this regard, is played by the reference community, which contextually agrees on conventionally accepted grounds for each specific precedent, which empathically adjusts for a joint interest in it.

We are talking about complexity with different organization modes (hierarchy, heterarchy, dispersion) depending on the natural, artificial, hybrid genesis and on the features of practical implementation. This forces a re-actualization of the concept of ethos, which was introduced by Merton in the 1960s. Bioethics was chosen as a subject area for checking the proposed provisions as the field studying human life, aimed at human enhancement at the intersection of the fundamental and applied, theoretical and empirical, each time rechecking the foundations of identity.

Incompleteness, unpredictability, openness, situational conditioning — all these properties of design in the field of organizing bioethical research are directly related to the ethos of adopting conventional principles dealing with human life in the uncertain and unfinished spectrum of risk control and optimization of decision making between the near and distant prospects.

Keywords: design, bioethics, improvement, organizational complexity, empathy, ethos, social self-organization, conventionality, incompleteness, openness, inter- and transdisciplinarity.

Введение

Сегодня проблема этоса науки рассматривается в трудах, посвященных трансформациям научного познания. Она обсуждается, например, когда речь заходит о влиянии смены ценностных установок на изменение норм и стандартов самого познавательного процесса. При осмыслении традиционного соотношения Истины и Блага в современной культуре; при рассмотрении соотношения всеобщего и общезначимого, фундаментального и прикладного аспектов научного познания; при анализе проблемы персональной и коллективной ответственности в проведении того или иного исследования¹. Соотношение внутреннего и внешнего порядков, образующих системный феномен этоса науки, может быть проиллюстрировано различием внутренней и внешней сторон границы, рассмотренных Н. Луманом. «Граница системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют. Граница — это форма системы, другая сторона которой становится, тем самым, окружающим миром».² В наше время характер этоса научного сообщества приобретает порой черты ассамбляжа-целостности, для которого характерны отношения экстериторности. Эти отношения подразумевают, что составная часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж с иными формами взаимодействия.³

Аналитический разбор подобных ситуаций выявляет до конца их неопределенный характер, что, собственно, образует суть проективной деятельности. Одной из важных ипостасей последней является создание семиотических моделей возможного. Порождение подобных моделей обусловлено достаточной избыточностью неопределенности языка для обновляющего смыслового дизайна

¹ Киященко, Л. П. Этос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11. : Этос науки на рубеже веков. — М. : ИФ РАН. 2005. — С. 29–53.

² Луман, Н. Общество как социальная система. М. 2004. С. 78.

³ Деланда, М. Новая философия общества. Пермь : Гиле Пресс. 2018. — С. 170.

мыследеятельности, включающей проектируемые образы будущего, рекурсивно связанные с начальными точками предположения основоположений. Исходя из того, что проблематизация не предполагает однозначного и окончательного решения, образуются завершено-незавершенные парадоксальные ответы на запросы, поставленные нашим временем.

Проблематизация как одно из основоположений проектной деятельности представляет собой скорее «веер» альтернативных возможностей начинать, по-новому разворачивать, подсматривать те первоначала креативности, которые находятся в латентной зоне непроявленных неопределенностей бессознательного «нулевой ступени» на границах внутреннего (системного) и внешнего (средового, контекстного). Здесь точка зарождения многомерного мышления, выход в философию трансдисциплинарного со множественными дилеммами и напряжениями соответствующего опыта проживания, который не складывается суммарно из сложноорганизованной взвеси совмещений в горизонтальных (топологически-пространственных) и вертикальных (временных трансцендентно-трансгрессивных) измерениях. Эмерджентный эффект не силовых качественных взаимодействий «сказывается» (нарративно и перформативно) в нормогенезе возникновения референтной группы, собранной по интересам с соответствующим этосом поведения.

Двигаясь за смыслом слова «интерес» имея в виду прежде всего, такое его понимание, как «быть между», — *inter-esse*, отметим многообразие дополнительных его толкований, сославшись на Хайдеггера. «*Inter-esse* значит: быть среди вещей, между вещей, находиться в центре вещи и стойко стоять при ней»,¹ что позиционирует положение человека в отношении проблематизации. Другими словами, в процессе рассмотрения этоса современной постнеклассической науки формируется представление о некотором единстве, сложноорганизованной, открытой и динамичной целостности, которая может быть рассмотрена в разных аспектах и с разных позиций. Подчеркнем, что проблематизация этоса науки, помимо интереса, объединяющего на-

¹ Хайдеггер, М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; пер. А. С. Солодовникова. М., 1991. С. 134.

учное сообщество, в нашем случае сама по себе имеет особую специфику как в поиске, так и в возможности ответа на известные вопросы Канта в наше время.

Наше новое время может быть обозначено эволюционным этапом, которому дано знаковое наименование «Проектная революция». Как нам представляется, последняя собрана по матрешечному принципу, «целое в целом», вбирая в себя предшествующие по времени революции: аграрную, экономическую, научную, промышленную, информационно-коммуникативную, — образуя сложно-организованную конфигурацию по типу ассамбляжа.¹ Не исключен, конечно, революционный «разрыв» постепенности.

Человек может быть представлен как аутентичная саморазвивающаяся и самоценная диссипативная система, которая находится в состоянии обмена информацией, энергией и ресурсами со средой и выстраивает матрешечные идентичности. Поэтому человек оказывается вписан в управленческие структуры разных уровней, начиная от малой группы и заканчивая надгосударственными объединениями. На каждом из уровней вновь и вновь отрабатывается механизм ролевой самоидентификации и процедура приписывания принадлежности, которая подразумевает соблюдение обязательств и обладание правами, присущими каждому сообществу. Эти процедуры делятся на практики инклюзивности и практики исключения по ряду признаков, актуализируя вопрос о том, что значит «быть человеком».

Модусы организационной сложности

«Организованная человеческая деятельность — от обжигания горшков до полета на Луну — предъявляет к управлению два фундаментальных и противоречащих друг другу требования: разделение труда на тысячу локальных функций и координацию выполнения этих функций, чтобы реализовать общее предназначение».² Эта мысль Генри Минцберга позволяет определить структуру научной группы как сумму способов разделения труда для выполне-

¹ Деланда, М. Новая философия общества. Пермь : Гиле Пресс. 2018. — С. 170.

² Alvarez, J., Ferreira, A. Networks versus bureaucracies: the dilemma of organizations of the future. University of Navarra Research Paper. No. 288. 1995.

ния локальных задач и совокупность путей скоординировать эти направления в объединенной общей миссии системе. Степень наблюдаемости поведения системы и ее способность воздействовать на среду закодированы в профиле сложности. Наблюдатель может увидеть поведение только тогда, когда оно реализуется в масштабе, влияющем на него самого. Границы системы то есть, различие между системой и ее средой воспроизводится внутри домена. Субъекту необходимо исполнять базовый набор функций, чтобы увидеть и осмыслить порождаемые этим процессом внутренние дифференциации.¹ При условии сопряженности, чем больше энергии отдельные единицы вкладывают в свое поведение, тем масштабнее эффект коллективного действия. Сила воздействия коллективного поведения возрастает по мере снижения независимости отдельных субъектов.

Поскольку субъекты в своем поведении не зависят друг от друга, их поведенческие проявления нивелируют друг друга по воздействию на среду. В результате видимо простое поведение. Второй тип организационного поведения — сопряженное поведение. Оно возникает, когда простое поведение масштабируется синхронно посредством множественных повторов. Наконец, сложное коллективное поведение подразумевает, что в домене воспроизводятся сразу несколько типов простого поведения. Баланс между хаотичным и упорядоченным поведением характеризует поведение сложных социальных систем.

Организованное социальное действие требует принятия решений о членстве, о целях домена и правилах следования задаваемому ими вектору, о способах обеспечить подотчетность, о поощрениях и наказаниях, о вариантах сообщить участникам, кому в сообществе принадлежат власть и инициатива. Организации, полностью соответствующие этим критериям, являются цельными. Объединения, отвечающие лишь некоторым критериям, — частичным.² Распространение понятия «организации» за пределы формальных структур

---

¹ *Luhmann, N.* The Reality of the Mass Media. Polity Press. 2000. — P. 160.

² *Arne, G., Brunnsen, N., Seidl, D.* Resurrecting organization by going beyond organizations. — *European Management Journal.* — 2016. — P. 1–9.

влечет за собой замену противопоставления между организацией и средой на разграничение между организованным и недоопределенным пространством.

В организации действуют субъекты, принимающие решения от лица участников. Такие субъекты называются «контроллерами». Контроллеры наделяют членов сообщества специфическими задачами, закрепляют за ними идентичности, прикрепляют статусные определения, распределяют и перераспределяют ресурсы. Решения контроллеров — утверждения, репрезентирующие сознательный выбор способа функционировать и квалифицировать происходящие процессы.¹ Распоряжения контроллеров распространяются на весь подотчетный домен. Связка контроллеров формирует «ведущий центр», определяющий стратегию управления пространством.

Соприкасаясь со средой, система способна проявлять неожиданные свойства. Эту способность называют эмерджентностью. Слабая эмерджентность — это макроскопическое состояние, которое можно помыслить, исходя из знаний о микродинамике системы и о ее внешних условиях. Сильная эмерджентность описывает состояние, при котором долгосрочное развитие нелинейных процессов чувствительно даже к слабым изменениям начальных условий.²

Иерархия

Создание иерархии было крупной вехой на пути к рационализации (*Entzauberung*) коллективной жизни.³ Иерархическая структура подразумевает наличие четко обозначенного поля, на которое распространяется ее юрисдикция. В этом поле оперируют множество вложенных подчиненных уровней и меньшее количество руководящих, причем каждый руководящий выступает подчиненным для следующего и так до вершины. «Цементом», на котором держится иерар-

¹ Arne, G., Brunson, N., Seidl, D. Resurrecting organization by going beyond organizations. — European Management Journal. — 2016. — P. 1–9.

² Johnson, Ch. What are emergent properties and how do they affect the engineering of complex systems? Reliability Engineering and System Safety. — 2006.91 (12).

³ Olsen, J. The Ups and Downs of Bureaucratic Organization. Arena Working Paper. — 2017. — No. 14.

хия, выступает контроль. Контролем называется состояние, которое по необходимости может быть переведено в действие по удержанию ситуации в искомых параметрах порядка.

Поведение каждого элемента внутри иерархии определяется его схемой. Она регламентирует, какой поведенческий выбор субъект делает в единицу времени¹. Поскольку эти поведенческие алгоритмы обладают высокой частотностью повтора, они оказывают воздействие большого масштаба. Чтобы оно было рациональным, ведущий центр запускает его в ответ на запросы среды. Чтобы своевременно менять вектор масштабируемого действия, нужен однозначный регламент. Это рационализирует строгость иерархии.

Иерархия выстроена таким образом, что контроллер обеспечивает подотчетность коллективного поведения, но не следит за поведением каждого субъекта в отдельности. Информация о тонкостях индивидуального поведения для него избыточна. От таких «больших данных» его ограждает каскадный механизм, обеспечивающий переход контроля над коллективным поведением в практики контроля над индивидом. Иерархические организации содержат неформальные механизмы коммуникации, пронизывающие контролем горизонтальные пласты структуры.

Иерархия — адаптивная структура. Она гомеостатична и достаточно медленно меняется, чтобы быть наблюдаемой. Открытость иерархии среде ограничена обстоятельствами отпора от неблагоприятных внешних условий. Большая часть ресурсов иерархии уходит на поддержание самой себя, и в этом смысле иерархия находится в состоянии бытия. Она в той мере инертна к среде, в какой среда вторична для поддержания внутреннего порядка.

Источником устойчивости иерархии выступает ее размер — он позволяет масштабировать повторяющиеся действия на прилежащие пространства. Иерархическая организация выживает, пока превосходит конкурирующие организации по способности к масштабированию. Иерархия мыслится через правила, которые упорядочивают, способствуют равенству и обезличивают управление.

¹ *Anderson, Ph. Complexity Theory and Organization Science. — Organization Science. — 1999. — Vol. 10. — No. 3. — P. 216–232.*

Вместе с тем они устанавливают ограничения, не позволяющие своевременно реагировать на экстраординарный контекст.¹ За счет минимально возможной эмерджентности гибкость системы ограничена. Поэтому сильная сторона иерархии — высокая степень предсказуемости — включает в себе источник гибели или потенциального перерождения.

Вероятное наличие встроенного потолка развития иерархии проистекает от того, что постепенно ее динамика смещает акцент с миссии всей структуры на выполнение текущих задач.² Второй фактор хрупкости — несовершенство информационного обмена. В иерархических структурах действуют силы интеграции и силы распада. Достройка иерархии возможна, за счет включения в состав дополнительной периферии. Попытки достроить центр чреваты разрушением всей структуры ввиду эндогенной деконструкции центра. Силы интеграции доминируют, пока система не достигает максимума сопряженности. Как только организация достигает согласованности в отношениях между компонентами, возможности плодотворных изменений начинают сужаться. Каскадные кульминации частных образцов поведения выстраиваются в кульминацию целого.³

Гетерархия

Среда с высокой неопределенностью создает спрос на децентрализацию. Изменения происходят в сообществах, где коллективное поведение начинает проявляться в частично независимых подгруппах или в латентных сетевых объединениях, заключенных в рамки иерархии. Разделение контроля обладает недоступным для иерархии преимуществом гибкости. Неполная рациональность контроллера — одна из ключевых причин процесса управленческой деконцентрации. Постепенно возрастающую роль внутри рамочной структуры приобретают побочные интеракции. Как только сложность вызовов

¹ Olsen, J. The Ups and Downs of Bureaucratic Organization. Arena Working Paper. — 2017. — No. 14.

² Ostroff, F. The Horizontal Organization. Oxford University Press. — 1999. — P. 272.

³ Время мира / Альманах. Выпуск 2: Структуры истории. Сибирский хронограф. — 2001. — С. 520.

среды превышает уровень сложности в поведении индивидуально-го субъекта, иерархические механизмы теряют способность к моно-польной координации индивидуального поведения.¹

При деконструкции крупной иерархии, ее домен дробится на не-сколько частей. Некоторые из этих частей оказываются под властью двух ведущих центров и становятся гетерархиями. Термин «гете-рархия» ввел Уоррен Мак-Каллок (Warren McCulloch) для описания устройства мозга. Исследование позволило заключить, что, хотя мозг обладает некоторой упорядоченностью, не вполне верно называть его устройство иерархическим. В соответствии с определением авто-ра текста элементы гетерархии либо вовсе не поддаются ранжирова-нию, либо происходит ротация ролей в дихотомии «управляющее-управляемое звено».²

Хрупкая, на первый взгляд, гетерархическая структура вырабаты-ывает собственный ресурс эволюционной стрессоустойчивости. В гетерархии нет монополии одного ведущего центра, а есть распре-деление между несколькими, чей удельный вес меняется в зависимо-сти от контекста. Способность к «перебалансировке» снижает уяз-вимость гетерархического домена. В зависимости от контекста один из ведущих центров может повышать либо понижать градус своих управленческих притязаний. По мере изменения запросов ситуации, активность проявляет ведущий центр, предлагающий домену наибо-лее релевантный набор управленческих инструментов.³

Лавируя между несколькими ведущими центрами, гетерархиче-ский домен приобретает плодотворную недоопределенность алгорит-ма. Поскольку никакие реакции гетерархии не разумеются сами собой, ее пространство превращается в лабораторию для тестирования не-стандартных когнитивных и поведенческих реакций. Порог приятия неопределенности в такой структуре возрастает, ведь неопределен-ность — ее естественная среда, риск — сопутствующая константа.

---

¹ Bar-Yam, Y. Multiscale Variety in Complex Systems. Complexity. — 2004.9(4). — P. 37–45.

² Crumley, C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. — Archeological Papers of the American Anthropological Association. — 1995. — № 6 (1). — P. 1–5.

³ Aime et al. The riddle of hierarchy: power transitions in cross-functional teams. Academy of Management Journal. — 2014. — Vol. 57. — No 2. — P. 327–352.

Гетерархия — смысловое пространство с частичной организацией. Организация сохраняется частичной по двум причинам: в домене налажена неформальная упорядоченность, поэтому нет необходимости добавлять дополнительные параметры; участники не хотят быть включены в распределение издержек, сопутствующее формализации порядка.¹ Субъекту гетерархии доступны сразу несколько наборов шаблонных реакций. Иногда никакие из них не подходят для выживания в текущей ситуации. Обладая большей свободой, такой субъект не только поддерживает систему коммуникации со своим контроллером и ведущим центром, но и устанавливает паритетные горизонтальные связи с другими субъектами системы. За счет импорта свободной энергии извне гетерархический домен обретает способность к самоорганизации.²

Поскольку субъекты гетерархии соединены в одну систему, они пребывают в состоянии коэволюции — результаты деятельности одного из них зависят от поведения других. В результате коэволюции возникает динамический эквilibриум: небольшие изменения в поведении одного субъекта гетерархии приводят к слабым сдвигам в поведении других. Гетерархический домен обладает не ярко выраженной эмерджентностью — возможные альтернативы его развития можно вывести, исходя из параметров порядка ведущих центров и свойств среды.

Гетерархия находится в перманентном становлении, и в ней развивается преадаптивный компонент. Преадаптивность состоит в том, что гетерархия вынуждена сама творить себя, чтобы выжить. Креативное пространство гетерархии обладает тактической чуткостью — гетерархия должна вовремя предвидеть усиление одного из ведущих центров и превентивно этому воспрепятствовать. Иначе этот ведущий центр «проглотит» ее, сделав частью иерархического домена.

---

¹ Arne, G., Brunnsen, N., Seidl, D. Resurrecting organization by going beyond organizations. — *European Management Journal*. — P. 1–9.

² Anderson, Ph. Complexity Theory and Organization Science. — *Organization Science*. — 1999. — Vol. 10. — No. 3. — P. 216–232.

Дисперсия

Любая организация — только попытка упорядочения.¹ По мере усложнения коллективного поведения на уровне индивида, одному контроллеру становятся подотчетны всего несколько субъектов. Количество управленческих слоев увеличивается. Формирование структур ветвления дает большую свободу индивидуального поведения на микроуровне, что влечет за собой повышение сложности коллективного поведения.

Когда коллективное поведение выравнивается со степенью сложности поведения индивида, дальнейшее развитие натывается на границы иерархической структуры. Способности иерархии к усложнению исчерпаны, и ей приходится уступить место периферийным горизонтальным взаимодействиям. Факт преобладающего значения горизонтальных связей означает, что вертикальные связи используются более селективно, поскольку востребуется их обеспечительная функция.²

Научно-технические революции исторически приводили к взрывному повышению сложности организационного поведения, поставляя мощный приток свободной энергии. В цифровую эпоху требования к контроллерам возросли: с доступом к экспертной информации у целевой аудитории достаточно данных, чтобы делать рациональный выбор. Это требует смещения акцентов в принципах работы объединений. Со смягчением привычного для иерархии контроля необходимо подкреплять сопряженность поведения миссией. Осознанность субъектов, ранее находившихся внизу иерархии, требует повышения индивидуальной ответственности.

Дисперсное пространство не испытывает потребности в ярко выраженном ведущем центре. Оно подвижно преимущественно интуитивными высоко сенсорными процессами. Ведущий центр в дисперсной структуре заменяется на узловое элементы матричной структуры. Дисперсная структурная организация функционирует не за счет

---

¹ Arne, G., Brunson, N., Seidl, D. Resurrecting organization by going beyond organizations. — *European Management Journal*. — 2016. — P. 1–9.

² Ostroff, F. *The Horizontal Organization*. Oxford University Press. — 1999. — P. 272.

масштабирования, а за счет коэволюции со средой. Компонентом сплочения элементов дисперсии выступает доверие. Большой доступ членов к управлению подразумевает и коллективную ответственность за неудачи. Если объединение испытывает затруднения, лидер не несет за них единоличную ответственность. Каждый участник берет пропорциональную долю персональной ответственности за реализацию общих целей.

Дисперсии могут быть оформлены как мета — объединения — порядки, состоящие из организаций. Тогда роль дисперсной структуры сводится к тому, чтобы трансформировать часть среды каждой из участвующих организаций с учетом параметров, разделяемых дисперсией. Участие в метаорганизациях приводит к изменениям в отношении организаций-членов к организациям-не-членам за счет облегчения толерантности к инаковому. Для каждого из членов дисперсного порядка внутренняя среда дисперсии становится областью свободной от враждебности.¹

Уникальность дисперсной структуры в том, что она не воспринимает среду в качестве враждебного инакового. Такой тип структурной организации обладает способностью к гармоничной саморегуляции и гибкому проецированию себя вовне. В дисперсиях действуют механизмы с искусственным интеллектом. Они вбрасывают дополнительную информацию, добавляя новые ветвления в структуры делегирования. Организации нового типа возникают и действуют в «умных пространствах». «Умное пространство», — физическое пространство с неограниченным доступом к информации и субъектам, находящимся за его пределами. Обработка больших массивов данных внутри этих пространств востребует распределенный интеллект.²

По мере того как пространства становятся «умными», мы можем ожидать двух последствий. Первое состоит в расширении инфосфер до такой степени, что ни индивид, ни организация не способны полностью оградить их от среды. Второе заключается в том, что инфос-

---

¹ Arne G., Brunson, N., Seidl, D. Resurrecting organization by going beyond organizations. — *European Management Journal*. — 2016. — P. 1–9.

² Carley, K. Smart Agents and Organizations of the Future. — *Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of ICTs*. Ed. by: Lievrouw L. & Livingstone S.

феры становятся более мобильными. «Умные» агенты активизируют функции границ как моста, связующего прежде герметичные гомогенные домены с разными свойствами. Границы дисперсии — во многих случаях расплывчатые, подвижные, непредсказуемые фронтиры, в пределах которых осуществляются коммуникации».¹ Дисперсные системы эволюционируют по мере вхождения в состав, выхода или трансформации субъектов. Новые субъекты могут возникать путем слияния и поглощения либо посредством изменения функционального наполнения связей.

Современная конфигурация этоса

Современная интерпретация идей этоса на примере решения проблем биоэтического может быть уточнена с привлечением концепции философии науки Т. Куна и Р. Мертон в контексте постнеклассических исследований с привлечением ресурсов философии трансдисциплинарности, которая выстраивает новые конфигурации этических приоритетов и поведенческих характеристик обновленного этоса объединений по интересам. Прежде всего, это вопросы к актуализации рассмотрения трансдисциплинарности как феномена, иерархически сопряженного с междисциплинарной формой человеческой деятельности, которая рассматривается как эвристическая праоснова современной стилистики философствования. Она опирается и одновременно уточняет, переопределяет через фильтр решаемых экзистенциальных проблем общепринятые положения и законы дисциплинарных знаний, используя парадоксальность рефлексивно-рекурсивных субъект-объектных, субъект-субъектных отношений постнеклассики. Философия трансдисциплинарности ориентирована на отслеживание совместного становления как предмета проблемной области междисциплинарного исследования, так и его метода, вбирающего в себя искусство научного поиска в отношениях между субъектом и объектом. В тенденции нередуцируемые усложнения рекурсивного схематизма в постнеклассическом варианте неизбежно выходят на уровень неклассических форм рефлексивно-

¹ *Долфсма, В.* Провалы государства. Общество, рынки и правила. М. : Издательство Института Гайдара. — 2017. — С. 256.

го осознания необходимости философского «непритязательного» обобщения действий наблюдающего и поступающего субъекта, реализующего жизненную установку и нравственные убеждения исследователя в его личностном становлении. Современная философия ориентирована на нередуцируемую сложность объекта познания, на актуальные проблемы и практики жизненного мира. Перед нею стоит задача контекстного, но конкретного определения несиловых взаимодействий между субъектом и объектом, основанных на возникающих кооперативных и эмерджентных эффектах трансдисциплинарности в горизонте мировоззренческих перспектив.

Качество научной коммуникации в новой версии этоса науки определяют такие факторы, как межличностный контекст, финансирование, секторальный контекст (академический, правительственный, рыночный), контекст участвующих организаций (кафедры университетов, исследовательские лаборатории). В эффективной научной команде действует осознанность в отношении себя и других, доверие к членам команды, доступны стратегии открытой коммуникации, включая артикуляцию ожиданий, определение ролей и сфер ответственности, создание условий для признания вклада каждого из участников в общее благо¹. Указанные характеристики влияют на текущие проблемы и способы их решения в плане усовершенствования механизмов и целевых решений (необходимости избегать неоправданного риска и оптимизировать время получения искомого результата).

Аспект выбора информации для донесения сообщения, с учетом ограниченной емкости внимания научного сообщества, подразумевает компрессию и последующую конвертацию исследовательских феноменов и процессов в доступный и значимый язык для понимания и восприятия научного результата.² Взаимодействие между членами научного сообщества происходит посредством принятия

---

¹ *Bennett, M., Gadlin, H.* Collaboration and Team Science: From Theory to Practice. *J. InvestigMed.* — 2012. (60):5. — P. 768–775.

² *Druckman, J., Lupia, A.* Using Frames to Make Scientific Communication More Effective. In *The Oxford Handbook of the Science of Science Communication*. Oxford Handbooks Online. — 2017.

на себя устойчивых обязательств и дробления доверия.¹ Дробление доверия реализуется с целью пошагового выстраивания устойчивой долгосрочной коммуникации. Оно основано на том, что кооперативные действия приводят к последовательному повышению пропускной способности каналов коммуникации, делая их наиболее проводимыми. Презумпция доверия не означает автоматического принятия и разделения альтернативной точки зрения, но подразумевает априорное уважение к контрагенту через признание его права на собственные убеждения и их артикуляцию в процессе научного общения. В ходе научной коммуникации возможно нарушение ритуального статуса разговора, что приводит к необходимости его восстановления с обращением к инструментам коммуникативного равновесия. Обращение к доконфликтному статусу разговора способствует выстраиванию отношений реципрокации с наращиванием потенциала группового общения и с последующим выстраиванием сети межгрупповых коммуникаций.² Гармоничное групповое общение на основе взаимного участия, эмпатии, признания вклада участников в совокупный результат, выраженный в формате общего блага, подразумевает единство «ценностей ядра»,³ формирующих групповую идентичность, с соответствующим этосом поведения, притом что вторичные ценности могут различаться, вплоть до возникновения конфликта. Конфликтное взаимодействие обладает созидательным потенциалом — конфликт подтверждает факт установления отношений в ситуации, когда эти отношения прежде вовсе отсутствовали,⁴ позволяя организовать коммуникативное пространство и в последующем осуществить его переход в кооперативное русло, обладающее «защитными клапанами» для безопасного выражения недовольства, частичного или полного несогласия с параметрами порядка группы.

---

¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М. : ИРИСЭН. — 2007. — С. 366.

² Ostrom, E., Walker, J. Trust and Reciprocity: Interdisciplinary Lessons for Experimental Research. The Russell Sage Foundation Series on Trust. — 2003. — P. 424.

³ Sabatier, P. An Advocacy Coalition Framework Of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein // Policy Sciences. — 1988. — No. 21. — P. 129–168.

⁴ Coser, L. The Functions of Social Conflict. New York: Free Press. — 1964. — P. 192.

По отношению к этосу академической группы существуют три варианта поведения — лояльность, «голос» и «выход»,¹ где лояльность подразумевает безоценочное принятие групповых ценностей, «голос» означает артикуляцию недовольства, а «выход» предполагает постановку вопроса о возможном отделении от группы, претворяя в поведении возможность экстериторности ассамбляжа. С точки зрения теорий интеграции наиболее благоприятно объединение участников, обладающих равным статусом, поскольку в таком случае легитимно принятие решений на основе простого или квалифицированного большинства. Наиболее продуктивным мотором (само)образования группы выступает комплекс формальных и неформальных аспектов, выстроенных по принципу концентрических кругов вокруг кросстемпорального межпоколенческого воспроизводства дисциплины в контексте дискурсивно и перформативно оформленных практик освоения и передачи информации, повышающих образовательный капитал владельца конкретных научно-лабораторных исследований, например, участника процесса биотехнологического совершенствования человека.

Помимо качества тематических данных, их доступности и транзитивности, обладания обучающимися средствами поиска информации и навыками их применения, первостепенную роль играет возможность горизонтальной консолидации и выработки практик взвешенного критического общения и деликатного академического спора. Фигура исследователя в роли лидера-интегратора во многом определяет возможность формирования подобного сообщества, где устанавливаются паритетные пролонгированные связи в повседневном проектно-ориентированном эмпатическом общении, выходящем за рамки ролевых коммуникаций.

Заключение

Одним из методов удержания баланса обязательств и прав для биоэтики как исследовательского направления является использование опции «институционального предпринимательства» — селекции и предложения таких ответов на вызовы среды в юрисдикции

---

¹ *Hirschman, A. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States.* Harvard: Harvard University Press. — 1970. — P. 176.

собственной предметной сферы, которые позволили бы ей не только оставаться востребованным консультативным механизмом, но и получить в свое распоряжение более совершенные автоматизированные способы обработки больших данных, предоставляемые цифровизацией и применением технологий искусственного интеллекта. Вынесение прикладных этических рекомендаций о предпочтительных нормативных основаниях практической деятельности требует от биоэтики углубления арсенала методологических средств в постоянном контакте с запросами среды и в непрерывном открытом обучении, поскольку рассуждение о технологическом новаторстве без проникновения в суть практики изменений несет для биоэтики как стратегического процесса исследования угрозу перейти из положения гетерархии в положение иерархической периферии.

Управление колеблется между двумя крайностями — тотальным контролем и неограниченной свободой. Искусство созидательного баланса состоит в том, чтобы ни то, ни другое не было окончательно достигнуто. Уровень сложности возрастает соответственно количеству доступных управленческих инструментов. Двумя крайностями на этом спектре выступают предельно жесткий контроль и полная саморегуляция. Цифровая среда требует того, чтобы контроллеры иерархии трансформировали принуждающую роль в обеспечивающую, которая слегка корректирует создание общего блага¹.

Самоорганизация — пласт социальной жизни, предшествующий огранке общественными институтами и во многом определяющий, насколько долговечной и стрессоустойчивой окажется структура. Понятие «организация» не обязательно ассоциировать исключительно с иерархией. Видимое отсутствие жесткой иерархии не тождественно хаосу.

Типы структурной организации отличаются по способам конституировать границы и собирать внутреннее пространство. Иногда избранный вариант работает, иногда — нет. Но морфогенез группы — область, где ошибки равноценны успешным результатам, а может быть, обладают даже большей ценностью, чем успешный результат.

---

¹ Heritier, A., Lehmkuhl, D. The Shadow of Hierarchy and New Modes of Governance // *Journal of Public Policy*. — 2008. — №. 28. — P. 1–17.

Сообщества развиваются благодаря коллективному обучению между поколениями организаций. Каждая новая ошибка дает возможность конструировать более приспособленные организации будущего. Каждый успешный результат либо закрепляется в качестве основы для дальнейшего совершенствования, либо откладывается в запас ответов на вопросы среды.

Гетерархия и дисперсия — структуры преадаптивного потенциала. Гетерархия вынуждена действовать на опережение, предусматривая повышение активности одного из ведущих центров. Для нее это способ выжить, избежав включения в один из иерархических доменов ее ведущих центров. Дисперсия устроена на основании коэволюции со средой. Только иерархия выступает адаптивной, а не плодотворно преадаптивной структурой.

Одно из ключевых условий плодотворного векторного стремления к выполнению миссии организации — поддержание сопряженного поведения элементов. Сопряженность может достигаться посредством принуждения, как это происходит в иерархии, либо в результате убеждения, как это происходит в гетерархии, или органически, как в дисперсной структуре. Дисперсный способ достижения сопряженности сохраняет больше свободной энергии. Органическая сопряженность в сочетании с сильной эмерджентностью дает дисперсиям конкурентное преимущество перед другими видами структурной организации.

Статус биоэтики как исследовательского направления, изучающего деятельность по улучшению человека, определяется ее диспозицией в качестве философской рефлексии, занимающей промежуточное положение между теорией и практикой. Биоэтика предполагает высокую обеспеченность эмпирикой, что с ракурса наук об управлении делает ее гетерархией, расположенной между ведущими центрами права и политической науки. Подобное положение создает как источники уязвимости, в частности, с учетом права ведущих центров не учитывать осуществляемую биоэтикой консультативную функцию гуманитарной экспертизы, так и источники преадаптивного потенциала, в частности, сопричастность к опери-

рованию информации, которая может быть использована при принятии прецедентных решений в правовых коллизиях, касающихся имплементации технологий улучшения человека¹. Применение трансдисциплинарных стратегий исследования потенциально способно соединить на основе общей гуманитарной миссии биоэтику с направлениями практической деятельности, востребующими практическую этическую экспертизу технологий. Это — вариант придания биоэтике конфигурации дисперсного исследовательского направления, открытого к контакту с транснациональными корпорациями и неправительственными объединениями для обеспечения «антихрупкости» (Н. Талеб) и поступательного формирования собственного предметного поля в тесном контакте с производственным и неправительственным сектором экономики, которые по преимуществу остаются все еще средовыми объединениями для современных философских исследований в России.

Литература и источники

1. *Деланда, М.* Новая философия общества. Пермь: Гиле Пресс. — 2018. — С. 170.
2. *Долфсма, В.* Провалы государства. Общество, рынки и правила. М.: Издательство Института Гайдара. — 2017. — С. 256.
3. *Киященко, Л. П.* Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // *Философия науки*. Вып. 11. : Этнос науки на рубеже веков — М.: ИФ РАН. — 2005. — С. 29–53.
4. *Луман, Н.* Общество как социальная система. — М. — 2004.
5. *Хайдеггер, М.* Что значит мыслить? // *Разговор на проселочной дороге* / М. Хайдеггер ; пер. А. С. Солодовникова. — М. — 1991.
6. *Шеллинг, Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН. — 2007. — С. 366.
7. Aime et al. The riddle of hierarchy: power transitions in cross-functional teams. *Academy of Management Journal*. — 2014. — Vol. 57. — № 2. — P. 327–352.

---

¹ Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19. Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза, сб. науч.ст. / под ред. Б. Г. Юдина. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета. — 2014. — С. 180.

8. *Alvarez, J., Ferreira, A.* Networks versus bureaucracies: the dilemma of organizations of the future. University of Navarra Research. Paper No. 288. — 1995.
9. *Anderson, Ph.* Complexity Theory and Organization Science// Organization Science. — 1999. — Vol. 10. — No. 3. — P. 216–232.
10. Arne et al. Resurrecting organization by going beyond organizations // European Management Journal. — 2016. — P. 1–9.
11. *Bar-Yam, Y.* Multiscale Variety in Complex Systems // Complexity. — 9(4). — P. 37–45.
12. *Bennett, M., Gadlin, H.* Collaboration and Team Science: From Theory to Practice // J. InvestigMed. — 2012. (60):5: — P. 768–775.
13. *Carley, K.* Smart Agents and Organizations of the Future // Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of ICTs. Ed. by: Lievrouw L. & Livingstone S.
14. *Coser, L.* The Functions of Social Conflict. New York: Free Press. — 1964. — P. 192.
15. *Crumley, C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archeological Papers of the American Anthropological Association. — 1995. — № 6(1). — P. 1–5.
16. *Druckman, J., Lupia, A.* Using Frames to Make Scientific Communication More Effective. In The Oxford Handbook of the Science of Science Communication. Oxford Handbooks Online. — 2017.
17. *Heritier, A., Lehmkuhl, D.* The Shadow of Hierarchy and New Modes of Governance // Journal of Public Policy. — 2008. — No. 28. — P. 1–17.
18. *Hirschman, A.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Harvard: Harvard University Press. — 1970. — P. 176.
19. *Johnson, Ch.* What are emergent properties and how do they affect the engineering of complex systems? // Reliability Engineering and System Safety. — 2006. — 91(12).
20. *Luhmann, N.* The Reality of the Mass Media. Polity Press. — 2000. — P. 160.
21. *Olsen, J.* The Ups and Downs of Bureaucratic Organization. Arena Working Paper 2017. — No. 14.

22. *Ostroff, F.* The Horizontal Organization. Oxford University Press. — 1999. — P. 272.

23. *Ostrom, E., Walker, J.* Trust and Reciprocity: Interdisciplinary Lessons for Experimental Research. The Russell Sage Foundation Series on Trust. — 2003. — P. 424.

24. *Sabatier, P.* An Advocacy Coalition Framework Of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein // Policy Sciences. — 1988. — No. 21. — P. 129–168.

25. Время мира / Альманах. Выпуск 2: Структуры истории. Сибирский хронограф. — 2001. — С. 520.

Субъективизм и достоверность в гуманитарной экспертизе

А. А. Воронин

Subjectivity and reliability in humanitarian expertise

Andrei A. Voronin

Аннотация. Автор аргументирует тезис о многообразии гуманитарной экспертизы. Проводится классификация подходов к ГЭ — различаются жесткие, средние и мягкие трактовки организации и проведения ГЭ. Рассмотрены наиболее типичные концепции ГЭ в нашей литературе, показана логика движения от жестких трактовок к мягким. Центральным пунктом является проблема субъекта ГЭ и способов обоснования и достижения достоверности ГЭ. Экспертное суждение стремится преодолевать субъективизм, вписанный в гуманитарное знание как одно из непрременных качеств, за счет экспликации возможностей для продуктивной дискуссии.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, субъект, субъективность, уникальность, универсальность, множественность, достоверность.

Annotation. The author argues the thesis about the diversity of humanitarian expertise. The classification of approaches to GE is carried out — there are hard, medium and soft interpretations of the organization and conduct of GE. The most typical concepts of GE in our literature are considered, the logic of the movement from hard to soft interpretations is shown. The central point is the problem of the subject of the GE and the ways to substantiate and achieve the reliability of the GE. Expert judgment seeks to overcome subjectivism, inscribed in humanitarian knowledge as one of the indispensable qualities, by explicating opportunities for productive discussion.

Keywords: humanitarian expertise, subject, subjectivity, uniqueness, universality, multiplicity, reliability.

Проблема соотношения субъективности и достоверности в гуманитарной экспертизе (ГЭ) неочевидна, но закономерна. Неочевидна потому, что на первый взгляд субъективизму вообще нет места в экспертизе — какой бы она ни была. Экспертиза должна дать недвусмысленный, обоснованный ответ — что есть и какими последствиями чреват тот или иной предмет того или иного интереса. Таковы экспертизы в промышленности, вообще в производстве, в торговле, в судах, — везде, где экспертиза сочетает науку, профессионалов, принятие решений. Точно так же от ГЭ часто ждут недвусмысленности, доказательности, обоснованности прогноза (если он заказан), — короче говоря, — достоверности. И здесь возникают проблемы.

ГЭ отличается от просто экспертизы. Об этом довольно много уже написано, высказано несколько точек зрения, в них интересно разобраться.

Начну издалека. Лет 30 тому назад на одном из семинаров и Институте философии Б. А. Грушин зачитал присутствующим коротенький скетч М. Жванецкого. Назывался он «Паровоз для машиниста». Если кто не помнит, приведу его в приложении. Грушин сказал: «Вот это самое точное, хоть и краткое, понимание нашей экономики, да и вообще всего образа жизни. Я бы ему присудил за это докторскую, — ни один ученый, ни один институт такого точного диагноза не поставил». Спрашивается, можно ли считать это ГЭ? В строгом смысле нет. А в нестрогом — безусловно! Мнение эксперта — Б. А. Грушина — для меня очень весомо, хоть оно и субъективно. Но субъективность в данном случае быстро переросла в объективность, поскольку: а) все согласились, а это была аудитория профессиональных социологов, философов, были там и историки. Не просто согласились, но и б) развернули в других терминах очень убедительную теоретическую картинку устройства нашего общества. Стало быть, бывает строгая экспертиза, а бывает и иная. Терминология в таких случаях играет не самую важную роль, главное — пронизательность, понимание, глубина суждения. Те же вопросы можно обсуждать по поводу книг А. А. Зиновьева, — резко социально-критических по настрою, или книги В. И. Толстых «Мы были. Советский человек как он есть», —

наоборот, исполненной позитивным пафосом. И там, и там — очень тонкие, точные наблюдения, правдоподобные обобщения, тщательно проработанная аргументация, целостные картины, написанная талантливейшей авторской рукой — но принципиально субъективные. Как и полагается в искусстве, и отчасти, как и принято в гуманитарном знании. Мешает ли субъективизм достоверности свидетельства, и можно ли такие свидетельства отнести к жанру ГЭ? Ведь в данном случае свидетельства, авторские соображения фундированы профессиональной подготовкой, долгими успешными годами теоретической работы, многочисленными публикациями и докладами. Ответ станет не так очевиден, когда мы познакомимся с взглядами современных ученых на методологию ГЭ.

Попробуем дать типологию взглядов наших ученых на суть и задачи ГЭ. Это будет важно для обсуждения нашей темы. Среди теоретических и методологических подходов просматриваются конструкции, которые можно условно назвать «жесткие», «средние» и «мягкие».

К первым я бы отнес несколько предложений. Так, Г. Л. Тульчинский¹ исходит из проблемы специфики гуманитарного знания. «Результатом проявлений человеческого духовного опыта присущи уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании). Этой сфере с ее смысловой неоднозначностью противостоит наука, science, под которой понимается деятельность, связанная с получением знания в результате расчета и эксперимента, т. е. преимущественно естествознание и математизированные науки.»²

Несмотря на столь существенные различия, автор предлагает аналитическую классификацию ГЭ по уровню используемого знания: социологический, культурологический, антропологический, метафизический уровень. С одной стороны, такие четкие разбиения могут быть прагматически очень полезны при планировании ГЭ какого-то

---

¹ Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербургского Академического Управления и экономики. — 2010. — № 3 (29). — С. 28–38.

² Там же. С. 31.

конкретного проекта, но с другой — включают в предмет ГЭ максимально широкие пределы, которые вряд ли поддаются операционализации. Что касается методики ГЭ, автор представляет «пошаговую реализацию следующего алгоритма:

1) диагностика (идентификация, атрибуция, квалификация) базового (выбранного в качестве «стандартного») нормативно-ценностного комплекса;

2) диагностика нормативно-ценностного комплекса оцениваемого явления, проекта, программы;

3) соотнесение результатов шагов (1) и (2);

4) оценка (интерпретация) результатов шага (3);

5) выявление (прогноз) последствий реализации нормативно-ценностного комплекса, выявленного на шаге (2) для базового нормативно-ценностного комплекса»¹.

Заметим, что предметом ГЭ оказываются нормативно-ценностные комплексы, что тут же сужает всю проблематику, обозначенную автором выше. Продолжим выписки: «В-третьих, ГЭ всегда относительна и конкретна. Более того, она оказывается средством достижения баланса толерантности — каждый социум имеет право на реализацию своих ценностей, при условии не нанесения ущерба другим».²

Один из ключевых вопросов, касающихся организационного плана ГЭ, — вопрос о том, как рекрутировать экспертов. Г. Л. Тульчинский пишет: «отмеченные ранее особенности ГЭ предъявляют к профессионализму такого специалиста довольно высокие требования:

– высшее образование, как правило — гуманитарное;

– желательно подтверждение высокой квалификации эксперта научной степенью не ниже кандидата наук в своей сфере;

– опыт участия и компетентность в проведении междисциплинарных исследований.

---

¹ Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербургского Академического Управления и экономики. — 2010. — № 3 (29). — С. 34.

² Там же. С. 35.

Существенную роль играет особенность «экспертного мышления» — не каждый, даже высококвалифицированный специалист способен к обобщениям, конкретизациям и уточнениям... на которые должен быть способен эксперт. ...Поэтому такой эксперт для участия в ГЭ должен пройти специальную подготовку, подтверждаемую соответствующим сертификатом»...¹ Эту же позицию разделяют и развивают организаторы и участники круглого стола по тематике ГЭ Д. А. Леонтьев и Г. Л. Тульчинский.² Так, С. Н. Ениколопов пишет: «Можно ли отличить экспертное мнение от неэкспертного, вынося за скобки того, кто это мнение высказал. Есть ли какие-то признаки, по которым можно судить, что одно мнение — экспертное, а какое-то другое — просто сотрясение воздуха ... эксперт уже не может быть болельщиком какого-то подхода, концепции. На кафедре, в СМИ — может, а в качестве эксперта он должен стараться занять внутренне нейтральную позицию. Он должен понимать, что ему может что-то не нравиться, но это так — по науке. И выработка такой позиции — часть подготовки настоящего эксперта».³ Его точка зрения находит поддержку М. Немцева: «Мне кажется, «очистка» медийного поля от случайных псевдо-экспертов будет возможна только в том случае, когда экспертная деятельность становится в большей или меньшей мере лицензируемой. Но в публичном пространстве единственная лицензия, которая может быть востребована — это репутация. Сами профессиональные сообщества возникают именно в процессе самоочищения от имитаторов и от тех, кто готов имитировать экспертную деятельность, не являясь специалистом, человеком ответственно способным участвовать в разрешении каких-то проблем — что называется, отвечать за свои слова. В этом смысле главная проблема экспертизы — не в самой экспер-

---

¹ Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербур. Акад. Управления и экономики. — 2010. — № 3 (29). — С. 37.

² Леонтьев, Д. А., Тульчинский, Г. Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика. Круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе» // Философские науки. — 2018. — № 2. — С. 120–140. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-120-140.

³ Там же. С. 125.

тизе, а в профессиональных сообществах¹». Правда, стремление к очистительным процедурам в отборе экспертов наталкивается на простое жизненное наблюдение Д. Леонтьева: «В наших исторических условиях лицензирование не будет решением проблемы, потому что если ввести институт лицензирования экспертов, то сразу все, кому надо, эти лицензии получат, и будут махать уже этими бумажками, не дипломом академика Сан-Марино, а лицензией эксперта государственного образца. Эксперт — это не человек, который знает ответы на вопросы, а который знает, как искать ответы на вопросы. И здесь ключевой момент — именно «как», за этим стоит методология. Если человек может ответить на вопрос, но не может ответить, как он пришел к такому ответу, на основании чего этот вывод был сформулирован — вот тут и возникают проблемы²».

Итожим: в «жестких» моделях (подчеркну — именно в моделях, поскольку обсуждаются параметры ГЭ, как они видятся экспертами по экспертизе, а не по каким-то реальным проектам) границы определенностей видятся авторам как изнутри — со стороны имманентной логики, так и — по преимуществу — извне, со сторон заказчика, экспертного сообщества, условий и обстоятельств проведения, эффективности, финансирования. Характерно, что авторы, обосновывающие четкость и жесткость методологии и методов ГЭ как правило (за редкими исключениями) формулируют свои рекомендации для неких будущих экспертиз, — как ГЭ должна быть обоснована, организована, какие должна ставить перед собой задачи и т. п. Никто из них не цитирует и не изучает опыт ГЭ, собранный в 8-ми выпусках ежегодника «Биоэтика и гуманитарная экспертиза», издаваемого ИФ, или в более чем в 24 выпусках «Рабочих тетрадей по биоэтике». Складывается впечатление, что эти модели очень умозрительны и не чувствительны к практическим опытам ГЭ. Именно поэтому те ученые, которые занимаются реальной ГЭ, не столь ригористичны в отношении методик и метрологии.

---

¹ Леонтьев, Д. А., Тульчинский, Г. Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика. Круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе» // Философские науки. — 2018. — № 2. — С. 129.

² Там же. С. 130.

В «средних» моделях во главу угла ставятся «внутренние» контуры, возникающие из тщательного продумывания эпистемологических, ценностных и методологических процедур ГЭ. Одним из центральных пунктов этих моделей тоже остается проблема субъекта. Экспертное заключение объективно в том смысле, что опирается на актуально достигнутый уровень знания о предмете — со всеми своими эпистемологическими добродетелями, — историзмом, междисциплинарностью, эмпирической и каузальной доказательностью. В этом его сила. Но в этом и его ограниченность — специалист флюсу подобен, отмечал Козьма Прутков. Представим себе ситуацию, когда специалисты сравнивают эффективность конкурирующих средств массового поражения. Многолетние исследования, бесконечные наблюдения и расчеты, сотни таблиц, выкладок, графиков, многие миллионы денежных знаков, самые авторитетные специалисты из секретных и не очень институций помогут найти отличия одного средства от другого по ряду параметров. На основе такой экспертизы можно будет предпочесть одно средство другому. Сделать обоснованный вывод. Цель экспертизы будет достигнута. Но если в зал заседания экспертного совета войдет обыватель, он скажет просто: а мне это надо? Вот это и будет гуманитарная экспертиза. Даже если он не читал книги А. Гольца¹, он интуитивно чувствует, что оба эти средства уничтожения живой силы противника — ни что иное, как античеловеческий проект, подлинным смыслом которого является максима — армия нужна самой армии. Военная мощь державы — это средство военных держать свое исключительное место в социальной системе, в политической колоде, и простым людям это не только не надо, но и противоречит их стремлениям спокойно жить и наслаждаться жизнью. Все экспертизы мгновенно потеряют смысл перед глобальной ценностью жизни. И обыватель уже — самая видная фигура в числе инстанций принятия решений. Это не значит, что мнение обывателя будет принято всерьез. Это значит, что оно будет проигнорировано. Геополитические интересы (так изобретательно называют интересы военной и политической верхушки) оказываются сильнее общечеловеческих.

¹ Гольц, А. Военная реформа и российский милитаризм. — СПб. : Норма. — 2019. — 360 с.

Отсылка к человеку, к его наиболее общим, универсальным характеристикам, вроде природы человека, ставит проблему соотношения универсального и уникального. Универсализм науки, методологии, даже рационализма ограничен сферой их бытования — как в культурном, так и в социальном, этническом, хронотопном смысле. При этом не проходит отождествление универсального — с объективным, а уникального — с субъективным. Гуманитарная экспертиза имеет дело с одной стороны, с инновационным техническим, технонаучным, политическим или культурным артефактом, а с другой — с существующими социальными обстоятельствами, пытаюсь согласовать то и другое. Ситуация, в которой представлены уникальность события и универсальность средств его познания и — скорее общность, чем универсальность — его внедрения. И еще одна важная компонента — прогноз, знание о том, как может повести себя в будущем полученная комбинация. Универсальное — это знание, это метод понимания предмета, который сам по себе есть уникальное. Спроектировать город, или школу, или космическую станцию, или жилой дом — это всегда создать уникальное на основе универсального. Но вот как они связаны? И как за этой связью высвечиваются изначальные установки этого вида работы, которые не всегда очевидны, но всегда значительны. Исходной точкой размышлений над этой тематикой стала проблема объективного смысла ГЭ и субъективного компонента гуманитарного знания.

Разобраться со сложностями отношений субъективизма и объективизма пытаются Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко¹. Они понимают ГЭ как «форму распределенного производства знаний и умений в сложноорганизованной социальной сети, производящей и воспроизводящей научные и вненаучные идеи и компетентность... Экспертиза характеризуется как проблемно-центричная деятельность, в которой субъектность эксперта предстает в дополнении квалификаций отстраненного субъекта, множественной субъективности и причастного субъекта.»

---

¹ Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // Личность. Культура. Общество. — 2011. — Т. XIII. — Вып. 2 (№ 63–64).

Авторы показывают определенную независимость экспертной субъектности от непосредственной связи с научным рационализмом. Экспертом гуманитарной экспертизы может быть не только ученый, но и богослов, политик, активист общественной организации и просто «человек с улицы», поскольку каждый из них играет социальную роль значимого для гуманитарной экспертизы социального агента¹. Она включает не только процедуры объяснения и понимания, но и интуиции и опыта эксперта. В конечном счете, весомость экспертного заключения базируется не только на продемонстрированной очевидности результата, но и на доверии к эксперту, его профессиональном статусе и престиже. Говоря о субъектности ГЭ, авторы наряду с индивидуальными экспертами выделяют еще два типа субъектов: — во-первых, экспертная группа, во-вторых экспертное сообщество, с присущей каждому своей компетенцией и ответственностью². Но дело не в количестве, важны и качественные особенности. Сегодня на смену т.н. «отстраненному субъекту», связанному с классическим рационализмом, пришел новый тип — множественная субъективность. «Субъективность, которую классическая рациональность всячески исключала, оказывается условием понимания объективности. Метод ее конструктивного присутствия не объяснение, а понимание — истолкование результата как своеобразного «текста».. От имени одной на всех истины ни один из экспертов выступать не может... В контексте неклассической рациональности мы можем говорить не о единстве многообразного, а о множественности единств»³. В силу этого ГЭ не может свестись к технологии. Она опирается на технологии, как например, этические комиссии, но не исчерпывается ими. В ней всегда наряду с естественнонаучным знанием присутствует и гуманитарное знание, принципиально не формализуемое и в этом смысле неточное. «Когда философы, богословы различных вероисповеданий, художники, политики и другие социальные агенты встречаются в совместной экспертной работе для оценки гуманитарных

¹ Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // *Личность. Культура. Общество*. — 2011. — Т. XIII. — Вып. 2 (№ 63–64). — С. 153.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 161.

последствий социальных, политических или технологических инноваций, то следует принять во внимание, что каждый из них представляет мир в целом. ...Каждый из социальных агентов, участвующих в этом процессе, производит свое собственное специфическое знание (в нашем смысле — особого рода компетенцию), которое позволяет, с одной стороны, более эффективно выполнять именно его функции, а с другой — более успешно включаться в кооперацию с другими агентами¹».

Трактовка места субъекта в ГЭ становится не просто сложнее, она включает в себя и ряд новых точек зрения, связанных с историческими и эпистемологическими сдвигами в науке, и с новыми классами задач и объектов. И соответственно, открываются новые грани достоверности ГЭ. «Отстраненный субъект», о котором говорилось на круглом столе Г. Тульчинского и Д. Леонтьева, коррелятивно связан с субъектом классического рационализма. «Множественная субъективность коррелирует с неклассическим субъектом в научном рационализме, признающем относительность описаний объекта от средств наблюдения. *Субъективность, которую классическая рациональность всячески исключала, оказывается условием понимания объективности*». Авторы предлагают афористически точную формулу: «В контексте неклассической рациональности мы можем говорить не о единстве многообразного, а о множественности единств.²» Таким образом, субъектность и субъективизм — совершенно разные плоскости сочетания универсального и индивидуального, не препятствующего, а за счет взаимодополнения как раз и делающего достоверным мнение эксперта.

Множественность уникальностей, о которой говорили Киященко и Тищенко, предстает в новом свете при поиске антропологических границ ГЭ. Об этом размышляют С. Смирнов и Е. Яблокова.³ Отвергая универсализм в определении природы человека, авторы

---

¹ Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // *Личность. Культура. Общество*. — 2011. — Т. XIII. — Вып. 2 (№ 63–64). — С. 157.

² Там же. С. 161.

³ Смирнов, С., Яблокова, Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // *Философская антропология*. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 26–44.

утверждают: «всякая попытка определить человека потеряла смысл. Человек после Освенцима и ГУЛАГа как концепт оказался уничтожен им самим.

Поэтому мы вынуждены в любом случае, чтобы обсуждать предмет гуманитарной экспертизы (далее — ГЭ), договориться о том, что означает норма человека и его границы, понимать сущее человека и иное ему сущее, и границы между собственно человеком и не-человеком. Какие здесь могут быть положены рамочные основания, в пределах которых и обсуждается концептуально норма человека, т. е. предмет ГЭ? Осталась ли эта граница действующей или она действительно радикально пересмотрена, подвергнута онтологическому сомнению?

Точкой отсчета в ГЭ выступает человек в его норме и границах. Заметим, не объектом ГЭ, не ее предметом, а точкой отсчета. А предметом ГЭ, как мы отметили, является постоянно пульсирующая граница (фронтир), причем онтологическая граница, граница человека как сущего, за пределами которой он перестает быть самим собой, он исчезает, и мы переходим в пространство онтологически Иного, бытия Иного¹.

Авторы видят необходимость проведения ГЭ таких технологий, которые лишают человека его собственной личности, провоцируя его на отказ от самого себя. Перепоручая себя технике, отписывая свои человеческие функции и способности «умным устройствам», человек отказывается от самого себя и переходит границу иного, возвращаясь в царство животного мира².

«Предметом ГЭ выступает пульсирующая граница между человеком как сущим и Иным сущим ему, при пересечении которой начинается не-человек — животный мир, смерть, постчеловек или Бог. И эти границы при этом означают зону контакта человека с иным ему. Эта зона событийна и ситуативна. Поэтому ГЭ становится долгим постоянным институтом мониторинга процесса обнаружения этих мерцающих границ.

---

¹ Смирнов, С., Яблокова, Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 31–32.

² Там же. С. 36.

Еще одну характерную особенность ГЭ, явно усложняющую трактовку субъектности, проницательно уловил Р. Р. Белялетдинов¹: «Разнообразие социогуманитарных методологий репрезентирует теоретические матрицы рисков — социальные, гуманитарные, медицинские и философско-этические. Вместе с тем технонаучный характер современной науки не только служит реальным контекстом для социогуманитарной рефлексии, посвященной проблеме биотехнологических рисков, но и оказывает влияние на аудиторию экспертных заключений. Во многом онтология рисков попадает в зависимость от тех, кто читает и оценивает выводы экспертиз. В технонауке адресат прочтения рисков меняется: экспертные сообщества вынуждены конкурировать с пабликами и проводить экспертизу технонаучных мнимостей, которые эти паблики разделяют и транслируют».² Экспертам приходится считаться с мнением захваченной воображением публики, не любящей и не понимающей неопределенности, свойственной модернизму (Rommetveit, Wynne, 2017: 134), и, как следствие, готовой одобрять порой более чем смелые технонаучные проекты с точки зрения социогуманитарных и философских аргументов.³

Переход от жестких требований к организации ГЭ к мягким совершается по мере того, как расширяется, во-первых, сфера применимости и востребованности ГЭ, и во-вторых, представление о ее субъекте. Об этом одним из первых писал

Б. Г. Юдин⁴: «Необходимо задаться вопросом о том, кто такой эксперт: изошренный профессионал или «рядовой обыватель» (layperson)? Вот весьма характерное изложение первой позиции: «Эксперт — это хороший аналитик, подлинный ученый исследователь, блестящий администратор... Эксперт — это исследователь назначенного предмета, профи в данной области, искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом научном и

---

¹ Белялетдинов Р. Р. Онтологии биотехнологических рисков: социогуманитарные методологии и технонаука [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. — 2018. — № 5. — С. 29–38.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Юдин, Б. Г. Проблемы гуманитарной экспертизы. // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 4. — С. 193–194.

практическом пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов. В этой характеристике обращает на себя внимание постулируемая исключительность не только профессиональных, но и личностных качеств. Вместе с тем остается непонятым, кто и как будет оценивать наличие и степень выраженности у конкретного индивида всех этих качеств. ...Мне представляется, что от участника гуманитарной экспертизы, вообще говоря, вовсе не обязательно требовать всех этих исключительных качеств. Более того, во многих случаях именно для гуманитарной экспертизы первостепенное значение имеет способность эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого «рядового обывателя», о чем уже шла речь при обсуждении этической экспертизы. Гуманитарная экспертиза сегодня — это феномен, имеющий множество неопределенностей.¹ Именно это обстоятельство я и стремился подчеркнуть в данной статье. Более того, мне представляется принципиально важным исходить из максимально широкого понимания гуманитарной экспертизы, налагая на него там и тогда, где и когда это необходимо, те или иные ограничения. В конечном счете, любой анализ, направленный на оценку всех тех воздействий, которые оказывает на человека новая технология, можно воспринимать именно в таком качестве. А это значит, что, вообще говоря, каждый, кто начинает размышлять о социальных и человеческих последствиях применения новой технологии, выступает в роли эксперта».²

Позволю себе автоцитату, чтобы подытожить изложение концепции Б. Г. Юдина: «Если попытаться суммировать высказывания Б. Г. Юдина из разных источников, получится вот такое определение гуманитарной экспертизы: гуманитарная экспертиза (ГЭ) — принципиально междисциплинарная, гуманитарно ориентированная, компетентная, но в то же время учитывающая интересы потенциальных акторов, прогностическая, кодифицирующая ответственность,

---

¹ П.Д. Тищенко связывает неопределенности ГЭ также еще с двумя обстоятельствами. Во-первых, с глобализацией, и во-вторых — со сложностью мира. См.: *Тищенко, П. Д.* Гуманитарная экспертиза. Философские основания гуманитарной экспертизы. // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 3. — С. 194.

² Там же.

подсчитывающая потенциальные риски, систематическая исследовательская и консалтинговая деятельность специального сообщества экспертов и более широких кругов заинтересованных лиц. Результат ГЭ может не просто привести к консенсусу всех участников, но и изменить, уточнить и скорректировать позиции всех участников диалога. В ГЭ включаются не столько ограничивающие требования, но и исследовательская и конструкторская работа».¹

В русле именно такого понимания складывается работа сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН. С 2008 года под общей редакцией д. ф. н. Ф. Г. Майленовой вышло 8 томов ежегодника «Биоэтика и гуманитарная экспертиза», последний вышел в 2014 году. В этих сборниках печатались как сотрудники сектора, так и приглашенные авторы, в том числе из-за границы. На страницах сборников можно найти широкий спектр как теоретических статей, ставящих вопросы оснований и методологии ГЭ, так и множество практических, предметных экспертиз в самых разных сферах жизни общества в целом и его подразделений, вплоть до проблем личности, персоны, индивида. Мне доводилось уже публиковать обзоры этих выпусков,² повторять нет смысла. Наряду с ними опубликовано 25 выпусков «Рабочих тетрадей по биоэтике» под общей редакцией П. Д. Тищенко,³ в которых также нашли свое место результаты как теоретической, так и предметно-практических исследований. Я уже не говорю о монографиях и статьях в других журналах сотрудников сектора.⁴ Однако стоит расставить акценты. Многие авторы, обсуждая теоретические и методологические проблемы ГЭ, в основном касаются идеальных

---

¹ Воронин, А. А. Б. Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. — 2018. — № 3. — Стр. 93.

² Воронин, А. А. Гуманитарная экспертиза (обзор) // Философия и культура, 2012. — № 5. — С. 118–127.

³ Об этом см.: Воронин, А. А. Читаю «Рабочие тетради по биоэтике» // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. — Вып. 7. М.: ИФ РАН. — 2013. — С. 209–222.

⁴ Беляетдинов, Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ. М.: 2019. — С. 212.; Попова, О. В. Тело как территория технологий. М.: — 2020. — С. 352.; Попова, О. В. Человек как артефакт биотехнологий. М.: — 2017. — С. 336.; Тищенко, П. Д. Время убивать, и время врачевать (жить и время умирать): человек в экзистенциальной ситуации пандемии COVID-19 // Человек. — 2020. — № 6. — С. 31–49; Шевченко, С. Ю. Надежда обретенная и изобретенная. М.: Прогресс-Традиция. — 2020. — С. 336.

моделей ГЭ, их так сказать идеального образа, а не разбора конкретный примеров ГЭ. При этом иногда высказывается скепсис по поводу того, что вообще дает ГЭ. А. Д. Майданский¹ пишет: «Тема гуманитарной экспертизы активно разрабатывается вот уже добрую четверть века, но, как трезво замечает С.М. Климова, проку от проводившихся экспертиз — кот наплакал». Он и С. М. Климова² придерживаются такой точки зрения: «Нам почти не известны факты ее продуктивной деятельности. «Отслеживание ситуации», о которой говорилось ранее как о критерии научности, указывает на вторичный характер этой экспертизы, что лишний раз подчеркивает ее скорее цензурный, чем научный характер. Сама по себе гуманитарная экспертиза мало что дает, поскольку должна предвирать внедрение научных технологий в практику; анализ уже свершившихся последствий может быть делом любого, не только экспертного, мнения и оценки. Однако положительных примеров такого предварительного оценивания очень немного». Вот, кстати, еще один пример субъективизма.

Завершая статью мне хотелось бы обсудить еще один поворот темы «субъективное — достоверное». Речь идет о работах в русле «мягкого» подхода к методологии ГЭ на одном примере. В течение нескольких лет в секторе ГЭ и биоэтики ИФ РАН проводятся симпозиумы по философии спорта. В их основе — работа сотрудников сектора по ГЭ спорта. Речь идет не только об отдельных проблемах спорта, физической культуры, но и об общем понимании спорта с гуманитарных и гуманистических позиций. Общей стилистикой, или методой исследований как правило становятся авторские интуиции, субъективные взгляды, претендующие тем не менее на достоверность, убедительность и правоту. Эти черты присущи и так называемым академическим исследованиям спорта, выполненным по лекалам добропорядочного научного исследования — с изучением литературы, анализом точек зрения, критикой и обоснованием авторских аргументов и концепций. Но у нас сложилась и еще одна черта рассуждений — не характерная для «стро-

---

¹ Майданский, А. Д. Гуманитарная экспертиза: перспективы и границы возможностей // Философские науки. — 2017. — № 4. — С. 110–116.

² Климова, С. М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. — 2017. — № 4. — С. 68–80.

гой спортивной науки», но позволяющая высветить и поставить нетривиальные проблемы. Мне всегда казалось, и я стремился доказать это своими работами, что ГЭ может принимать различные формы. Так, рассуждая о книге А. В. Суворова «Встреча Вселенных», я пытался не только оценить невероятную силу духа и характера А. В. Суворова, но и эксплицировать проблематику тифлосурдопедагогики. Публикуя цикл статей по философии спорта, я хотел взглянуть на этот глобальный, очень значительный и столь же противоречивый феномен с точки зрения «выключенного наблюдателя», фиксирующего антропологические и ценностные базовые основы спорта высших достижений. То же — в отношении проблемы допинга, я предложил перевести регистр дискуссий о допинге с оппозиции «искусственное — естественное» на позицию «социальное», полагая, что именно здесь находятся причины использования стимуляторов и возможности их эффективно контролировать. Иными словами, ГЭ может принимать формы субъективных умозаключений, претендующих на достоверность, смысл и ценность которых — в правдоподобном изображении проблем и в приглашении к их обсуждению.

Литература и источники

1. *Белялетдинов, Р. Р.* Онтологии биотехнологических рисков: социогуманитарные методологии и технонаука // *Горизонты гуманитарного знания*. — 2018. — № 5. — С. 29–38. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/855> (дата обращения: 26.12.2021). DOI: 10.17805/ggz.2018.5.3

2. *Воронин, А. А. Б. Г. Юдин* о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // *Знание. Понимание. Умение*. — 2018. — № 3. — Стр. 93.

3. *Воронин, А. А.* Гуманитарная экспертиза (обзор) // *Философия и культура*. — 2012. — № 5. — С. 118–127.

4. *Воронин, А. А.* Между «хочу» и «могу», или основы гуманитарной экспертизы // *Нанотехнологии и общество*. Коллект. монография. Ин-т филос. РАН, Моск. Гуманит. Ун-т. Отв. ред. Б. Г. Юдин М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. — 2013.

5. *Воронин, А. А.* Читая «Рабочие тетради по биоэтике» // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М. : ИФ РАН. — 2013. — С. 209–222.
6. *Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д.* Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // Личность. Культура. Общество. — 2011. — Т. XIII. — Вып 2. (№ 63–64).
7. *Климова, С. М.* Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. — 2017. — № 4. — С. 68–80.
8. *Леонтьев, Д. А., Тульчинский, Г. Л.* Экспертиза как гуманитарная методология и практика. Круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе» // Философские науки. — 2018. — № 2. — С. 120–140. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-120-140.
9. *Майданский, А. Д.* Гуманитарная экспертиза: перспективы и границы возможностей // Философские науки. — 2017. — № 4. — С. 110–116.
10. *Смирнов, С., Яблокова, Е.* Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 26–44.
11. *Тищенко, П. Д.* Гуманитарная экспертиза. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 3. — С. 194.
12. *Тищенко, П. Д.* Время убивать, и время врачевать (жить и время умирать): человек в экзистенциальной ситуации пандемии COVID-19 // Человек. — 2020. — № 6. — С. 31–49.
13. *Тульчинский, Г. Л.* Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербур. Акад. Управления и экономики. — 2010. — № 3(29). — С. 28–38.
14. *Юдин, Б. Г.* Проблемы гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 4. — С. 193–194.

Инструменты биоэтической дискуссии: примеры, мысленные эксперименты, метафоры и нарративы

С. Ю. Шевченко

Instruments of bioethical discussion: examples, thought experiments, metaphors and narratives

Sergei Yu. Shevchenko

Аннотация. Применение философского инструментария часто составляет ядро биоэтических дискуссий. Однако ориентация на урегулирование биоэтической коллизии, принятие решения в результате дискуссии, обуславливает иные требования к функциональности инструментов биоэтического мышления и рассуждения. В статье в сжатой форме рассматривается использование примеров, мысленных экспериментов, метафор и нарративов в биоэтическом дискурсе. Среди прочего, такое рассмотрение позволяет взглянуть со стороны на соответствующие элементы философских дискуссий, не ставящих непосредственной целью принятие практических регуляторных решений.

В статье приведены примеры использования каждого из названных инструментов, определены их функциональные особенности. Высказано предположение об обратной зависимости двух характеристик использования инструментов — валидности (как полноты отражения проблемной ситуации) и операциональной силы (пригодности для регуляторного применения). При этом заголовке статьи инструменты приведены в порядке возрастания их валидности. Отсюда можно заключить, что зачастую примеры наиболее функциональны как средство убеждения, мысленные эксперименты — как средство для устранения разногласий, а использование метафор и нарративов участников коллизии позволяет им добиться взаимной предсказуемости действий и высказываний.

Ключевые слова: биоэтика, дискуссия, валидность, операциональность, воспроизводимость, прикладная философия, мысленные эксперименты.

Abstract: Bioethics often uses philosophical tools. However, the orientation towards decision-making as a result of bioethical discussion, determines different requirements for the functionality of the tools in bioethics and ‘non-applied’ philosophy. The article concisely examines the use of examples, thought experiments, metaphors and narratives in bioethical discourse. Among other things, such a consideration provides an external perspective on the relevant elements of philosophical discussions that are not directly aimed at making regulatory decisions.

I suggest the examples of using each of the named tools, and define their functional features. I suppose that two characteristics of the use of tools are inversely related — validity (as a completeness of reflection of a problem situation) and operational strength (suitability for regulatory use). In the article title the tools are listed in ascending order of validity. So we can conclude that examples are often the most functional at persuasion, thought experiments — at eliminating disagreements, and the use of metaphors and narratives allows to achieve mutual predictability of actions and statements between the parties to conflict.

Keywords: bioethics, discussion, validity, operationality, reprecibility, applied philosophy, thought experiments.

Введение.

Философское рассуждение и биоэтическая коллизия

Дискурсивные инструменты, которые используются в биоэтических рассуждениях¹, во многом схожи с широко используемыми средствами обсуждения собственно философских проблем. Такие проблемы могут быть проиллюстрированы короткими примерами из повседневной жизни, мысленные эксперименты помогают установить последовательность аргументов, а нарративы — вымышленные или биографические — служат важным источником вдохновения для многих философов. Разбор биоэтической коллизии, как правило, заставляет обратиться сразу к нескольким разнородным

---

¹ В данном тексте я не противопоставляю рассуждение и дискуссию (с выдвижением тезиса и аргументов), поскольку рассуждение может оказаться частью дискуссии, в которой все стороны способны изменить позиции, и наоборот даже уединенное рассуждение может протекать как внутренний диалог.

философским проблемам: не только этическим, но и эпистемологическим, философско-антропологическим или метафизическим. Однако результат биоэтической экспертизы отличается от совокупности плодов размышления над этими проблемами. С одной стороны, биоэтическое экспертное решение не всегда предполагает разработку сложной и непротиворечивой концептуальной системы. Даже напротив замыкание в одной — пусть даже проработанной системе понятий и представлений — может помешать согласованию интересов, прав и ценностей разных социальных акторов, в чем состоит одна из главных практических задач биоэтики. С другой стороны, этические аргументы, в большей степени претендуя на универсализуемость и практическую значимость, как правило, не обладают такой прямой обязывающей силой как биоэтические регламенты или регуляторные решения. В философском отношении признание определенного типа экспериментов с участием человека неэтичным означает необходимость дальнейшей концептуализации ценностных норм науки, метаэтического прояснения смысла моральных понятий, эпистемологической проработки проблем неопределенности, философско-антропологического вопрошания о роли технологий в конструировании человека. Однако, если некоторая экспериментальная практика признана недопустимой этическим комитетом, это означает попросту ее запрет. А уже вокруг ее запрета или одобрения может продолжаться разработка философской аргументации. Эти аргументы могут обрести большую четкость и операциональность именно благодаря дискретному характеру биоэтической коллизии.

Согласно Аласдеру Макинтайру, философия на протяжении тысячелетий занималась выработкой общественно значимых концептов, образов и аргументов, и в этом смысле биоэтика находится вполне в русле практической философии.¹ Но конкретная цель разработки биоэтической аргументации не полностью совпадает, например, с целью моральной философии. (Био)этический комитет не является философским семинаром по поиску наилучшего определения блага

¹ *MacIntyre, A. Does Applied Ethics Rest on a Mistake? // The Monist. Vol. 67. Iss. 4. 1 October 1984. — P. 498–513.*

или природы добродетели. Его главная задача — прояснение границ допустимого с этико-правовой точки зрения.¹ То есть биоэтическая экспертиза не призвана создавать моральный идеал, скорее она должна указывать на тот предел, когда отдельные деяние или практика оказываются столь неприемлемыми, что в существующем виде и социальном контексте должны быть запрещены. Задача биоэтики не определить лучшее, а не допустить худшего. Но при этом часто это «худшее» находится только в области возможного, оно еще не осуществилось, не стало актуальным. И в этом смысле биоэтика в не меньшей степени ориентирована на конструирование образа будущего, чем политическая или моральная философия.

Итак, биоэтика активно использует инструменты философского рассуждения, но специфика рассматриваемых ею проблем и принимаемых решений, налагает свой отпечаток на сами инструменты, способы их использования и критерии оценки их применения. В данной статье я рассмотрю ряд инструментов биоэтического рассуждения, различающихся своей операциональной силой и валидностью по отношению к конкретной коллизии.² Речь идет — в порядке возрастания валидности — о кратких примерах и мысленных экспериментах, а также о системах или цепочках метафор и нарративах участников биоэтической коллизии. Часто сложно провести границу между членами каждой пары инструментов и между самими парами — например, определить, когда гипотетический пример становится мысленным экспериментом или задает систему метафор. Разница между ними скорее функциональная, чем структурная. То есть эти инструменты различны не потому, что имеют разную внутреннюю конструкцию, а потому что применяются по-разному. «Для молотка любая проблема — гвоздь» — эту фразу любит один из крупнейших

---

¹ *Holm, S.* The job of 'ethics committees' should be ethically informed code consistency review // *Journal of Medical Ethics.* — 2018. Iss. 44. — P. 488.

² Как будет показано в разделах, посвященных мысленным экспериментам валидность инструмента в биоэтике определяется не только его логической непротиворечивостью или уместностью для конкретной аудитории, но, в первую очередь, способностью достаточно полно отразить суть биоэтической коллизии — конфликта между агентами, которые актуально или потенциально вовлечены в проблемную ситуацию.

российских биоэтиков Павел Тищенко.¹ Но и для забивания гвоздя любой инструмент мы попытаемся превратить в молоток. Для биоэтики всегда первичны проблемы — «гвозди» — поэтому функционалистский подход к рефлексии над инструментами видится единственно возможным.

Моя позиция состоит в том, что две эти характеристики — валидность и операциональная сила — имеют обратную зависимость. Чем полнее (валиднее) конкретный дискурсивный инструмент представляет проблемную ситуацию, тем сложнее его применить в аргументации, обосновывающей регуляторное решение. И наоборот, отточенные через многократное применение в дискуссии примеры могут оказаться никак не связаны с рассматриваемой коллизией.² Тем не менее, именно такие парадигмальные примеры, ставшие этико-правовыми формулами, оказываются инструментом «первого выбора» при рассмотрении новой проблемной ситуации. Если же эта ситуация требует выработки содержательно новых аргументов, поскольку старые формулы и аналогии оказываются чересчур спорными — стоит начать их выработку с наиболее полного, валидного, представления о проблеме. Доступ к такому представлению дают, прежде всего, нарративы участников биоэтической коллизии.

Какое же место занимает рассуждение об инструментах дискуссии в плане философских оснований биоэтики? Центральную роль в методологии биоэтики играет напряжение между ориентацией на обобщенные этические принципы (принципализм) и использованием аналогий между отдельными казусами (казуистика). Однако на это различие не может быть однозначным образом наложено представленная в статье краткая и неполная типология инструментария

---

¹ Тищенко, П. Д. Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий консультанта / Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Выпуск 6. М., Институт философии РАН. — 2012. — С. 27–38, 31.

² Конфликт между валидностью и надежностью (воспроизводимостью результатов) позволяющих принять некое правило как руководство к действию, является крайне важным для биоэтики. Причем этот конфликт касается как научных обоснований определенных биомедицинских практик, так и самих форм их биоэтического регулирования. Подробнее см. *Попова, О. В., Тищенко, П. Д., Шевченко, С. Ю.* Нейроэтика и биополитика биотехнологий когнитивного улучшения человека // Вопросы философии. — 2018. — No 7. — С. 96–108.

биоэтической дискуссии. Использование хорошо известного мысленного эксперимента может выражать намерение обсудить коллизию в свете одного из биоэтических принципов. Так, мысленный эксперимент «Скрипач» Джудит Томсон (подробнее — в разделе о воспроизводимости мысленных экспериментов) выстраивает дискуссию вокруг биоэтического принципа автономии, а дилемма вагонетки — вокруг принципа справедливости. С другой стороны, максимально очищенное от подробностей изложение коллизии может направлять дискуссию по рельсам рассуждения по аналогии. Например, парадигмальный случай может быть изложен в виде дилеммы вида: «Мать отказывается сообщить собственный генетический диагноз дочери, хотя для последней эта информация может быть важной. Врач владеет этой информацией, но обязан хранить медицинскую тайну».

Предположу, что задача мысленного эксперимента в биоэтике, как и иных рассматриваемых здесь инструментов, заключается в том, чтобы изобразить для участников дискуссии и принципалистский, и казуистический план проблемы. Можно счесть, что казуистическое рассуждение по аналогии позволяет сохранить валидность, тогда как обращение к принципам дает результаты рассуждения более применимыми на практике — обладающими большей операциональной силой. Но для функциональности любого инструмента оказывается критически важен баланс между валидностью и операциональностью. Например, как будет показано ниже, хотя от мысленного эксперимента ждут прежде всего помощи в разработке операциональных аргументов, он сам может быть легко отвергнут как не валидный — по отношению к самой проблемной ситуации.

В рамках статьи я не буду делать акценты на отдельных различиях между использованием этих аргументов в биоэтике и, например, в моральной философии, эпистемологии или иных гуманитарных дисциплинах. Эта проблематика требует отдельного подробного исследования, а сами эти различия связаны со спецификой предметом и задачами биоэтической экспертизы, что я попытался кратко очертить выше. Для понимания способов системного применения этих инструментов важнее различия в операциональной силе и валидности между ними.

1.1. Примеры и контрпримеры

Примеры позволяют инициировать или поддерживать биоэтическую дискуссию, они служат инструментом привлечения внимания. Контрпримеры, направленные против конкретного аргумента или концепции, как правило, не могут полностью дезавуировать их. Скорее, их использование релевантно при поиске уточнений обсуждаемого решения коллизии или общего правила.

Гарри Лессер, биоэтик из Манчестерского университета, считает, что примеры могут играть только педагогическую функцию.¹ Они иллюстрируют в краткой форме суть этической проблемы, позволяют заинтересовать в ее обсуждении потенциальных участников дискуссии. В этой связи примеры позволяют самой биоэтической коллизии возникнуть в поле общественных проблем, не оставаясь в плоскости личных затруднений. Но пример еще не решение проблемы и не аргумент для ее решения. Утверждение «В школах происходит сбор биоматериалов учеников для ПЦР-тестирования на коронавирусную инфекцию без согласия их родителей» это не изложение биоэтического казуса (оно может последовать после), и не аргумент в споре о роли информированного согласия при чрезвычайных обстоятельствах. Этот пример — то, с чего может начаться такой спор как публичная дискуссия с участием экспертов.

При этом Лессер считает, что контрпримеры играют совсем иную роль.² Они дают повод уточнить предлагаемый аргумент, или начать обсуждение лежащих в его основании моральных интуиций. Думаю, что в первом случае важно, чтобы пример был релевантен тому аргументу, против которого направлен. При этом он может быть направлен на критику релевантности самого аргумента в отношении рассматриваемой проблемы. Продолжая пример с ПЦР, представим такой фрагмент дискуссии:

– *В школах проводят тестирование на COVID без согласия родителей* (пример как начало дискуссии).

---

¹ Lesser, H. The use of examples in bioethics / Arguments and Analysis in Bioethics. eds. M. Häyry et. al. Rodopi. — 2010. — P. 63–71.

² Ibid. P. 64.

– В чрезвычайных обстоятельствах можно отказаться от получения согласия (аргумент)

– Эта ситуация не похожа на оказание неотложной помощи (контрпример, релевантный аргументу). Она скорее напоминает ситуацию, при которой пациенты больницы эвакуировались из больницы из-за возгорания. Они набросили одеяла и ждут во дворе, пока пожарные закончат работу. Возможно, кто-то из них пострадал, но никто не выглядит нуждающимся в экстренной помощи. Врач ожогового отделения силой срывает с больных одеяла, чтобы осмотреть, нет ли на них ожогов (контрпример, направленный на критику релевантности аргумента).

Разумеется, на этой стадии спор не заканчивается. «Инференциальная игра»¹ (диалог как движение к выводу) в данном случае не заканчивается и имеет лишь текущий «счет». Но контрпример заставит собеседников искать то, какие дискурсивные обязательства и моральные следствия предполагает употребление термина «чрезвычайная ситуация».

Лессер, как мне кажется, обоснованно видит в примерах способ начать дискуссию, а контрпримерах — уточнить аргумент. При этом не всякий контрпример может оказаться значимым, релевантным для аргумента. Алгоритмического способа увидеть эту релевантность он не предлагает. Однако Лессер чрезвычайно широко понимает пример как инструмент экспертной дискуссии. Для него примером является рассказанный Расселом сюжет об индейке, обоснованно думавшей, что человек всегда будет приходить, чтобы ее накормить, пока не наступило Рождество.² Этот рассказ можно воспринимать не столько как пример, но как параболу — подобие притчи — из которой ясным становится сам контраргумент Рассела, направленный против эмпиристских представлений об индукции как основы научного метода.

---

¹ Джохадзе, И. Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М. Институт философии РАН. — 2015. — С. 132.

² В оригинальном тексте Рассела фигурирует курица. Russell, B. The Problems of Philosophy. Create Space Independent Publishing Platform. — 2015. — P. 115.

1.2. Мысленные эксперименты

Мысленный эксперимент в биоэтике в первую очередь задает направление дальнейшего обсуждения, ограничивает предмет спора. Он устанавливает то, по отношению к чему мы будем определять валидность последующих аргументов, тем самым устанавливаются правила отдельной инференциальной игры, которая и начинается с предложения обсудить мысленный эксперимент.

Довольно беспроблемным выглядит тезис, согласно которому мысленный эксперимент может «очищать» биоэтическую коллизию от множества реальных подробностей, ставить ее на уровень этической дилеммы. Во-первых, такое очищение может быть достигнуто уже внутри мысленного эксперимента, в рамках его текстуальной репрезентации. А во-вторых, с тем мысленный эксперимент может лишь дать импульс «очищению» биоэтической коллизии — например, заставив сравнить проблему, которую мы считаем центральной для коллизии, с некоторой гипотетической ситуацией. Этот тип экспериментов подключает к анализу проблемной ситуации контрфактическое мышление, ставя вопрос вида «А что бы вы сказали, если бы...». Упомянутый выше биоэтик Гарри Лессер видит в постановке такого вопроса главную функцию мысленных экспериментов.¹

Однако если считать, что мысленный эксперимент должен содержать уже в себе самую этическую коллизию очищенную до состояния, например, этической дилеммы, то требования к предъявляемые к этому дискурсивному инструменту становятся гораздо жестче. Мысленный эксперимент должен не только провоцировать выработку новых аргументов, продвигая спор в направлении, которое выглядит продуктивным (чего достаточно, если мы вслед за Лессером видим в эксперименте развернутый контрфактуал). Если мысленный эксперимент связывает реальную коллизию и достаточно абстрактно сформулированную философскую дилемму, то он должен, одновременно, ясно излагать суть дилеммы и оставаться релевантным по отношению к рассматриваемой проблемной ситуации. Известный австралийский биоэтик Роберт Спэрроу, наделяет мысленный экспе-

---

¹ Lesser, H. The use of examples in bioethics / Arguments and Analysis in Bioethics. eds. M. Häyry et. al. Rodopi. — 2010. — P. 69.

римент именно таким большим функционалом, предъявляя к нему изложенные выше строгие требования (1. Ясно излагать дилемму, 2. Позволять развернуть аргументацию, 3. Предложенные благодаря эксперименту аргументы должны быть применимы к проблемной ситуации)¹.

В дискуссионной статье, где Спэрроу излагает эти требования, он возражает против мысленных экспериментов и развитых на их основе аргументов в пользу этической приемлемости технологий «морального улучшения». Сами эксперименты приравнивают использование гипотетических таблеток, повышающих эмпатию, к поведению Одиссея, приказавшего привязать себя к мачте, дабы не поддаться на песни сирен. Наиболее сильные возражения Спэрроу направлены на то, что аргументы, выработанные благодаря такому приравниванию, не релевантны для проблемной ситуации. Делегировать часть собственной автономии доверенным людям не то же самое, что выпить для храбрости перед ответственным событием. Применение технологий «морального улучшения» по Спэрроу скорее похоже на второй случай, чем на первый.²

Это возражение Спэрроу не предполагает, что сами по себе эксперименты вида «Одиссей и сирены» могут репрезентировать этическую дилемму, что они способствуют разворачиванию содержательных аргументов о моральной ответственности и автономии. Этих двух качеств мысленного эксперимента достаточно, чтобы быть подходящим инструментом для этической дискуссии. Но их не хватает для того, чтобы сделать его релевантным для обсуждения биоэтической коллизии.

Итак, если мысленный эксперимент связывает реальную коллизию и этическую дилемму — можно предъявить претензию к самой этой связи. Но не менее проблематичным видится и тезис, согласно которому биоэтическая коллизия должна быть представлена этической дилеммой. Разумеется, чаще всего в биоэтических дискуссии

---

¹ Sparrow, R. J. (Im)moral technology? Thought experiments and the future of «mind control» / The Future of Bioethics: International Dialogues. A. Akabayashi (Ed.), (1 ed., P. 113–119). Oxford University Press. — 2014. — P. 113.

² Ibid. P. 116.

ях фигурируют известные мысленные эксперименты, возникшие в рамках моральной философии. Например, к биоэтической проблеме справедливости часто применяют аргументы, возникшие вокруг дилеммы вагонетки.¹ Но требование релевантности по отношению к некоторому реальному положению дел, рассмотренное выше, позволяет забраковать множество «подлинных» этических дилемм в биоэтической дискуссии. Более того, стремление к универсальности этических аргументов, их абстрагирование от эпистемического состояния агентов, философско-антропологических подробностей, служит скорее препятствием для их использования в биоэтических дискуссиях.² Невозможно представить себе врача, который в любой ситуации обладает знанием последствий своих действий (видит ситуацию «с точки зрения Бога»). Невозможно исключить того, что вовлеченными в коллизию агентами могут стать ребенок, изнемогающий от боли пациент, находящийся без сознания умирающий, человек с психиатрическим диагнозом. Биоэтические проблемы, как правило, возникают вокруг таких фигур, и возникают из-за свойственных им эпистемических состояний и антропологических черт. И дело не в том, что этические дилеммы оказываются нерелевантными по отношению к проблемной ситуации просто потому, что они демонстрируют только конфликт моральных долженствований. Дело в том, что одной этической дилеммой биоэтическая проблема, как правило, не ограничивается. То есть при «очищении» коллизии можно оставить за скобками и само этическое, сконцентрировавшись на эпистемическом — на принятии решений в состоянии неопределенности, или даже на самом эпистемологическом различии в обосновании принятых решений.

---

¹ *Апресян, Р. Г.* Моральная философия, мысленный эксперимент и неуправляемая вагонетка // *Философский журнал*. — 2016. — Т. 9. — № 2. — С. 138–144.

² *Троицкий, К. Е.* Гипотеза подлинной моральной дилеммы и метод мысленного эксперимента в этике // *Этическая мысль*. — 2021. — № 21(1). — С. 24–39. На с. 28–29 этой статьи автор приводит определение этической дилеммы, принадлежащее философу Т. Макконнеллу: «Подлинные (genuine) моральные дилеммы онтологичны, а не просто эпистемичны; истина конфликтующих утверждений долженствования независима от верований актора».

1.2.1. «Кризис воспроизводимости» мысленных экспериментов

Другая сторона «функционала» мысленных экспериментов в биоэтике заключается в их способности выявлять не только этические интуиции или моральные позиции сторон дискуссии, но прояснять их эпистемологическую перспективу. По опыту преподавания биоэтики в медицинском вузе могу сказать, что ответы на вопрос «Переведете ли вы стрелку?» и «Было бы морально правильным перевести стрелку?» различаются у четверти, а то и у половины студентов. Это различие может быть обусловлено (как минимум) двумя причинами. Во-первых, с внезапным открытием рассуждающего собственной позиции «Это верно, но не хочу делать это своими руками».¹ Во-вторых, рассуждающий может осознать нехватку понимания эпистемической позиции агента, о котором идет речь. Герой мысленного эксперимента Бернарда Уильямса Джим, стоит перед выбором: расстрелять ли одного невиновного человека своими руками, или обречь на расстрел еще 19 невиновных. По Уильямсу Джим может отказаться, не в силах убить человека, то есть преодолеть свою эмпатию к нему. Но рассуждающий в ключе этого мысленного эксперимента сначала должен проникнуться эмпатией к Джиму, чтобы почувствовать эмпатию Джима к невиновному. Мысленному эксперименту может не хватать нарративных подробностей, чтобы запустить цепочку эмпатии, а для этого обычно нужно понимать эпистемическую перспективу действующего лица.²

Павел Тищенко предлагает допущение, согласно которому это качество — «нарративный минимализм» мысленного эксперимента — наоборот обеспечивает его аргументативную силу. Элиминация подробностей означает меньшую вероятность когнитивных искажений, что позволяет нам рассчитывать на «воспроизводимость» мысленно-

---

¹ Pettit, P. The Inescapability of Consequentialism / Luck, Value and Commitment: Themes from the Ethics of Bernard Williams. Ulrike Heuer and Gerald Lang, eds. Oxford University Press. Oxford. — 2012. — P. 41–70.

² Ramirez, E. Empathy and the Limits of Thought Experiments // *Metaphilosophy*. — 2017. — Iss. 48. — P. 504–526.

го эксперимента.¹ Павел Тищенко видит в избавлении от подробностей параллель с очищением естественных объектов для проведения контролируемого лабораторного эксперимента. Моральная машина аргументации работает так же как номологическая машина естествоиспытателей.

Взгляд Александра Писарева на отношения естественнонаучных и мысленных экспериментов принципиально иной. Для него в термин «мысленный эксперимент» вшит парадокс. Если все происходит в полностью контролируемом универсуме воображения, значит, там нет объектов, которые могут внезапно «дать сдачи», подобно исследуемым объектам в физической или биологической лаборатории.²

Можно обозначить и третью позицию, обсуждению которой посвящены десятки текстов. По мнению философа Кэйтлин Уилкс вообще не нужно «воспроизводить» мысленные эксперименты, потому что, как правило, они рисуют слишком фантастичные сценарии, в которые никто из нас никогда не попадет.³ Для того, чтобы показать допустимость аборта не нужно представлять ситуацию мысленного эксперимента «Скрипач»:⁴

Вы заснули в своей постели, но после пробуждения обнаруживаете себя в больничной палате, подключенным(-ой) системой трубок к другому человеку. Этот другой человек — известный скрипач, ваши почки будут обеспечивать его жизнедеятельность на протяжении 9 месяцев, пока ему не найдут донора. Если вы откажетесь и уйдете, скрипач умрет.

Если принять позицию Уилкс, представлять такое положение дел вообще не нужно — во-первых, потому что оно выглядит невероятным, а во-вторых с медицинской точки зрения сомнительно, чтобы

---

¹ Тищенко, П. Д. К вопросу о методологии мысленных экспериментов в биоэтике // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра: Памяти Р. С. Карпинской: сб. статей. М.: Институт философии РАН. — 1996. — С. 194–213, 206.

² Писарев, А. А. Мысленный эксперимент в поисках природы: денатурализация и перформативность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 62. — С. 274–277

³ Wilkes, K. Real People: Personal Identity without Thought Experiments Oxford: OxfordUniversity Press. — 1988. — P. 264.

⁴ Thomson, J. J. A Defence of Abortion // Philosophy and Public Affairs. — 1971. — Vol. 1. — P. 4–66

один человек «работал» аппаратом искусственной почки для другого. Уилкс считает, что, как минимум, мысленный эксперимент не должен нарушать известных законов природы.

Все три позиции применимы к мысленным экспериментам в этике и кажутся не полностью соответствующими биоэтическому функционалу мысленного эксперимента. Причем Павел Тищенко, размышляя о «Скрипаче» в том же тексте, где предлагает параллели между мысленными и лабораторными экспериментами, отходит от позиции воспроизводимости эксперимента для членов одного морального сообщества. Этический эксперимент может быть воспроизводимым только если направлен на выявление базовых представлений, объединяющих членов морального сообщества. В основном же мысленный эксперимент в этике и биоэтике работает с человеческой агентностью. Черты собственной моральной или эпистемической агентности почти никогда не бывают полностью прозрачны для самого агента. Соответственно в ходе экспериментирования «дает сдачи» он сам — и никакого оксюморона здесь нет. Либо кто-то из членов морального сообщества подвергает оспаривает результаты мысленного эксперимента, завязывая предметную дискуссию, результатом которой может быть смена предлагаемого решения экспериментальной ситуации.

Отдельно стоит рассмотреть третью позицию, особенно требование придерживаться известных законов природы. Это требование не релевантно для биоэтики именно в силу того, что биоэтическая дискуссия направлена на выработку подхода к регулированию экспериментальных практик, направленных на получение новых знаний или разработку новых технологий. Где-то даже биологическими законами можно пренебречь, где-то представить ситуацию, в которой они опровергнуты, а где-то какой-то из наложенных ими запретов можно обойти. Возможность отступить от ограничений мира физической возможности — главная положительная сторона мысленных экспериментов: и как развернутых контрфактуалов и как инструментов связывания этических дилемм и социальных коллизий.

2.1. Системы метафор, их изучение и конструирование

Выделение метафор как отдельного инструмента биоэтического рассуждения и обсуждения на первый взгляд выглядит не совсем оправданным. Ведь метафора — элемент нарратива, выразительное средство рассказчика, стремящего поведать о сути биоэтической апории, героем которой он оказался. Но помимо этого, метафоры определяет локус воздействия на проблему. Предлагая новую метафору, мы обходим апорию — «топкое место» для принятия решений. Метафоры позволяют генерировать новые типы социальных отношений, предлагать иные способы проживания проблемной ситуации. Если изучение метафор полностью находится в русле нарративного подхода, то их конструирование является одной из опорных точек прагматистской биоэтики.

Важную роль в формировании последней сыграли взгляды Ричарда Рорти на роль метафор в развитии социальных отношений, науки и философии.¹ Рорти считал, что этические принципы или регулятивы научного познания являются *post hoc* рационализацией привычек, сформированных жизнью в рамках определенного морального сообщества или коллектива исследователей. Сами по себе принципы не могут поменять социальную реальность — они когнитивные инструменты, напоминающие нам о способах оценки решения, но самого решения в них нет. То, что позволит нам переместиться из мира жесткого патернализма в мир инклюзии и соучастия, — это не дополнительные принципы, а новая система метафор.² Прагматистская биоэтика берет эту идею на вооружение, подчеркивая, что смена метафор позволяет нам не просто начать использовать новый концептуальный аппарат при описании коллизии, но и запустить новые паттерны эмоциональных реакций на нее.³

¹ Rorty, R. *Objectivity, Relativism, and Truth: Philosophical Papers*. Cambridge. Cambridge University Press. — 1991. — 238 p.

² Rorty, R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge. Cambridge University Press. — 1989. — P. 220.

³ Arras, J. D. *Dewey and Rorty's Pragmatism and Bioethics / Methods in Bioethics: The Way We Reason Now*. Oxford University Press. — 2017. — P. 126–127.

Сами метафоры при этом не обязательно должны носить характер моральных оценок, или быть направленными на то, чтобы представить ситуацию морального выбора в определенном свете. Последнее — задача скорее выразительных средств, применяемых в мысленных экспериментах. Например, согласие подвергнуться моральному улучшению может быть сочтено свободным через применение метафоры Одиссея и сирен (см. раздел 1.2). В случае воздействия через метафоры, они скорее могут использоваться для описания опыта переживания болезни, или общения с больным человеком. Разумеется, перед тем как разрабатывать стратегию изменения системы метафор, должна быть изучена существующая система, чаще всего — применяемая в рамках взаимодействия врачей, пациентов и их родственников.

Например, при лечении пациентов с ВИЧ часто используется милитаристская система метафор. Исследования показывают, что она не отражает динамики процесса лечения, склоняет пациентов к мысли об одиночестве перед лицом проблемы и т. д. Взамен врачам и другим медицинским работникам предлагается использовать метафоры путешествия при обсуждении такого лечения.¹ Метафоры путешествия позволяют воспринимать возникающие проблемы не как поражения в войне с болезнью, а как проходящие трудности, при преодолении которых можно рассчитывать на поддержку своих спутников.

Как уже сказано выше, зачастую изучение метафор является элементом нарративного подхода, позволяющим понять перспективу вовлеченных в биоэтическую апорию или коллизию агентов. Такие метафоры не считаются объектами воздействия, врачам, медицинским сестрам, исследователям в сфере биомедицины, просто необходимо знать о них. Знакомство с ними позволяет таргетировать усилия по уходу за пациентами, использующими их, или более полно взаимодействовать с семьями тяжело больных людей.²

¹ Nie, J.-B., Gilbertson, A. L., De Roubaix, M. et al. Healing without waging war: Beyond military metaphors in medicine and HIV cure research // *American Journal of Bioethics*. — 2016. — Iss. 16(10). — P. 3–11.

² Olsman, E., Veneberg, B., van Alfen, C., Touwen, D. The value of metaphorical reasoning in bioethics: An empirical-ethical study // *Nursing Ethics*. — 2019. — Iss. 26(1). — P. 50–60.

2.2. Нарративы: слушать, рассказывать, сравнивать

В нарративном повороте, обозначившемся 25–30 лет назад, часто видят усталость от «больших теорий» — не только утилитаризма или кантовской этики долга, но и марксизма или фрейдистского психоанализа. Нарративный подход в этике и биоэтике как бы окончательно завершает проект Просвещения с его рациональным обоснованием морали, с претензиями на универсальность этических и эпистемологических принципов.¹ Когда мы слушаем, рассказываем или сравниваем истории, мы способны наиболее полно представить себе перспективу действующего лица. Такая перспектива обычно максимальна конкретна, вписана сразу в несколько контекстов, и поэтому нарративный подход уходит максимально далеко от претензий на универсализацию результатов своего применения. Вместе с тем, существует сразу несколько версий нарративного подхода — они могут восприниматься как дополняющие друг друга, но невозможно объединить их в одну целостную процедуру работы с рассказанными историями. Помимо этого, существуют различия в понимании «перспективы действующего лица». Что означает «представить», «вжиться» в эту перспективу? Означает ли это понимание всех факторов, влияющих на принятие решения героем рассказа, осознание всех контекстов его обоснования и переживания уже совершенных поступков, или достаточно просто осознать то, как агент воспринимает ряд открытых для него возможностей действовать? Мне кажется, что второе расхождение — касающееся перспективы — является более глубоким и оказывающим большее влияние на использование или игнорирования нарративных инструментов в биоэтике. Но сначала я коротко рассмотрю различия в подходах к их применению.

В предисловии к одной из основополагающих книг по нарративной биоэтике «Истории и их пределы» ее редактор Хильде Линдемманн Нельсон приводит пять способов использования нарративов.²

---

¹ Arras, J. D. Nice Story, but So What?/ Methods in Bioethics: The Way We Reason Now. Oxford University Press. — 2017. — P. 76–77.

² Lindemann, Nelson H. How to Do Things with Stories / Stories and Their Limits Narrative Approaches to Bioethics. Routledge. — 1997. — P. VIII–XX.

За многими способами стоят имена известных философов, чей вклад простирается далеко за пределы развития нарративного инструментария биоэтики. Итак, в рамках нарративной биоэтики мы можем:

– Слушать истории. Согласно Марте Нуссбаум восприятие чужих историй пробуждает наши «моральные эмоции». Благодаря этим эмоциям мы можем представить и понять, как справляются с невзгодами люди, которые отличаются от нас.¹

– Рассказывать истории. Сама Линдемманн Нельсон считает, что рассказчик обязательно обретает моральную агентность. То есть, рассказчик обязательно создает собственную этическую идентичность, излагая свое отношения к героям. При этом мы сами можем быть героями чьих-то рассказов и создавать в ответ на них собственные контр-нарративы.²

– Сравнить истории. Стивен Тулмин отталкивался от античной и средневековой практики использования историй в моральных рассуждениях, когда исследовал способы принятия решений — в том числе в рамках биоэтических комитетов. При этом в случае сравнения медицинских казусов как историй, он предлагает оценивать их сходства и различиям в нескольких плоскостях: медицинские данные о состоянии пациентов (испытуемых), текущее и ожидаемое качество жизни пациентов, их предпочтения и т. д.)³

– Анализировать истории. То есть заниматься их герменевтикой. Многие представители нарративного подхода считают такой способ основным для извлечения норм и идеалов, свойственных определенному моральному сообществу. Рита Шерон вообще не видит возможным разделить моральные нормы и истории, в которых они выражены и через которые члены сообщества обучаются им следовать.⁴

---

¹ *Nussbaum, M. C. Poetic Justice: The Literary Imagination and Public Life.* Boston. Beacon Press. — 1995. — P. 168.

² *Lindemann, Nelson H. How to Do Things with Stories / Stories and Their Limits Narrative Approaches to Bioethics.* Routledge. — 1997. — P. X.

³ *Jonsen, A., Toulmin, S. The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning.* Berkeley and Los Angeles. University of California Press. — 1988. — P. 432.

⁴ *Charon, R. Narrative contributions to medical ethics: Recognition, formulation, interpretation, and validation in the practice of the ethicist / A matter of principles? Ferment in U.S. Bioethics* Valley Forge. Trinity Press International. — 1994. — P. 260–283.

– Привлекать истории как иллюстрации — призывать их на помощь. В роли таких историй Линдемман Нельсон видит не столько реальные и необработанные пациентские нарративы, сколько биоэтические или правовые казусы.¹

Перечисленные способы работы с нарративом схожи в том, что они позволяют понять или хотя бы представить перспективу (потенциального) участника биоэтической коллизии. Думаю, что крайне редко это означает формирование в собственном сознании достаточно полной модели рациональности конкретного агента. Скорее «представить перспективу» значит узнать, какие действия, высказывания, реакции на происходящие события агент считает возможными и приемлемыми для себя. Так, понять страдания пациентов не означает ощутить «ту же боль», что они ощущают. У врачей или членов этических комитетов вообще может отсутствовать возможность почувствовать боль пережившей изнасилование женщины или страдания мужчины, перенесшего удаление предстательной железы. Любое страдание — свойство субъекта и может быть «тем же» лишь условно. Но осознать те ограничения и те возможности, в рамках которых действуют или могут действовать участники коллизии, и значит представить их перспективу. Важно, что благодаря придуманным, литературным, историям у нас уже есть определенные представления о перспективах участников тех коллизий, которые могут возникнуть в будущем.² Разумеется, при этом та перспектива (образ будущих коллизий), в которой мы видим чужую перспективу (возможности для действия) всегда ограничена.

---

¹ *Lindemann, Nelson H. How to Do Things with Stories / Stories and Their Limits Narrative Approaches to Bioethics. Routledge. — 1997. — P. XII.*

² *Linett, M. T. Literary Bioethics. Animality, Disability, and the Human. NYU Press. — 2020. — 224 p.*

Заключение.

Инструменты для убеждения, устранения разногласий и для достижения взаимной предсказуемости

Биоэтическая дискуссия или отдельный фрагмент биоэтического дискурса может ставить перед собой любую из трех целей, обозначенных в заголовке. В целом, любой из названных в статье может быть направлен на любую из них. Начав обсуждение с примера, мы демонстрируем степень своей осведомленности о предмете, и предлагаем линию рассуждения. Но все же примеры чаще всего используются как инструмент убеждения в верности собственного тезиса. Мысленные эксперименты тоже иногда используются так, но гораздо лучше, чем иные рассмотренные инструменты они подходят для того, чтобы обозначить позиции, обнаружить разногласия, и задать вектор поиска компромисса или консенсуса. Нарративы и содержащиеся в них метафоры позволяют участникам коллизии или сторонам дискуссии представить перспективу друг друга, то есть достигнуть взаимной предсказуемости действий. Такая предсказуемость — стартовая точка обсуждения биоэтической проблемы или разрешения проблемной ситуации. Так, участники этического комитета могут перейти к устранению разногласий только достигнув такой предсказуемости. А придя к консенсусу, они могут думать об убеждении остальных социальных агентов в том, что их позиция верна. Рассуждая во введении о валидности и операциональной силе инструментов, я предлагал модельный порядок их использования — обратный тому, в каком они рассмотрены в статье. Упоминание целей использования этих инструментов в заключении не меняет порядок, но способно уточнить понятия валидности и операциональной силы. Первое из них означает возможность понять ситуацию не просто через ее дескрипцию, а через понимание перспектив ее участников. Операциональная сила связана не только с возможностью обозначить некоторое правило, продемонстрировать способ его соблюдения, и убедить в его верности, но и с пригодностью инструмента для обозначения и устранения разногласий, составляющих ядро биоэтической дискуссии.

Литература и источники

1. *Апресян, Р. Г.* Моральная философия, мысленный эксперимент и неуправляемая вагонетка // *Философский журнал*. — 2016. — Т. 9. — № 2. — С. 138–144.
2. *Джохадзе, И. Д.* Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М. Институт философии РАН. — 2015. — С. 132.
3. *Писарев, А. А.* Мысленный эксперимент в поисках природы: денатурализация и перформативность // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2021. — № 62. — С. 274–277.
4. *Попова, О. В., Тищенко, П. Д., Шевченко, С. Ю.* Нейроэтика и биополитика биотехнологий когнитивного улучшения человека // *Вопросы философии*. — 2018. — № 7. — С. 96–108.
5. *Тищенко, П. Д.* К вопросу о методологии мысленных экспериментов в биоэтике // *Философия биологии: вчера, сегодня, завтра: Памяти Р.С. Карпинской: сб. статей*. М. : Институт философии РАН. — 1996. — С. 194–213.
6. *Тищенко, П. Д.* Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий консультанта / *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 6. М. : Институт философии РАН. — 2012. — С. 27–38.
7. *Троицкий, К. Е.* Гипотеза подлинной моральной дилеммы и метод мысленного эксперимента в этике // *Этическая мысль*. — 2021. — № 21(1). — С. 24–39.
8. *Arras, J. D.* *Methods in Bioethics: The Way We Reason Now*. Oxford University Press. — 2017. — P. 248.
9. *Charon, R.* *Narrative contributions to medical ethics: Recognition, formulation, interpretation, and validation in the practice of the ethicist / A matter of principles? Ferment in U.S. Bioethics* Valley Forge. Trinity Press International. — 1994. — P. 260–283.
10. *Holm, S.* The job of ‘ethics committees’ should be ethically informed code consistency review // *Journal of Medical Ethics*. — 2018. — Iss. 44. — P. 488.
11. *Jonsen, A., Toulmin, S.* *The Abuse of Casuistry. A History of Moral Reasoning*. Berkeley and Los Angeles. University of California Press. — 1988. — P. 432.

12. *Lesser, H.* The use of examples in bioethics / Arguments and Analysis in Bioethics. eds. M. Häyry et. al. Rodopi. — 2010. — P. 63–71.
13. *Lindemann, Nelson H.* How to Do Things with Stories / Stories and Their Limits Narrative Approaches to Bioethics. Routledge. — 1997. — P. IV–XX.
14. *Linett, M. T.* Literary Bioethics. Animality, Disability, and the Human. NYU Press. — 2020. — P. 224.
15. *MacIntyre, A.* Does Applied Ethics Rest on a Mistake? // The Monist. — Vol. 67. — Iss. 4. — 1 October 1984. — P. 498–513.
16. *Nie, J.-B., Gilbertson, A. L., De Roubaix, M. et al.* Healing without waging war: Beyond military metaphors in medicine and HIV cure research // American Journal of Bioethics. — 2016. — Iss. 16(10). — P. 3–11.
17. *Nussbaum, M. C.* Poetic Justice: The Literary Imagination and Public Life. Boston. Beacon Press. — 1995. — P. 168.
18. *Olsman, E., Veneberg, B., van Alfen, C., Touwen, D.* The value of metaphorical reasoning in bioethics: An empirical-ethical study // Nursing Ethics. — 2019. — Iss 26(1). — P. 50–60.
19. *Pettit, P.* The Inescapability of Consequentialism / Luck, Value and Commitment: Themes from the Ethics of Bernard Williams. Ulrike Heuer and Gerald Lang, eds. Oxford University Press. Oxford. — 2012. — P. 41–70.
20. *Ramirez, E.* Empathy and the Limits of Thought Experiments // Metaphilosophy. — 2017. — Iss 48. — P. 504–526.
21. *Rorty, R.* Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge. Cambridge University Press. — 1989. — P. 220.
22. *Rorty, R.* Objectivity, Relativism, and Truth: Philosophical Papers. Cambridge. Cambridge University Press. — 1991. — P. 238.
23. *Russell, B.* The Problems of Philosophy. CreateSpace Independent Publishing Platform. — 2015. — P. 115.
24. *Sparrow, R. J.* (Im)moral technology? Thought experiments and the future of ‘mind control’ / The Future of Bioethics: International Dialogues. A. Akabayashi (Ed.), (1 ed., P. 113–119). Oxford University Press. — 2014. — P. 113.
25. *Thomson, J. J.* A Defence of Abortion // Philosophy and Public Affairs. — 1971. — Vol. 1. — P. 4–66.
26. *Wilkes, K.* Real People: Personal Identity without Thought Experiments Oxford: OxfordUniversity Press. — 1988. — P. 264.

**Библиографический пандан:
виртуалистика Н. А. Носова и психотехника
Н. В. Цзена (к истории двух направлений
в советской психологии)**

М. А. Пронин

**Biobibliographic pandan: virtualistics
of N. A. Nosov and psychotechnics of N. V. Tsen
(to the history of two directions in soviet psychology)**

Mikhail A. Pronin

Аннотация. В статье представлен библиографический пандан — биографические портреты двух выдающихся исследователей, Н. А. Носова и Н. В. Цзена, как родоначальников направлений в советской психологии — виртуалистики (виртуальной психологии) и психотехники соответственно. Рассмотрены общие истоки данных направлений — взятая ими за отправную точку своего развития феноменология «состояний сознания» выдающихся спортсменов, а именно — «сверхсостояния» сознания.

В статье приведен общий для двух направлений феномен «Случай А. С. Якушева», выдающегося советского хоккеиста, на анализе данного биографического самоотчета пути двух направлений разошлись. Проведено краткое сопоставление способов теоретизации подобного феноменологического материала психотехническим и виртуальным подходами. Теоретическая интерпретация «сверхсостояний» на языке виртуалистики дана в расширенном виде.

Компаративное исследование выполнено в нескольких жанрах: в историографическом — история философии, науки и техники через судьбы ученых — родоначальников новых научных направлений; в жанре «философия как экспертиза» (термин Б. Г. Юдина), предопределяющем парадигмальную оптику для анализа и синтеза той или иной ситуации/проблематики и, как следствие, такой экспертизы; в третьем жанре — научно-теоретического прогноза грядущего «на кончике пера» — оснований для подобных прогно-

зов на основе форсайта — экстраполяции — из происходящего сегодня в сфере тех же технологий виртуальной, дополненной и заместительной реальностей пока, увы, нет.

Обосновано, что вопрос о будущем двух направлений науки и философии должен быть включен в перечень «Текущие задачи русской философии», предложенный для обсуждения и развития директором Института философии РАН, академиком А. В. Смирновым.

Указаны перспективы дальнейшей работы и публикаций в продолжение данной темы.

Ключевые слова: философия как экспертиза, виртуалистика, психотехника, улучшение человека, виртуальный человек, технологии виртуальной реальности, вызовы, Homo totus — целостный человек, комплексные междисциплинарные исследования человека

Annotation. The article presents a bibliographic pandan — biographical portraits of two prominent researchers N. A. Nosov and N. V. Tsen, as the founders of two directions in Soviet psychology — virtualistics (virtual psychology) and psychotechnics consequently. The common origins of these directions are considered — the phenomenology of the “conscious states” of outstanding athletes taken as a staging ground of its development, specifically, the “superstates” of consciousness.

The article describes the phenomenon common for these two trends: “The case of A. S. Yakushev” — an outstanding Soviet hockey player, on the analysis of whose biographic self-report the two directions have diverged. A brief comparison of the methods of theorizing of such phenomenological material by psychotechnical and virtual approaches has been carried out. The theoretical interpretation of “superstates” within the language of virtualistics has been given in an expanded form.

This work is done in several genres: in the historiographical genre — the history of philosophy, science and technology through the fate of scientists — the founders of new scientific trends; secondly, in the genre of “philosophy as an examination” (term by B. G. Yudin), which

predetermines paradigmatic optics for the analysis and synthesis of a particular situation / problematics, and, as a consequence of such an examination, in the third genre — scientific and theoretical forecast things to come “with the point of the pen”: there are, alas, no grounds for such estimations inspired by foresight — extrapolation — from what is happening today in the field of the same technologies of virtual, augmented and substitutional realities.

The article provides a theoretical interpretation of “superstates” in accordance with the language of virtualistics. The question of “Current problems of Russian philosophy” was suggested for the discussion and development by the director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academician A. V. Smirnov.

The prospects for further work and publications following this topic are indicated.

Keywords: philosophy as an expertise (philosophy as an expert examination), human enhancement, virtualistics, psychological technique, technologies of virtual reality, calls/challenges, Homo totus — integral human, comprehensive multidisciplinary human studies

Введение

Речь пойдет о двух научно-практических направлениях в отечественной психологии, возникших в 80-ые годы XX века, обязанных своим рождением, что общепризнанно, Николаю Александровичу Носову (1952–2002) — виртуалистика или виртуальная психология — и Николаю Владимировичу Цзену (1954–1983) — психотехника; хотя у авторов обоих направлений были и соавторы, и предтечи.

Поводом для данной работы послужила подготовка Юрием Вильевичем Пахомовым к печати третьего издания книги «Психотехнические игры в спорте»,¹ что впервые вышла в свет в далеком 1985 году в его соавторстве с Н. В. Цзенем. На этот раз Ю. В. Пахомов собрал дополнительные материалы — личные и профессиональные воспоминания друзей, однокурсников и коллег о Н. В. Цзене: третье изда-

---

¹ Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. Психотехнические игры в спорте. М. : «Физкультура и спорт». — 1985. — С. 160.

ние, расширенное биографическими материалами, несомненно, дань его памяти. Не менее важная цель у подобного жанра готовящегося третьего переиздания — насколько я знаю, оно будет включать материалы об истории появления книги — это понимание сегодняшнего и будущего места психотехники не только в спорте, не сколько в современной философии и в науках о человеке и, как следствие, в образовании, сколько, как писали в советское время, в результатах «победной поступи» научно-технической революции; виртуалистика и психотехника должны найти свое актуальное место в ее строю. Поэтому когда Ю. В. Пахомов предложил мне выразить свое отношение к книге, прежде всего к ее идеям с точки зрения виртуалистики — виртуальной психологии — школы Н. А. Носова,¹ я посчитал запрос не только не надуманным и, отнюдь, не праздным, более того — вполне своевременным, значимым и в теоретическом, и в практическом аспектах — и сегодня, и на перспективу. Видится, что идеи и инструменты (упражнения, игры и пр.) психотехники крайне актуальны для осмысления современного состояния дел и будущего технологий виртуальной (virtual reality — VR), дополненной (augmented reality — AR) и заместительной (substitutional reality — SR) реальностей — далее TVR, которые относятся к технологиям «редактирования сознания» и «технологиям улучшения человека» (human enhancement technologies); далее будем под аббревиатурой TVR понимать все три направления и описание связанных с данными технологиями следствий. Грядущее психотехнических подходов и инструментов, виртуального (виртуалистического) способа мышления не просматривается(!) в проблемном поле проектирования новых профессий, их квалификаций и компетенций в цифровой экономике — у виртуального человека в цифровой среде, в виртуальном мире, в киберпространстве, как его и виртуальность понимает мейнстрим: о представлениях и прогнозах последних смотри «Атлас новых профессий 3.0» (2020).²

---

¹ Носов, Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф. — 2000. — С. 432.

² Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М. : Интеллектуальная литература. — 2020. — С. 456.

Исходя из описанных обстоятельств работа выполнена в нескольких жанрах: в историографическом — история философии, науки и техники через судьбы ученых—родоначальников новых научных направлений; во-вторых, в жанре «философия как экспертиза» (термин Б. Г. Юдина:¹ развернутую дискуссию о таковой Б. Г. Юдина и М. А. Пронина в цикле философских бесед «Реплики» Института философии РАН (ИФ РАН) можно посмотреть в Интернете,² по ее итогам подготовлены публикации³), предопределяющей парадигмальную оптику для анализа и синтеза той или иной ситуации/проблематики, и, как следствие такой экспертизы, — в третьем жанре — научно-теоретического прогноза грядущего «на кончике пера»: оснований для подобных прогнозов на основе форсайта — экстраполяции — из происходящего сегодня в сфере тех же TVR пока, увы, нет.

Забегая вперед, можно утверждать, что и виртуалистика, и психотехника неизбежно станут облигатным компонентом квалификаций и компетенций любых антропопрактик в цифровой экономике цифрового мира! Тем самым они неизбежно выйдут на фронт развития современной науки и, как следствие, философии, потребовав реальной реформации системы образования и профессиональной пере/подготовки кадров должного уровня. Но это экспертный взгляд «виртуалиста»: судьба книги «Психотехнические игры в спорте»⁴ (1985) — повод чтобы аргументировать данный тезис как прогноз, скорее грядущего (лат., *adventus*) чем будущего (лат., *futurum*); онтологические различия их оставим для другого случая.

---

¹ Юдин, Б. Г. О понятии философской экспертизы. // Ценностные основания научного познания / Отв. ред. Г. Л. Белкина; Ред.-сост. М. И. Фролова. М. : ЛЕНАНД. — 2017. — С. 45–56.

² Юдин, Б. Г., Пронин, М. А., Синеокая, Ю. В. «Философия как экспертиза» // Проект Института философии РАН и библиотеки им. Ф. М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст». Цикл философских бесед: «Реплики»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iphras.ru/12_59.htm. — (дата доступа: 01.09.2021).

³ Юдин, Б. Г., Пронин, М. А. Философия как экспертиза. // Анатомия философии: как работает текст. Цикл реплики / Под ред. Ю. В. Синеокой. М. : Издательство ЯСК. — 2021. — С. 267–290.

⁴ Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. Психотехнические игры в спорте. М. : «Физкультура и спорт». — 1985. — С. 160.

Библиографический пандан: виртуалистика и психотехника

Вполне сложивший жанр академических библиографий выдающихся ученых, включающий обязательный очерк о его жизни и деятельности, дает возможность выделить значимые личные моменты из жизни ученого, его соратников, оппонентов и современников; подобные, на первый взгляд, казалось бы, вне научные сведения — и то лишь на первый, — для истории науки имеют и сугубо научное значение. Сегодня общепризнанно, что знание биографического и широкого социального контекста жизни ученого не дань праздному любопытству, но необходимость для адекватных суждений об истории открытия им нового научного направления: понимания истоков, генезиса и этапов последующего развития идей новой научной дисциплины, истории их признания: внедрения ее результатов и разработок в практику, в теоретический и культурный оборот. Ведь прошло более 30-и лет с рождения обоих направлений в отечественной психологии — закономерно пришла пора оценок со стороны потомков: рядовых обывателей—пользователей результатов и продуктов, ставших общепринятыми и общеупотребимыми, и исследователей—продолжателей направления, а за ними историков философии, науки и техники.

Так вот, о личном. Я никогда не был знаком с Н. В. Цзенем, да и о самой книге узнал относительно недавно, хотя с его с соавторами статьей «Явление компенсаторного различения»¹ (1983) с подачи Олега Юрьевича Мартемьянова — соратника Н. А. Носова² — ознакомился в 2002–2003 году, но уже после смерти Н. А. Носова. С ним самим о психотехнике мне поговорить не случилось — я пришел в Центра виртуалистики Институт человека РАН (ЦВ ИЧ РАН: www.virtualistika.ru) в 1998 году и проработал с Н. А. Носовым до его смерти в январе 2002 года, — хотя некоторые, как я теперь могу утвер-

---

¹ Бардин, К. В., Гарбачева, Т. П., Садов, В. А., Цзен, Н. В. Явление компенсаторного различения // Вопросы психологии. — 1983. — № 3. — С. 113–119.

² Пронин, М. А., Скоркин, О. А. Николай Александрович Носов: штрихи к биографии // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 3–4 (№ 99–100). — С. 300–309.

ждать, именно психотехнические демонстрации порождения виртуальных переживаний (состояний) в его экспериментальном предъявлении для съёмочных групп с российского телевидения я видел.

Поэтому ни о том как книга Н. В. Цзена была принята, ни об ее оценках «тогда» — в 80-ые годы XX века в СССР, — говорить не могу: в то время она «прошла мимо меня», но свое понимание непреходящего значения книги и одноименного с нею научного направления в психологии, в науках о человеке, в технике и в цифровых технологиях, в философии, полагаю, что сегодня уже смогу выразить аргументировано, со своих «виртуалистических» позиций. Сверхзадача философии как экспертизы в настоящей публикации — показать связь, соосность, дивергенцию (расхождение) и логику дифференциации виртуалистики и психотехники — это главный объект исследований в данной работе; предмет же рассмотрения и настоящего сообщения гораздо уже — привлечь внимание к поворотной, дивергентной точке в развитии обоих направлений в нашей стране. К той самой «*Omnis cellula ex cellula*» / «Каждая клетка из клетки» — клеточке исторической и логической, на которой пути эволюции двух направлений разошлись, но, как полагаем, лишь временно.

Дело в том, что у виртуалистики — виртуальной психологии — свои собственные мировоззренческие представления о *Homo virtualis* — человеке виртуальном, — верифицированные в экспериментах по своим механизмам вполне психотехническим (об этом будет подробно сказано в будущей расширенной публикации). Следует, однако, учитывать, что представления виртуалистики Н. А. Носова о «природной виртуальности человека» — без которой те же TVR просто не работали бы — до сих пор находятся в когнитивном коллективном бессознательном (термин А. В. Смирнова) и неосознаваемом (термин М. А. Пронина) науки и философии мейнстрима¹. Здесь есть несколько виртуальных ловушек парадигмальной природы в которые попадает представитель науки мейнстрима; парадигмальная сетка преобладающих в науке и философии взглядов — «философская оптика» — продолжает оставаться неадекватной и к рассмотрению

¹ Пронин, М. А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М. : Рос. акад. наук, Ин-т философии. — 2015. — С. 179.

«картины виртуального мира», и к пониманию виртуалистики школы Н. А. Носова: об этом в работах ЦВ ИЧ РАН и исследовательской группы «Виртуалистика» ИФ РАН (ИГВ ИФ РАН) сказано не мало¹. В свою очередь психотехника, и в чистом виде — *per se* (лат.), — и в части виртуалистических ее аспектов, в прошедшие годы с момента рождения двух интересующих нас направлений остается за пределами потенциальных миров и симулякров конструируемых апологетами, евангелистами и приверженцами концепции виртуальной реальности как «недорода бытия» В. С. Хоружего². Однако, если вместо экрана (компьютера и т. п.) поставить 3D-принтер — не получаем ли мы, о ужас, «перерод бытия»? Почему феномен «перерода» последователи не замечают? Увы, но технологии развиваются, сегодня они физически (остенсивно) отрицают концепцию «недорода», принятую представителями мейнстрима и воспроизводящуюся ими с 1997 года как незыблемую, как уже решенную, однозначную теорию виртуальных реальностей.

В настоящей работе идет разбор, дифференциальная диагностика, если говорить клиническим языком, виртуального и психотехнического подходов; их различия в новом аспекте помогут увидеть патологию — ограничения — эпистемы «недорода», как несущей конструкции подавляющего большинства отечественных концептуальных построений в области теории виртуальных реальностей. Результаты предлагаемой дифференциации будут полезны компаративному анализу отечественной и зарубежной философской и научной мысли в области осмыслений возможностей и угроз TVR, в сопоставлении пониманий фундаментальных антропологических механизмов их воздействия. Фактически исследовательское поле «трудных проблем сознания» мейнстрима редуцирует или избегает теоретизации виртуальности и «психотехничности» как фундаментальных свойств внутреннего пространства человека, как бы его ни называли: психологическим, духовным, субъектным, субъективным и пр.

---

¹ *Пронин, М. А.* Носов Николай Александрович (1952–2002). // ММК в лицах. — Т. 2. — М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого». — 2007. — С. 100–104.

² *Хоружий, С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. — 1997. — № 6. — С. 53–68

Своим рождением виртуальная психология или виртуалистика, как, впрочем, и сам термин «виртуалистика», обязаны Н. А. Носову и О. И. Генисаретскому¹ (1986); они общались на факультете психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Н. А. Носов в 1971–76 гг. был студентом, а О. И. Генисаретский — его консультантом, или, скорее, старшим товарищем и коллегой.² Собственно, Н. В. Цзен и Н. А. Носов были однокашниками на «психфаке», да и Ю. В. Пахомов подтверждает, что встречался с ними обоими на «квартирниках» — квартирных семинарах и научных посиделках, что в ту советскую пору были нередким явлением. В пространстве этой «человеческой пересеченности» двух исследователей-психологов — Н. А. Носова и Н. В. Цзена, — интересно рассмотреть не столько их профессиональные судьбы, сколько логику и дивергенцию их научной мысли, и, в конце концов, — судьбы заданных ими научных направлений; в ту пору в психологии, ныне же и в философии — через оценку вклада данных направлений в осознанную и произвольную трансформацию мировоззрения человека в цифровом мире. Конечно, очевиден «отрыв» в жизненных траекториях двух пионеров науки: Н. А. Носов после смерти Н. В. Цзена прожил и проработал еще 19 лет — для любого ученого это не малый срок, поэтому прямое сопоставление их достижений в жанре персональных конкурентных сравнений будет и по человечески несправедливым, и научно не объективным.

В продолжение биографической линии целесообразно сказать вот о каких личностных моментах и пересечениях в контекстах, в «гуманитарных оболочках» судеб двух направлений: как и Ю. В. Пахомов, и я заканчивал и готовил к изданию последнюю книгу Н.А. Носова после его смерти. Это монография «Виртуальный конфликт: социология современной медицины»³ (2002), она о парадигмальных

---

¹ Носов, Н. А., Генисаретский, О. И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора. // *Авиационная эргономика и подготовка летного состава.* / Труды ГосНИИГА. — Вып. 253. — М.: 1986. — С. 147–155.

² Пронин, М. А. Носов Николай Александрович (1952–2002) // *ММК в лицах.* — Т. 2. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого. — 2007. — С. 100–104.

³ Носов, Н. А. Виртуальный конфликт: социология современной медицины (Тр. Лабор. вирт. Вып. 18.). М.: Путь. — 2002. — С. 140.

конфликтах в области медицины на примере бронхиальной астмы. В ней достаточно большой раздел подготовлен мною по элиминации психосоматического бронхоастматического приступа (ингратуала; смотри «Словарь виртуальных терминов»,¹ что полностью размещен на сайте www.virtualistika.ru) у больной женщины (раздел в книге «Случай “Фаины”»). Инструменты «размонтирования» эйдетического виртуального образа, запускающего и поддерживающего бронхоастматический статус (психосоматический ингратуал) во многом психотехнические! Подчеркну, что к таковым я их тогда не относил, а обсудить фактуру с Н. А. Носовым мне не удалось. Практика виртуалистики была названа Н. А. Носовым аретеей (смотри «Словарь виртуальных терминов»). Замысел книги родился так: «Михаил, нам надо написать книгу!» — сказал мне Н. А. Носов, когда после летнего отпуска вместо обещанного «управленческого» материала я привез «медицинский»: он у меня «случился» летом на отдыхе в деревне — помог соседке. Однако, тогда себя как соавтора, я на обложку не поставил; в этой же книге были еще 1,5 страницы А. Н. Михайлова со случаем «Бориса», переросшие в отдельную книгу с батареей инструментов «размонтирования бронхоастматического виртуса дыхания».² Затем я реализовал издательские планы Н. А. Носова по публикации нескольких монографий его коллег — О. С. Анисимова,³ уже названную книгу А. Н. Михайлова, студенческую работу Э. Ф. Асадуллина,⁴ позднее вышла «Партитура виртуоза»⁵ (2004), как реализация проекта Н. А. Носова и В. Ф. Жданова в сфере искусства — «художественной виртуалистики». Не знаю на сколько психотехники для Ю. В. Пахомова остались занятием основным или в

---

¹ Носов, Н. А. Словарь виртуальных терминов / Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды Центра профориентации. — М. : Путь. — 2000. — С. 69.

² Михайлов, А. Н. Аретей нарушениями дыхания (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 22). М. : Путь. — 2003. — С. 131.

³ Анисимов О.С. Виртуальная сущность игромоделирования / Под ред. М. А. Пронина. (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 20). М. : Путь. — 2003. — С. 82.

⁴ Асадуллин Э.Ф. Виртуальный подход в истории / Под ред. М. А. Пронина (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 19). М. : Путь. — 2003. — С. 117.

⁵ Партитура виртуоза. Альбом виртуалистики и аретей / Под ред. М. А. Пронина, В. Ф. Жданова (Серия «Искусство». Вып. 1) / Тр. Центра виртуалистики. Вып. 24. М. : Горячая линия — Телеком. — 2004. — С. 238.

какой-то момент стали факультативным, но тему эту он «не бросает», для меня же виртуалистика после смерти Н. А. Носова — занятие основное; в истории виртуалистики тоже был этап когда интересы ее родоначальников Н. А. Носова и О. И. Генисаретского разошлись...¹ Какая-то юнгеанская синхронистичность в истории психотехники и виртуалистики просматривается: и по людям, и по событиям. Однако, синхронистичность не главный предмет нашего пандана (фр., *pendant* — парный предмет, вещи или понятия, дополняющие друг друга и создающие симметричное или гармоничное целое) — парного портрета зарождения, становления и развития двух интереснейших направлений советской психологии. Научная судьба двух направлений продукт и фактор деятельности их двух родоначальников: знание биографических контекстов, а, как известно, без контекста понимание и редактирование текста невозможно, помогает увидеть, понять и объяснить именно такой ход истории их развития.

Виртуалистика versus психотехника: на перекрестке историй своего развития

Что можно, что следует взять для сравнения чисто психотехнического направления Н. В. Цзенена и Ю. В. Пахомова и виртуалистики Н. А. Носова — в качестве «клеточки» исторической и логической для сравнения двух научных направлений и мировоззренческих парадигм? Будем называть их «психотехники» и «виртуалисты» — здесь не оценки, но лишь означающие термины для простоты понимания о чьей позиции (означаемое) идет речь; оба направления, как будет показано, во многом если не близки, то и пересекаются, да и порождены из общего источника.

Для сопоставления истоков и «перекрестка» развития двух направлений «напрашивается» феномен, что присутствует у «психотехников» и у «виртуалистов», и в видовом — конкретном, и в родовом планах — для описания класса таковых. Это то, что первыми называлось «состояниями сознания», а применительно к выдающим-

---

¹ *Носов, Н. А.* Автобиографическая история виртуалистики (подготовка публикации — Пронин М. А. и Розова В. П.) // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М. : ИФ РАН. — 2007. — С. 160–174.

ся спортсменам — «сверхсостояниями»: «Тысячи часов тренировок должны быть свернуты в краткие минуты соревнования. И нет ничего удивительного в том, что для такого концентрированного проявления силы уже не подходит обычный психический аккомпанемент. Мобилизация ресурсов, спрессовывание времени, сосредоточение внимания в соревновательной деятельности — все это создает условия, в которых психика выходит за пределы обычного режима своей работы.» — пишут Н. В. Цзен и Ю. В. Пахомов¹ (цитируем второе издание в силу его большей доступности; книга выложена в Интернете в свободный доступ).

К слову, в то время многие психологические, эргономические и физиологические школы у нас в стране, как и в мире, вновь актуализировали исследования «функциональных состояний» человека, это те же рабочие, предстартовые, творческие, особые, трудные и т. п. состояния. Данные объекты стали традиционными для науки и практики; многие из них изучаются десятилетиями — назовем для примера утомление и усталость.

На подобные «сверхсостояния», зафиксированные у спортсменов, обратили внимание и «виртуалисты». В 1984-м, как вспоминал Н. А. Носов, «в обсуждении с Олегом Игоревичем [Генисаретским] проблемы духовного восхождения и нисхождения человека в процессе контакта с высшей реальностью, были теоретически выявлены особые психические состояния, не имеющие смысловой нагрузки и лишь обеспечивающие сам процесс перехода — со ступени на ступень, как вверх, так и вниз — по духовной лестнице. Этот тип психических состояний тогда не был описан в психологии, и по предложению О. И. Генисаретского они были названы виртуальными, поскольку латинское слово *virtus* имеет два смысла, удачно выражающих особенность обсуждаемых состояний. Первое — особое состояние духа, доблесть, второе — добродетель».² Следует обратить внимание на то, что термин *virtus* описывает человека и его состо-

¹ Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения / Изд. 2-е, доп. М. : Независимая фирма «Класс». — 1999. — С. 101.

² Носов, Н. А. Автобиографическая история виртуалистики (подготовка публикации — Пронин М. А. и Розова В. П.) // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М. : ИФ РАН. — 2007. — С. 160–174.

яния одновременно в С- и П-логиках (субстанциальной и процессуальной), если говорить о серии работ А. В. Смирнова о логиках арабо-мусульманского и западноевропейского мышления (языков).¹ Поскольку виртуальные состояния не несут смысловой нагрузки, а являются формальной (индикативной) характеристикой деятельности, то Н. А. Носовым и О. И. Генисаретским было предположено, что виртуальные состояния есть в любом роде деятельности. Научная жизнь подтвердила правомерность данной гипотезы. Сегодня природную виртуальность человека следует считать его антропологической константой; Homo virtualis стоит в одном ряду с Homo — sapiens, erectus, ludens, habilis, deus... А может быть, всех их и предопределяет, но это — покажет время. Тем не менее, виртуальный человек, должен рассматриваться как философско-антропологический типаж в понимании таковых у П. С. Гуревича;² без природной виртуальности человека TVR не работали бы! Данные технологии и фактор, и продукт развития человека в цифровом мире цифровой экономики.³

Природная виртуальность человека находится за пределами эпистем философии и науки мейнстрима.⁴ Кроме того, вокруг TVR сформировался свой собственный лабиринт терминологий,⁵ сквозь который гуманитарии пробиться и не могут, и не хотят. Отсутствие мотиваций у непрофессиональных пользователей — у врачей, психологов, философов, социологов и пр. гуманитариев, — профессиональных TVR обусловлено «апроблемогнозией» (предлагается новый термин) — отрицанием проблем в своей собственной профессиональной

---

¹ Смирнов, А. В., Солондаев, В. К. Процессуальная логика. М. : ООО «Садра», 2019. — С. 160. ; Смирнов, А. В., Солондаев, В. К. Процессуальная логика. М. : ООО «Садра». — 2019. — С. 160.

² Философская антропология в 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / П. С. Гуревич. — 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт. — 2019. — С. 310.

³ Пронин М.А. Земельный вопрос и основные задачи цифровой власти: философско-антропологическое понимание вызовов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. — Т. XVIII. — Вып. 2. — С. 103–112.

⁴ Пронин, М. А. Технологии виртуальной реальности (TVR) и парадигмальный Рубикон психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8. — М. : Институт психологии РАН. — 2018. — С. 115–134.

⁵ Раев, О. Н., Пронин, М. А. Техническая виртуальная реальность в лабиринтах терминологий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. — Т. XVII. — Вып. 3(67). — С. 89–99.

не/адекватности данной области технологий (имеются ввиду TVR). Заметим, что термин «анозогнозия (новолат. *anosognosia*; греч. ἀ- — не- + νόσος — болезнь + γνῶσις — знание, познание) — отсутствие критической оценки больным своего дефекта либо заболевания (паралича, миопатии, амавроза, снижения зрения, слуха, психического расстройства и т. д.)», как видим, занят другим содержанием и относится к болезненным состояниям. Для «здоровых» людей/профессионалов решение задачи адекватности субъекта деятельности системе деятельности ключевая для успешности и субъекта, и самой деятельности¹; та же реабилитация неврологических больных в шлемах TVR все же требует понимания инженерно-психологических механизмов данных технологий (остенсивный аргумент/вопрос)?

Еще один тезис, помогающий позиционировать виртуалистику и психотехнику в пространстве науки и философии. Кроме того, одновременно, это еще один контекст нашего рассмотрения, помогающий, в том числе, объективировать их «соосность» во взглядах на природу человека. Полагаем схему теоретической рациональности В. С. Степина² общеизвестной, исходя из нее виртуалистика и психотехника могут быть позиционированы как направления занятые не столько субъектом постнеклассической рациональности, сколько всеми составляемыми в данной схеме, когда на месте объекта, инструмента и субъекта деятельности стоит «человек».³

Но вернемся к «состояниям». А «...все началось с анкет, которые мы с Олегом Генисаретским, нынешним заместителем директора нашего института [речь идет об ИЧ РАН], предложили летчикам и штурманам высокого класса, попросив их описать по одному конкретному случаю, когда в полете они вдруг чувствовали особенную ясность мышления, ощущали «прозрачность» ситуации, легкость

---

¹ *Малюта, А. Н.* Система деятельности. Киев : Наукова думка. — 1991. — С. 208.

² *Степин, В. С.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция. — 2000. — С. 744.

³ *Пронин, М. А.* К пониманию онтологии субъекта постнеклассической рациональности: виртуальный подход // Материалы конференции: // Первые Степинские Чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Материалы конференции с международным участием. Москва 5–6 ноября 2019 г. / Отв. редактор В. Г. Буданов, В. А. Лекторский. Курск : ЗАО «Университетская книга». — 2019. — С. 105–110.

управления машиной. И, напротив, такие ситуации, когда все валится из рук, мышление становится вязким, информация не воспринимается, появляется негативное отношение к себе. Конечно, если с ними такое было. Почти все они вспомнили подобные случаи. Интересно, что в психологии такого рода события фактически не описаны. То, что происходило с пилотами, мы назвали виртуальными событиями от латинского *virtus* — доблесть, необычное качество. Римляне употребляли это слово для обозначения особого подъема боевого духа воина. В 1984 году некто Ланье, американский компьютерщик, назвал «виртуальной реальностью» свою систему подачи стереоинформации с обратной связью.

В отличие от компьютерщиков мы *разработали философское представление* (курсив мой — М. П.) о виртуальной реальности. У человека есть несколько равней психики, несколько типов состояний. Мы проанализировали переход из одного у типа состояния в другой».¹

В итоге, в 1985 г. Н. А. Носов провел специальное исследование летчиков-испытателей на предмет существования виртуальных состояний в их деятельности. Такие состояния оказались весьма распространенным явлением: 28 из 30 летчиков в самоотчетах описали то, что Н. А. Носов и О. И. Генисаретский понимали под виртуальными состояниями. Результаты этой работы опубликованы в их совместной статье «Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора»² (1986), которую можно считать родоначальницей виртуалистики, а дату выхода — годом рождения виртуалистики в «научном и философском мире».

Сегодня уже возможно сформулировать некоторые историографические гипотезы или констатации: скорее, психотехники шли от частного к общему (эмпирический подход), тогда как виртуалисты от общего к частному (теоретический подход). Первые тяготели к первичному феноменологическому материалу и практикам работы с ним, прежде всего в спорте, вторые же к философскому осмыслению

¹ *Исаев, М.* Три ступени виртуала (интервью с Н.Носовым) // Поиск. — 1994, 15–21 окт. — № 40–41. — С. 16.

² *Носов, Н. А., Генисаретский, О. И.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора. // *Авиационная эргономика и подготовка летного состава.* / Труды ГосНИИГА. — Вып. 253. — М.: 1986. — С. 147–155.

и теоретической концептуализации подобных проявлений в различных видах деятельности; для виртуалистов частные феноменологии была лишь предметным, дисциплинарным материалом на котором можно показать универсальность и широкую применимость выстраиваемых теоретических конструкторов. Если, как отмечает Ю.В. Пахомов в личном общении (по его итогам готовится общая публикация), усилия психотехников были направлены прежде всего на порождение «положительных, продуктивных» состояний у спортсменов, то виртуалисты сосредоточили свои усилия на предупреждении ошибок у летчиков психологической природы (на фоне консуеталов — обыденных состояний).¹ Конечно, статья «Виртуальная философия»² Н. А. Носова появилась лишь в 1998 году; естественно, до нее были другие предваряющие работы, но тем не менее все происходило в рамках разработки им «виртуальной психологии»; одноименная его монография вышла в 2000 году.³

И наконец, дивергенцию подходов и результатов двух направлений в психологии можно увидеть на следующем эмпирическом прецеденте. Не удивительно ли, но представители обоих направлений приводят в своих работах один и тот же(!) пример — самоотчет прославленного советского хоккеиста Александра Сергеевича Якушева: «Есть для меня в хоккее нечто куда более ценное, чем слава, и не сравнимое ни с чем. Я жду его и всегда надеюсь, что свидание состоится. А приходит оно всякий раз неожиданно, и миг его начала неуловим. Я мчусь по льду, и шайба на кончике моей клюшки. И нет ничего, кроме игры. И сама она, игра, и ее ритм, и шайба, и мое тело покорны своей воле. В этот миг я ощущаю себя не просто сильным — я всемогущ, неудержим и нет для меня в мире ничего невозможного».⁴ Психотехники цитируют его в главе «Состояния сознания»,⁵ завершая раздел «Упражнение 46. “Чемпион XXI века”» следующим тези-

---

¹ Носов, Н. А. Ошибки пилота: психологические причины. Москва: Транспорт. — 1990. — 64 с.

² Носов, Н. А. Виртуальная философия. // Философский век. Вып. 7: Между физикой и метафизикой: наука и философия. — 1998. — С. 115–124

³ Носов, Н. А. Виртуальная психология. М.: Аграф. — 2000. — С. 432.

⁴ Якушев, А. Я — спартаковец // Смена. — 1976. — № 7. — С. 21.

⁵ Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения / Изд. 2-е, доп. М.: Независимая фирма “Класс”. — 1999. — С. 101.

сом на примере засыпания демонстрирующем суть возникновения подобных состояний сознания: «По сути дела, мы не можем заснуть. Мы можем лишь создать условия для того, чтобы сон возник. Этот важный момент в психотехнике изменения состояний сознания необходимо четко уяснить: переход от одного состояния к другому *не делается, а случается* (прим. — курсив авт.)».¹

В свою очередь Н. А. Носов в нескольких публикациях также «работает» с самоотчетом А. С. Якушева. Его анализ венчает статья «Психологическая виртуальная реальность» в философско-энциклопедическом словаре «Человек»² (2000); сегодня ее можно назвать хрестоматийной.

Приведем статью полностью: «Идея виртуальности признана во многих отраслях науки и практики: вычислительной технике, компьютерной технологии, эргономике, искусствоведении и т. д. Все более широкое признание она получает и в психологии.

В современной психологической науке произошел качественный скачок: от идеи моноонтологичности (унификации типов знаний) она перешла к признанию идеи полионтологичности (множественности и разнородности знаний). Последний подход подразумевает, что существует много несводимых друг к другу, т. е. онтологически самостоятельных, реальностей, например, бодрствование и сон, измененное состояние и обычное состояние сознания. Этот подход получил название «виртуалистика».

Можно выделить следующие специфические свойства виртуальной реальности (В.р.): порожденность, актуальность, автономность, интерактивность.

Порожденность. В.р. продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней. В этом смысле ее называют искусственной, сотворенной, порожденной. Последняя порождается психикой человека.

Актуальность. В.р. существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность.

---

¹ Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения / Изд. 2-е, доп. М. : Независимая фирма «Класс». — 1999. — С. 105.

² Носов, Н. А. Психологическая виртуальная реальность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М. : Наука. — 2000. — С. 292–296.

Автономность. В.р. имеет свое время, пространство и законы существования. Для человека, находящегося в В.р. нет внеположного прошлого и будущего.

Интерактивность. В.р. может взаимодействовать со всеми др. реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них.

В отличие от виртуальной, порождающая реальность называется константной реальностью. Понятие “константный” и “виртуальный” относительно: В.р. 1 может породить В.р. следующего уровня (В.р. 2) став относительно нее константной реальностью (К.р. 2). Исходная К.р. 1 при этом сворачивается, становясь виртуальным элементом новой К.р. 2. Теоретически ограничений уровня реальностей не существует, но актуально функционируют только реальности психологического уровня: одна константная и одна виртуальная.

Идея виртуальности предлагает принципиально новую парадигму мышления, в которой ухватывается сложность устройства мира, в отличие от ньютоновской идеи простоты, на которой зиждется современная европейская культура.

Психологическая виртуальная реальность есть отражение в *самообразе характера актуализации образа* (курсив мой — М. П.). Самообраз, в отличие от образа (и близких ему феноменов — план, функциональный орган, когнитивная карта, паттерн, энграмма и т. д.), отражает в психике ее же текущие состояния. В самообразе, в отличие от образа самого себя, представлено не все содержание психики (мировоззрение, самооценка и т. д.), а только выполняемый акт деятельности, независимо от того, является ли этот акт внешним или чисто психическим. Самообраз — это табло, на котором отражено текущее состояние разворачивающегося образа. Если “образ” и близкие ему понятия вводились в психологический оборот для описания свойств психического отражения внешнего мира и психической регуляции деятельности, то понятие самообраза важно прежде всего с точки зрения отражения в психике состояний психических же образований и возможности тем самым регуляции психических процессов, т. е. психической саморегуляции. Ощущения характера протекания

психических процессов в самообразе и есть виртуальные переживания, и эти переживания образуют В.р.

Если образ актуализируется привычным способом, то процесс актуализации не рефлексруется. Эти нерелексируемые ощущения называются консуетальными (от лат. *consuetus* — нормальный, обычный). Если образ актуализируется непривычным способом, легче или труднее, чем обычно, то характер актуализации рефлексруется: возникает самоощущение, соответственно, легкости и приятности или трудности и неприятности. При этом человек может полностью переключиться на свои самоощущения: перейти в виртуал, который бывает двух видов: гратуал (от лат. *gratus* — привлекательный), при легкой актуализации образа, и ингратуал (от лат. *ingratus* — непривлекательный), при трудной актуализации.

Консуетал — это обычный ряд событий, переживаемых нами привычным образом. Консуеталы случаются постоянно, за исключением тех моментов, когда возникает виртуал. Консуетал — это такое же нормальное, естественное, нерелексируемое состояние человека, как и ощущение давления атмосферного столба. Свойства консуетала хорошо иллюстрируются на примере такого явления как сновидение. Сон всегда видите вы сами, только со своей точки зрения и переживаете все происходящие в сновидении события. Сон нельзя посмотреть ни за кого другого. В сновидении вы всегда присутствуете, даже если видите себя мертвым. Вы не можете исчезнуть, прекратить свое существование, пока находитесь в В.р. И само сновидение существует, только пока вы спите.

Следует подчеркнуть, что консуетал — это не обязательно спокойное состояние. Консуетальным может быть любое психическое состояние или переживание, каким бы сильным или важным самим по себе оно ни было. Дело не в интенсивности, а в том, что виртуал всегда переживается как выход за рамки обычной жизни. И все, что умещается в них, консуетально, даже если переживания свергли человека в обморок.

Консуетал играет важнейшую роль в психике. О его значении говорит хотя бы тот факт, что “сбой” в функционировании консуетала

становятся причинами некоторых аномалий в поведении, в частности, т. н. феномена выполненности (человек абсолютно уверен, что совершил некоторое действие, тогда как он это действие не совершал). Феномен выполненности в свою очередь служит причиной многих операторских “ошибок пропуска”.

Виртуал, в отличие от всех других психических производных типа воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение собственного ума, а как объективную реальность.

Необычную актуализацию образа можно представить как смену масштаба в сравнении с другими образами: укрупнение в гратуале и уменьшение в ингратуале. Появляется другой уровень психической реальности, в которой свой масштаб пространства и времени психических процессов и свои закономерности в сравнении с исходным уровнем. При следующем укрупнении масштаба развернутого образа или уменьшении масштаба свернутого образа осуществляется переход на более высокий или более низкий уровень В.р.

Первичные эпизодические переходы в реальность более высокого уровня переживаются человеком гратуально — как необычные, непривычные, экзотические события. Но после того, как человек достаточно хорошо овладевает этой реальностью, переживания, происходящие в ней, становятся консуетальными, сама реальность — константной, а гратуалы он переживает от переходов в новую, более высокую, реальность. В качестве примера можно привести процесс профессионального роста. Ингратуалы возникают при переходе в В.р. более низкого уровня, когда индивид вынужден осуществлять деятельность значительно более простую, чем та, на которую он способен.

Итак, формально В.р. есть отражение характера актуализации образа, а по содержанию тождественно содержанию образа. Поэтому В.р. может возникнуть на любом образе, каким бы элементарным он ни был, но будет переживаться как полноценная реальность.

В.р. включает в себя три типа событий: консуетал, гратуал и ингратуал. Последние два имеют родовое имя “виртуал”. Можно выделить восемь его свойств.

Непривыкаемость. Сколько бы раз данное событие не возникало, каждый раз оно переживается как необычное и непривычное.

Спонтанность. В своих описаниях никому не удастся точно зафиксировать момент возникновения данного события. Нет временной границы довиртуального и виртуального режима, как, впрочем, и нет грани виртуального и послевиртуального режима. Всегда идет речь о себе уже в новом режиме. Виртуал возникает неожиданно и ненамеренно, процесс не контролируется сознанием и не зависит от воли (намерений и желаний) человека. Другими словами, переход из консуетала в виртуал и обратно не фиксируется человеком — он либо “здесь”, либо уже “там”.

Фрагментарность. У человека, находящегося в виртуале, появляется ощущение какой-то отделенности частей его тела от себя него самого (в таком случае обычно говорят, что руки не слушаются или же, наоборот, руки все делают сами). Поскольку виртуал есть отражение лишь данной текущей деятельности, индивид описывает не всего себя целиком (напр., “я испугался”, “я обрадовался” и т. п.), а лишь те части самого себя, которые участвуют в выполнении данного акта (“жар в голове”, “руки опережают мысль” и т. п.), хотя само переживание захватывает человека целиком.

Объективность. О чем бы человек ни говорил — об изменениях деятельности, наплыве чувств, затемнении сознания и т. п., он говорит о себе не как об активном начале, от которого исходят эти события, мысли, действия, а как об объекте, которого охватывают мысли, переживания, действия. Рассказ идет о том, что происходит с человеком, о том, чему он оказывается подвластным.

Первые четыре признака характеризуют виртуал с внешней точки зрения — это признаки попадания в виртуал. Следующие четыре описывают его изнутри: как человек чувствует себя, находясь в виртуале.

Измененность статуса телесности. Фактически виртуал есть обретение другой телесности. В результате реальность, в которой человек не действует, расширяется и переживается как весьма привлекатель-

ная, аттрактивная. В инградуале человек замыкается на каком-то отдельном фрагменте собственной деятельности, переживая эту реальность как неприятную.

Измененность статуса сознания. В виртуале меняется характер функционирования сознания. В градуале сфера деятельности человека расширяется — человек легко схватывает и перерабатывает весь необходимый объем информации. В инградуале информация схватывается и перерабатывается с трудом. У человека, находящегося в градуале, сохраняется предельная ясность сознания, обостряются способности к прогнозированию и т. п. В инградуале — сознание сужается, темнеет; мышление становится при этом вязким, внимание — рассеянным и т. п.

Измененность статуса личности. В виртуале человек совсем иначе оценивает себя и свои возможности. В градуале, при сверхэффективной и чрезвычайно легкой текущей деятельности, возникает ощущение, что человек может преодолеть все препятствия, свернуть горы. В инградуале же, при очень трудно текущей деятельности, у индивида появляется чувство бессилия, ощущение подавленности.

Измененность статуса воли. В виртуале меняется роль воли. В градуале деятельность совершается без волевых усилий со стороны человека, как бы самопроизвольно, кажется текущей сама собой. В инградуале, наоборот, осуществление деятельности возможно только с помощью напряжения волевых усилий, деятельность “не идет”, “сопротивляется”, тело человека “не слушается” его и т. п.

В конкретном случае каждое из этих свойств может проявляться с различной степенью интенсивности. Для иллюстрации приведем рассказ известного спортсмена... [Здесь в словарной статье Н. А. Носов цитирует А. С. Якушева: текст его самоотчета приведен выше. Далее Н. А. Носов продолжает разбор самоотчета прославленного хоккеиста с точки зрения виртуалистики; смотри далее].

В этом самоотчете подмечены все восемь характеристик виртуала. Непривыкаемость — описываемое состояние всегда желаемо и ново. Спонтанность — состояние приходит и уходит само и незаметно. Обь-

ективность — нет эмоциональных оценок, речь идет о фактах: я мчусь, тело покорно и т. п. Фрагментарность — нет всеобщих утверждений, отмечаются только отдельные вещи: игра, ритм, шайба, клюшка. Измененность статуса воли — все покорно воле человека, от которого на самом деле и не требуется усилий, ибо все получается легко и просто. Измененность статуса телесности — возникновение специфических телесных ощущений: единства тела, клюшки и шайбы, которого нет в других обстоятельствах и которое не всегда возникает во время игры; это ощущение тождественно “чувству самолета” у летчика, когда он “сливается” с аппаратом в единое целое. Измененность статуса сознания — вся игра “схвачена” хоккеистом и покорна ему. Измененность статуса личности — возникает ощущение своего могущества: “Нет для меня ничего невозможного!” И в целом все это переживается как смена статуса реальности — “нечто куда более ценное, чем слава, и не сравнимое ни с чем”, “... мгновенье, ты прекрасно!”¹

Здесь следует указать на то, что субъективные признаки виртуального состояния были описаны Татьяной Владимировной Носовой — его женой и соратницей — в статье «Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота»² (1990).

Словарная статья говорит сама за себя: перекресток, на котором разошлись два сопоставляемых способа научного мышления это «Случай с А. С. Якушевым». Через прецедент с его самоотчетом можно увидеть разницу в способах, глубине анализа и уровнях теоретизации эмпирических данных, описывающих необычные состояния сознания у спортсменов, проведенных в русле логик «виртуалистики» и «психотехники». Таким образом, настоящая работа представляет результаты философско-антропологического сопоставления общего и различного в двух направлениях советской психологии.

---

¹ Носов, Н. А. Психологическая виртуальная реальность. // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М. : Наука. — 2000. — С. 292–296.

² Носова, Т. В. Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота. // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Тр. ГосНИИГА. Вып. 294. — 1990. — С. 74–82.

Заключение

Результаты анализа проблематики патологий эпистем мейн-стрима в понимании ими технической виртуальности, в неразличении ими природной виртуальности — фундаментальной природной виртуальности и природы, и человека, — многолетнее пребывание психотренингов на периферии интересов инноваторов и бизнесменов, представителей науки и высшей школы дают основания тому, чтобы вопрос о будущем и психотехники, и виртуалистики считать мировоззренческим, философским, обостряющимся в своей теоретической и прагматической актуальности, прежде всего, в связи с развитием TVR¹, поэтому его разработку с необходимостью следует включить в перечень «Текущие задачи русской философии».²

Из этого вытекает вопрос-следствие: что в направлении ответа о будущем виртуалистики и психотехники, как одной из текущих задач русской философии, следует сделать дальше?

Напомним приводившийся тезис психотехников, что «переход от одного состояния к другому не делается, а случается». Поэтому отдельному разбору и анализу должны быть подвергнуты уровни экспериментальной работы и подходы к моделированию «сверхсостояний» в психотехнике и виртуалов / виртуальных психологических состояний в виртуалистике. Естественно, и их работы — в том же спорте — были направлены на произвольность и неслучайность! Более того, если брать не личностный пласт результатов несопоставимых по продолжительности жизней двух исследователей, а сугубо научный или содержательный, непреодолимых противоречий между психотехникой и виртуалистикой нет: Н. А. Носов в своих

---

¹ *Пронин, М. А.* Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия // *Философия образования.* — 2016. — № 6(69). — С. 46–69.

² *Смирнов, А. В.* Текущие задачи русской философии: Доклад, представленный к заседанию семинара по теме «Российский проект цивилизационного развития» 10 февраля 2021 г. / *Институт философии РАН* // 2021. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://is.gd/H7lhaA> (Дата доступа: 01.09.2021).

виртуальных экспериментах использовал психотехники! Аретея — практика виртуалистики — включает психотехники как частный, но ключевой, пласт своего инструментария. Поэтому сегодня речь должна идти о синтезе наработок двух отечественных направлений; в этом плане научно-практический гуманитарный(!) совокупный задел в нашей психологии, философии и антропологии — в лице психотехники и виртуалистики — значителен и по целому ряду совокупных свойств опережает таковые на Западе. Приход TVR актуализирует необходимость психотехнической подготовки человека к в условиях цифровизации жизни: психотренинг, предлагаемый Н. В. Цзенем и Ю. В. Пахомовым, их наработки в играх и упражнениях, — должны стать средством выбора при решении будущих кадровых задач!

Если в завершении сказать о конкретных шагах, то разбору виртуальных экспериментов и Н. А. Носова, психотехнических по своему инструментария, и экспериментов Н. В. Цзена будет посвящена следующая расширенная публикация; надеюсь, совместная с Ю. В. Пахомовым.

Кроме того, как мы выше отмечали — Н. А. Носов изучал и воспроизводил в экспериментах подобные состояния у военных летчиков. С летчиками работал и Н. В. Цзен, по свидетельству Ю. В. Пахомова — ждем от последнего публикаций об этих аспектах творческой жизни его старшего товарища и коллеги.

Литература и источники

1. Анисимов, О. С. Виртуальная сущность игромоделирования / Под ред. М.А. Пронина. (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 20). М. : Путь. — 2003. — С. 82.

2. Асадуллин, Э. Ф. Виртуальный подход в истории / Под ред. М. А. Пронина (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 19). М. : Путь. — 2003. — С. 117.

3. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М. : Интеллектуальная литература. — 2020. — С. 456.

4. Бардин, К. В., Гарбачева, Т. П., Садов, В. А., Цзен, Н. В. Явление компенсаторного различия // Вопросы психологии. — 1983. — № 3. — С. 113–119.
5. Исаев, М. Три ступени виртуала (интервью с Н.Носовым) // Поиск. 1994, 15–21 окт. — № 40–41. — С. 16.
6. Малюта, А. Н. Система деятельности. Киев: Наукова думка. — 1991. — С. 208.
7. Михайлов, А. Н. Артея нарушений дыхания (Тр. Центра виртуалистики. Вып 22.). М. : Путь. — 2003. — С. 131.
8. Носов, Н. А. Ошибки пилота: психологические причины. Москва: Транспорт. — 1990. — С. 64.
9. Носов, Н. А. Виртуальная философия. // Философский век. Вып. 7: Между физикой и метафизикой: наука и философия. — 1998. — С. 115–124.
10. Носов, Н. А. Психологическая виртуальная реальность. // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М. : Наука. — 2000. — С. 292–296.
11. Носов, Н. А. Словарь виртуальных терминов / Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды Центра профориентации. М. : Путь. — 2000. — С. 69.
12. Носов, Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф. — 2000. — С. 432.
13. Носов, Н. А. Виртуальный конфликт: социология современной медицины (Тр. Лабор. вирт. Вып. 18.). М. : Путь. — 2002. — С. 140.
14. Носов, Н. А. Автобиографическая история виртуалистики (подготовка публикации — Пронин М. А. и Розова В. П.). // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М. : ИФ РАН. — 2007. — С. 160–174.
15. Носов, Н. А., Генисаретский, О. И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора. // Авиационная эргономика и подготовка летного состава / Труды ГосНИИГА. — Вып. 253. — М. : 1986. — С. 147–155.

16. *Носова, Т. В.* Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота. // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Тр. ГосНИИГА. — Вып. 294. — 1990. — С. 74–82.

17. Партитура виртуоза. Альбом виртуалистики и аретеи / Под ред. М. А. Пронина, В.Ф. Жданова (Серия «Искусство», Выпуск 1) / Тр. Центра виртуалистики. Вып. 24. М. : Горячая линия — Телеком. — 2004. — С. 238.

18. *Пронин, М. А.* Носов Николай Александрович (1952–2002). // ММК в лицах. Т. 2. М. : Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого». — 2007. — С. 100–104.

19. *Пронин, М. А.* Виртуалистика в Институте человека РАН. М. : Рос. акад. наук. Ин-т философии. — 2015. — С. 179.

20. *Пронин, М. А.* Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия // Философия образования. — 2016. — № 6(69). — С. 46–69.

21. *Пронин, М. А.* Технологии виртуальной реальности (TVR) и парадигмальный Рубикон психологии. // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8. М. : Институт психологии РАН. — 2018. — С. 115–134.

22. *Пронин, М. А.* К пониманию онтологии субъекта постнеклассической рациональности: виртуальный подход // Материалы конференции: // Первые Степинские Чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Материалы конференции с международным участием. Москва 5–6 ноября 2019 г. / Отв. редактор В. Г. Буданов, В. А. Лекторский. Курск : ЗАО «Университетская книга». — 2019. — С. 105–110.

23. *Пронин, М. А.* Земельный вопрос и основные задачи цифровой власти: философско-антропологическое понимание вызовов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2021. — Т. XVIII. — Вып. 2. — С. 103–112.

24. *Пронин, М. А., Скоркин, О. А.* Николай Александрович Носов: штрихи к биографии // *Личность. Культура. Общество.* — 2018. — Т. XX. — Вып. 3–4 (№ 99–100). — С. 300–309.
25. *Раев, О. Н., Пронин, М. А.* Техническая виртуальная реальность в лабиринтах терминологий // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* — 2020. — Т. XVII. — Вып. 3(67). — С. 89–99.
26. *Смирнов, А. В.* События и вещи. М. : ООО «Садра»; Издательский дом ЯСК. — 2017. — 323 с.
27. *Смирнов, А. В., Солондаев, В. К.* Процессуальная логика. М. : ООО «Садра». — 2019. — 160 с.
28. *Смирнов, А. В.* Текущие задачи русской философии: Доклад, представленный к заседанию семинара по теме «Российский проект цивилизационного развития» 10 февраля 2021 г. / Институт философии РАН // 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://is.gd/H7lhaA>. (дата доступа: 01.09.2021).
29. *Степин, В. С.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция. — 2000. — С. 744.
30. *Философская антропология в 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата / П. С. Гуревич.* — 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт. — 2019. — 310 с.
31. *Хоружий, С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // *Вопросы философии.* — 1997. — № 6. — С. 53–68.
32. *Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В.* Психотехнические игры в спорте. М. : «Физкультура и спорт». — 1985. — С. 160.
33. *Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В.* Психотренинг: игры и упражнения / Изд. 2-е, доп. М. : Независимая фирма «Класс». — 1999. — С. 272.
34. *Юдин, Б. Г.* О понятии философской экспертизы. // *Ценностные основания научного познания / Отв. ред. Г. Л. Белкина; Ред.-сост. М. И. Фролова.* М. : ЛЕНАНД. — 2017. — С. 45–56.
35. *Юдин, Б. Г., Пронин, М. А.* Философия как экспертиза. // *Анатомия философии: как работает текст. Цикл реплики / Под ред. Ю. В. Синеокой.* М. : Издательство ЯСК. — 2021. — С. 267–290.

36. Юдин, Б. Г., Пронин, М. А., Синеокая, Ю. В. «Философия как экспертиза» // Проект Института философии РАН и библиотеки им. Ф. М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст». Цикл философских бесед: «Реплики»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iphras.ru/12_59.htm. — (дата доступа: 01.09.2021).

37. Якушев, А. Я — спартаковец // Смена. — 1976. — № 7. — С. 21.

РАЗДЕЛ III

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

Человек как самомодифицирующееся существо в эпоху технологизации и коммерциализации идеи самоулучшения

Ф. Г. Майленова

Human being as a self-modifying creature in epoch of technologisation and commercialisation of the idea of self-improvement

Farida G. Mailenova

Аннотация. Популярность психологии личностного роста и технологий самосовершенствования, которые мы наблюдаем последние десятилетия, обрела небывалый размах, что, с одной стороны, является признаком внимания современного человека к своей внутренней жизни и реализации гуманистической идеи саморазвития и раскрытия его способностей, так как потенциал и стремление к развитию заложены в самой природе человека. Открытия в области нейронаук, способные предложить немало новых знаний и техник для улучшения жизни человека, в то же время способствуют переносу фокуса внимания на более естественно-научный взгляд на психологию и мышление человека. Человек начинает воспринимать себя — свое тело, эмоции, характер, саму личность как предмет, который можно преобразовать и улучшить с помощью технологий, и гуманистическая идея самоулучшения трансформируется в более технологическую идею самооптимизации, которая в эпоху постоянного ускорения жизни заняла большое место в жизни современного человека. Став модной и востребованной, психологическая самопомощь постепенно превратилась в индустрию, которая вторгается в эмоциональную, ментальную и духовную жизнь человека, и порой приводит не к обретению, а, наоборот, к потере человеком себя, побуждая его к постоянной гонке за совершенством. Широкое распространение социальных сетей также способствует распространению этой моды, приводя, в свою очередь, к трансформации границ интимности.

Остается лишь высказать надежду, что человеческая жажда к познанию себя и самосовершенствованию окажется в балансе с саморефлексией и способностью к критическому анализу, и это на самом деле сделает нас лучше в самом широком и гуманном смысле этого слова.

Ключевые слова: самомодификация, самосовершенствование, саморазвитие, самооптимизация, психотехнологии, самопомощь, help-self, индустрия Self-Improvement, технологизация.

Abstract. The popularity of the ideas of personal growth and self-improvement that we have seen in recent decades has taken on an unprecedented scale. On the one hand this is a sign of modern man's attention to his interior life and realization of humanistic idea of self-development and disclosure of his abilities, as the potential and aspiration for development is based on human nature itself. Discoveries in the neurosciences, which can offer a lot of new knowledge and techniques to improve human life, at the same time promote a transfer of focus to a more natural scientific view of human psychology and thinking. Man begins to perceive himself — his body, his emotions, his character, his personality — as an object that can be transformed and improved by technology, and the humanistic idea of self-improvement is transformed into the more technological idea of self-optimisation, which has assumed a large place in the life of modern man in an epoch of constant acceleration of life. Having become fashionable and in demand, psychological self-help has gradually become an industry that intrudes into the emotional, mental and spiritual life of the individual, and sometimes leads not to the acquisition, but rather to the loss of self, driving the person in a constant race for perfection. The transformation of the boundaries of privacy due to the extensive use of social media contributes to the expansion of this fashion. All that remains to be said is the hope that the human desire for self-knowledge and self-improvement will be in balance with self-reflection and the ability for critical analysis, and that this will actually make us better, in the largest and most humane sense of the word.

Keywords: self-modification, self-improvement, self-development, self-optimization, psychotechnology, self-help, Self-Improvement industry, technologization.

Природа человека как проект

Вопрос о том, продолжается ли эволюция человека, или он остается таким, каким был столетия и тысячелетия назад, отнюдь не праздный. Внешне наши тела все еще напоминают тела тех людей, которые жили до нас, можно даже сказать, что современный мозг до сих пор находится в теле неандертальца, и оно реагирует так, как реагировало бы на вызовы внешней среды тело «пещерного человека». Такой разрыв между телесными реакциями, что адекватно подходят для тела животного, живущего в дикой среде, который, к примеру, во время стресса либо дрался бы, либо убегал, и совершенно новыми условиями существования, когда мы вынуждены проживать стресс, не показывая агрессии, оставаясь на месте, и даже словесная агрессия считается неприемлемой, приводит к постоянному накоплению в теле современного человека избыточных мышечных напряжений и токсинов, а впоследствии — к психосоматическим болезням. Без сомнения, эволюция человека как вида продолжается, при этом современный человек сам вносит определенную лепту в этот процесс, и наше нынешнее состояние является, скорее всего, неким промежуточным этапом между человеком прошлого и человеком будущего. Главное преимущество современного человека — его более развитая рефлексия и способность к осознанному самообучению, самомодификации и самоисцелению, как с помощью различных биомедицинских технологий, так и с помощью внутренних ресурсов, посредством собственной воли, знаний и мотивации.

Специалисты в области нейронаук считают, что вся информация, которая была воспринята мозгом человека, хранится там всегда. Все записывается на «жесткий диск», если уподобить мозг компьютеру. Не верить психофизиологам нет причин, видимо, все именно

так и обстоит. Это удивительно, учитывая, сколько всего мы забываем, не желая того, а сколько всего мы просто не помним, так как восприятие произошло помимо нашего осознания, хотя при особых условиях эта информация может внезапно появиться в памяти. На этой особенности нашего мозга построена теория бессознательного и, соответственно, вся техника психоанализа, которая долгое время была ведущей в психотерапии. Цель психоанализа — получить доступ к информации, хранящейся в бессознательном, причем информации особого толка — которая некогда нанесла личности психотравму, но, не будучи переработанной, продолжала влиять на мировосприятие, создав определенные психологические трудности. Осознание и дальнейшая переработка болезненных воспоминаний позволяют избавиться от множества проблем не только психологических, но зачастую и соматических. Как именно происходят все эти процессы, каким образом обычное, казалось бы, проговаривание каких-то забытых детских переживаний способно излечить от страхов, фобий, депрессии, навязчивых идей и прочих серьезных проблем со здоровьем, до сих пор остается удивительной тайной, несмотря на безбрежное море теоретических построений и исследований на эту тему.

Весьма интересен практический аспект этого явления. Если мозг ничего не забывает, и порой мы внезапно вспоминаем то, что было давно забыто, как научиться делать это осознанно — получать доступ к информации, когда она нужна? Если мы научимся более полно и грамотно пользоваться нашим мозгом, таким, какой он есть, сами себя менять, мы сможем, как интеллектуально, так и физически, стать более совершенными, даже без применения биотехнологий. На этой идее, которая подтверждается новейшими исследованиями в области нейронаук, базируются современные школы психологического консультирования, которые, кроме задач по избавлению от личностных проблем, также используют методы и психотехнологии, помогающие самосовершенствованию.

От самоулучшения и самопомощи к самооптимизации

Популярность идей личностного роста и самосовершенствования в последние десятилетия обрела небывалый размах. Едва ли не ежедневно появляются новые книги, программы и обучающие семинары с рецептами достижения счастья, любви, красоты, здоровья и богатства, так что мы можем говорить уже о развитой индустрии *self-help* и *self-improvement*. Стоит подключиться к сети Интернет, бесчисленная армия психологов, коучей, бизнес-тренеров, стилистов, диетологов, гуру медитации и тайм-менеджмента ежеминутно будет обрушивать свои рекламные предложения. Стать уравновешенным, эффективным, устойчивым к стрессам, быстрым и решительным, обрести умение не просто приспособиться к постоянно меняющимся условиям, а полюбить перемены и научиться их оборачивать в свою пользу — всему этому готовы обучить современные коучи, которые повсеместно заменили вчерашних психотерапевтов.

Стремление улучшать и совершенствовать себя было присуще человеку во все времена, однако на протяжении большей части истории человечества это был скорее духовный или этический вопрос: традиционно самосовершенствование ассоциировалось с духовными и религиозными практиками, адепты которых посвящали всю свою жизнь служению Всевышнему, отказавшись от мирских благ и удовольствий. В светской же традиции этика как практическая философия, начиная с древнейших философских трактатов, предлагала рекомендации и предписания, какие личностные качества надлежит развивать в себе для того, чтобы стать достойным, уважаемым, добродетельным человеком.

Современная ситуация человека, стремящегося к совершенству, совсем иная: он может не только улучшать себя морально и психологически, но и, используя различные технологические новшества, изменить (улучшить) свойства мозга, с помощью фарм-препаратов поменять темперамент, переделать свое тело. И если еще в прошлом веке наличие совершенного тела означало, что его обладатель таков от природы либо добился этого упорными тренировками, сегодня

появляется возможность буквально «слепить» себя заново с помощью пластической хирургии и специальных фарм-препаратов, а в самом обозримом будущем можно будет «подправить» имеющиеся (или воображаемые) недостатки еще и с помощью генного моделирования.

Психологическая помощь (включая самопомощь в виде различных книг, техник и онлайн-семинаров) также становится все более технологизированной. Чем больше появляется техник и психотехнологий, помогающих изменять и улучшать человека, тем больше и в этой области делается акцент на вмешательство извне посредством различных приложений, гаджетов, онлайн-коучей и т.п. Еще совсем недавно, десятилетие назад, психологи-консультанты говорили о приемах обучения самопомощи Self-help и техниках Self-improvement, сегодня же все больше используется технократическая метафора Self-optimization (самооптимизация), что иллюстрирует все более инструментальное отношение человека не только к миру и к другим людям, но и к самому себе — своему телу, здоровью и даже внутреннему миру. Самооптимизация стала прибыльным продуктом, который сегодня отлично продается. Это огромная и разнообразная индустрия всевозможных услуг, особенность которых состоит в том, что потребитель получает искомый результат, подвергнув модификации или улучшению самого себя. Современному человеку мало иметь работу и быть успешным в социуме для того, чтобы уверенно себя чувствовать в обществе. Область, которую оценивают другие люди, стала значительно шире, в частности, в связи с перемещением огромной части нашей жизни в Интернет, который подвергает радикальной трансформации нашу частную жизнь и нормы открытости и интимности. Теперь каждый так или иначе создает свой виртуальный образ в социальных сетях, и в этот образ входит также информация не только о том, насколько человек успешен в работе или учебе, но и о том, в какой он физической и психологической форме, какой у него эмоциональный настрой, как именно он организует свою жизнь (включая личную и порой даже интимную). Те области жизни, о которых в доинтернетовскую эпоху знали лишь друзья и близкие, становятся

открыты и доступны огромному количеству людей, в том числе незнакомых. Рассказать о своих личностных проблемах, а также о своем диетологе, психологе или коуче на своих страницах в социальных сетях стало не просто приемлемым, но популярным и престижным. Пришла эпоха умных лекарств, всевозможных добавок с нужными микроэлементами, аппаратной косметики, интернет-приложений для обучения и программ для улучшения памяти, различных носимых гаджетов для отслеживания физических параметров: давления, уровня сахара в крови, процентного содержания жира и воды в организме, приборов для учета количества шагов и интенсивности силовых нагрузок и, наконец, социальных сетей — не бывалого никогда ранее в истории человечества возможности показывать всему миру свои достижения во всех областях, какие только можно вообразить, в которых сегодня популярные пользователи и выкладывают все подробности своей жизни, в том числе об используемых ими техниках самоулучшения.

Улучшить и оптимизировать сегодня можно все: от внешнего вида, физической и сексуальной привлекательности, финансового положения и навыков общения до свойств характера, стиля мышления, способностей к творчеству или обучению и многое-многое другое. Все это поражающее воображение разнообразие предложений заставляет задуматься: а насколько подобная радикальная перестройка личности хороша для самого человека, для его целостности? Станет ли он действительно лучше, счастливее, совершеннее, следуя этим советам в стремлении превратиться в улучшенную версию самого себя?

Авторы книги «Отчаянно ищущий саморазвития: год внутри движения по совершенствованию» Карл Седерстрем (Carl Cederström) и Андре Спайсер (André Spicer), профессора бизнес-школы в области организационных исследований, провели уникальный психологический и культурологический эксперимент, протестировав на самих себе действие максимального количества советов и способов самооптимизации, которые предлагает современный рынок. В течение 2016 года каждый из них посвящал примерно месяц на оптимизацию, со-

образно с новейшими советами, какую-то одну область своей жизни: финансы, тайм-менеджмент, физическое развитие (работа с тренером), интеллектуальное и духовное развитие, изучение иностранных языков, мужское здоровье, работоспособность, развитие памяти. Они посещали консультации терапевтов, бизнес-коучей и духовных гуру, тестировали вибраторы для простаты, ходили в ретрит, занимались йогой, сидели на диетах, учили французский язык и 1000 знаков числа Пи для улучшения памяти, испытывали на себе техники и упражнения по улучшению сексуальности, а в «месяц продуктивности» принимали амфетамины для повышения трудоспособности. Многие задания, выполняемые ими, кажутся по меньшей мере странными, однако именно эта абсурдность является прекрасной иллюстрацией к тому, что индустрия Self-improvement в современном обществе потребления все больше превращается в бизнес с довольно-таки агрессивным менеджментом. По мнению Седерстрема и Спайсера, точно так же, как, будучи членами общества потребления, мы не можем купить одну пару джинсов и успокоиться, мы не можем, однажды начав, перестать совершенствовать свое «Я». Мы не замечаем, как нам продают и практически внушают острую потребность улучшить и обновить все части нашего «Я». Не секрет, что развитие этого бизнеса выгодно тем, кто зарабатывает на наших страхах и комплексах. Каждый из авторов книги потратил на собственный «апгрейд» более 10 тыс. долл. и тысячи часов личного времени. Они уверяют, что в индустрии самосовершенствования крутится не менее 10 млрд долл. в год. Седерстрем и Спайсер показали, что зачастую за громкими фразами и многообещающими образами самосовершенствования кроются грандиозный обман и мошенничество, идея Self-Improvement, став товаром, превращается в еще один инструмент манипулирования человеком. Также они обращают внимание на те трансформации, которые претерпевает личность в результате длительного и усиленного самосовершенствования: они считают, что формируется человек, полностью сфокусированный на самом себе и своих ощущениях, превращаясь отнюдь не в «лучшую версию себя», как обещают многочисленные гуру, а в самодовольного, высокомерного и амбициозного нарцисса.

Между тем там, где можно измерить успех, можно измерить и неудачу. Увлечшись лозунгами позитивного мышления, «вы можете быть тем, кем хотите быть», и поверив в собственное всемогущество, невозможно смириться с тем, что не удалось достичь задуманного, так как, если вы все контролируете, вы в ответе за все свои неудачи, в том числе за болезни и даже жизненные катастрофы. С такой гипертрофированной ответственностью и неприятием того, что в жизни много вещей, которые мы не можем контролировать, несложно оказаться на самом краю бездны отчаяния.

«Совершенство — это идея, которая убивает» (Уилл Сторр)

По мнению британского журналиста Уилла Стоппа (Will Storr), навязчивое желание достичь цели и продемонстрировать превосходство не просто является источником постоянного стресса, но может в итоге оказаться опасным для жизни. В своей книге «Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет»¹ он с тревогой рассказывает о росте самоубийств в США и Британии и считает, что одной из причин этого удручающего явления является неспособность людей оправдать те завышенные ожидания, которые они сами на себя взваливают под влиянием массмедиа и агрессивно продвигаемой идеи самосовершенствования. По данным опросов, на которые он опирается в своих выводах, не только девочки-подростки, но и взрослые мужчины все чаще страдают от недовольства своим телом. Эпоха перфекционизма, в которой нам довелось жить, заставляет людей предъявлять повышенные требования не только к результатам своей работы, но и к своему внешнему виду и даже образу жизни, однако недовольство собой — естественный попутчик перфекционизма — может довести (и доводит) многих до депрессии и даже самоубийства. Современный человек находится под гнетом идеальных образов, которые потоком льются на него с экранов телевидения и компьютеров, а в связи с распространением

---

¹ *Сторр У.* Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет (Will Storr. *Selfie. How We Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us*). Индивидуум паблишинг. — 2019. — С. 472.

в социальных сетях феномена «перфекционистского представления», который состоит в стремлении изображать свою жизнь как череду побед и достижений, многие страдают от несоответствия реальности их истории жизни тем идеальным картинкам, которые живут в их фантазии и на их страницах в социальных сетях. Между тем стремление рассказывать о себе и вообще представлять свою жизнь в виде истории — свойство нашего мозга, и сегодня, когда эти истории из воображаемого мира переходят в мир виртуальный, они начинают жить своей автономной жизнью, в виде выложенных в сети фото, видео и текстов, к которым каждый может оставить комментарий, оценки и сравнения с историями других людей.

Сегодняшний читатель, на кого ориентированы авторы современных книг — прежде всего пользователь Интернета, и он уже не тот, каким был в эпоху печатной книги. Николас Карр (Nicholas Carr) в своей знаменитой книге «Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами» пишет, как Интернет влияет на человеческий мозг и неотъемлемые продукты его деятельности — память, внимание, мышление, восприятие себя и мира вокруг. Сравнивая эпоху печатной книги, которая научила человечество подолгу фокусировать свое внимание и глубоко анализировать прочитанное, и эпоху Интернета, который стал питать мозг небольшими порциями информации из множества разрозненных источников, Николас Карр приходит к выводу, что Всемирная сеть, с ее ценностями скорости и оптимизации, переформирует не только наше мышление, но и наши эмоции и нашу этику. Постепенно теряя способность к концентрации, размышлению и глубокой рефлексии, мы получаем взамен навык быстрого скольжения на поверхности информационных волн, не вникая в суть и не задерживаясь ни на чем подолгу. Авторы современных книг по самолучшению понимают, что тексты с советами, требующие долгих усилий, не будут прочитаны (а соответственно — куплены), так как современный читатель живет в мире постоянно растущих скоростей и редко дочитывает до конца серьезные книги, и стремятся адаптировать свои тексты, превращая их в «быстрое» чтение и обещая немедленные результаты.

Популярные книги признанного тренера по тайм-менеджменту, ведущего специалиста в мире по дизайну образа жизни Тима Ферриса (Timothy Ferriss) полностью соответствуют этим требованиям. В его знаменитой книге «Как работать по 4 часа в неделю и при этом не торчать в офисе “от звонка до звонка”, жить где угодно и богатеть» (The 4-Hour Workweek: Escape 9–5, Live Anywhere, and Join the New Rich)¹ рассказывается о том, как научиться жить «здесь и сейчас», работая в свое удовольствие и зарабатывая достаточно, чтобы постоянно путешествовать и наслаждаться жизнью. Он обещает не просто помочь многократно увеличить доход благодаря тайм-менеджменту, но также советует, делегировав другим неприятную часть работы, в сэкономленное время делать лишь то, что нравится: заниматься хобби, путешествовать, наслаждаться жизнью, управляя при этом своим бизнесом. Для реализации своей мечты он призывает не ждать подходящего момента и, если работа не приносит удовлетворения и радости, начать делать что-то другое. Для этого он предлагает приемы, как управлять собой, своим рабочим временем и избегать информационной перегрузки. Советы Тима Ферриса полны оптимизма и действительно способны воодушевить и замотивировать. Правда, его совету перевести неинтересную и рутинную часть работы в регионы с более дешевой рабочей силой, например в Индию, возможно, реализуемому для американских предпринимателей, вряд ли смогут последовать российские офисные работники, решившие по совету Тимати бросить надоевшую работу и начать новую жизнь, чтобы стать «новым богатым», хотя определенная часть его советов, безусловно, способна поддержать того, кто решил изменить стиль своей работы и жизни. Его следующая книга — «Совершенное тело за 4 часа» (The 4-Hour Body)² — обещает читателям, кроме избавления за короткие сроки от избыточного веса, стать сильнее и выносливее, уделяя физическим нагрузкам всего лишь по 40 минут в неделю, подготовиться к марафону, сократить время сна, чтобы больше успевать, и в ито-

¹ Феррис, Т. Как работать по 4 часа в неделю и при этом не торчать в офисе “от звонка до звонка”, жить где угодно и богатеть. 2020. — М. : Добрая книга. — С. 424.

² Феррис, Т. Совершенное тело за 4 часа. Необычное практическое руководство, которое поможет быстро избавиться от лишнего веса, стать сильным и выносливым и наслаждаться жизнью. Добрая книга. — 2013. — С. 576.

ге полностью изменить себя, научившись радоваться жизни. Столь радикальное изменение в состоянии тела само по себе — большой стресс для организма, который может повлиять благотворно, а кому-то, напротив, нанести вред здоровью, но автор избегает сомнений и предлагает и своим читателям отбросить опасения и сомнения. Его же «Шеф-повар за 4 часа» (The 4-Hour Chef)¹ обещает помочь не только научиться прекрасно готовить (как заявляет сам автор без ложной скромности, не хуже знаменитых мировых поваров) всего лишь за 48 часов, но превратиться за полгода в специалиста высочайшего уровня в любой другой области. Главное, что предлагает эта книга — технология скоростного обучения, которую впоследствии можно будет применить при освоении любых знаний и умений — от изучения иностранных языков (за 8 недель) до навыков выживания в дикой природе. Многие поклонники Тима Ферриса считают его книги прекрасным подспорьем в жизни, помогающими бороться со своими слабостями и добиваться поставленных целей. Но даже они отмечают, что необходимо приложить немалые усилия, чтобы следовать его советам, и еще больше — чтобы продолжать начатое. Несомненно, волевые и мотивированные люди смогут получить пользу от таких книг, так как они привыкли преодолевать трудности и понимают, что, кроме новейших технологий Self-improvement, нужны еще упорство и терпение.

Однако на рекламные трюки, помогающие продавать такие книги, попадают прежде всего читатели, не умеющие кропотливо работать и склонные ожидать легких результатов. Они поначалу в восторге, но через короткое время эйфория от обещанного улетучивается, так как завышенные ожидания и их несоответствие реальности нередко порождают глубокое разочарование, апатию, а порой даже приводят к серьезным депрессиям. Такой необоснованный оптимизм, обещающий мгновенные результаты без особых усилий, которыми переполнены страницы подобных книг, впоследствии приобрел эпитет «хищнический».

---

¹ Феррис, Т. Шеф-повар за 4 часа. Простой способ научиться готовить как профессиональный повар, быстро обучаться чему угодно и наслаждаться жизнью. Хорошая книга. — 2015. — С. 648.

Еще десятилетие назад, в 2008 году, одним из самых влиятельных людей планеты, по версии журнала «Тайм» (Time), была признана Ронда Берн (Rhonda Byrne). Ее книга «Тайна»¹ (The Secret) стала бестселлером и разошлась тиражом более 20 миллионов экземпляров по всему миру. Главная мысль ее книги созвучна с буквальным толкованием стиха от Матфея (21:22) из Библии, который гласит: «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите», которую она интерпретировала сообразно реалиям современного общества. Проанализировав под углом позитивного мышления множество «историй успеха» различных известных и талантливых людей, она соединила их под общим знаменателем «те, кто знают Тайну» и рассказала о том, как все они страстно верили и желали достичь желаемого и в результате достигли. Заразительные и вдохновляющие истории и метафоры Ронды Берн, обещающие быстрое и легкое достижение всех целей всего лишь благодаря вере и позитивному мышлению, были невероятно популярны, пока не наступил финансовый кризис, когда оптимистичная парадигма щедрой и любящей Вселенной для большинства людей перестала работать. Само собой, ее страстные сторонники продолжают верить в силу позитивного мышления и призывать в свои ряды других людей, но в целом акценты в обществе изменились. Сегодня, в век технологий, отношение человека к самому себе также становится все более технологичным. Идея принятия желаемого за действительное и полумагическая убежденность в созидательной силе мысли, основанная на позитивном мышлении, уступает место техникам достижения эффективности. Сегодняшние гуру продуктивности больше не «торгуют воздухом», добрыми чувствами и эфемерными идеями: большинство из них опираются в своих рекомендациях на научные методы и открытия нейронаук, благодаря которым в их распоряжении стало гораздо больше знаний о том, как функционирует наш мозг и как можно заставить его работать лучше. Доказательства со ссылками на результаты научных экспериментов работают более надежно. Также появляется много книг и фильмов, рассказывающих о конкретных стратегиях богатых и преуспевающих людей, и на их

---

¹ Берн Ронда. Тайна. ЭКСМО. — 2015. — С. 296. ISBN 978-5-699-90406-8

примере жизненного успеха строятся и пользуются популярностью целые программы по повышению личной эффективности. Хорошо продаются методички, которые оснащены определенной доказательной базой, так как современный человек больше не верит, что можно просто подумать и представить путь к улучшению тела и ума, а сила его мысли и желания видоизменит его жизнь.

В советах по саморазвитию, в стиле их подачи и изложения отражается сама эпоха, в которую мы живем, с ее ведущими ценностями. Упомянутые выше Седерстрем и Спайсер, изучившие на себе современные способы самореализации и самооптимизации написавшие об этом в 2017 году ироничную книгу *«Отчаянно ищущий саморазвития...»*¹, в своей предыдущей книге *«Синдром хорошего самочувствия»*² по той же схеме пробовали на себе популярные в те годы принципы, помогающие улучшению общего настроения, здоровья, занимались медитациями и искали свой путь к просветлению, подробно, пошагово описав свой опыт. Их путь также отражает наблюдаемую в обществе тенденцию движения от позитивного мышления и гуманистической психологии в нулевых к радикальной самооптимизации, которая стала новой религией современного амбициозного человека. Современный потребитель, приобретя ту или иную услугу по самоулучшению, приобретает также инструкцию, как правильно следовать заключенным в ней советам: он должен намечать себе цели, прописывать ближайшие шаги, вести дневник «негативных мыслей» и съеденных калорий, записывать режим сна, а иногда и сами сны, вести с помощью специальных гаджетов учет количества шагов и интенсивности тренировок в зале, не забывая об упражнениях для развития мышления и эмоционального интеллекта, затем — черед анализировать написанное, корректировать курс и выходить на следующий уровень... Подобная деятельность способна поглотить все внимание и вдобавок все его время и все его финансы.

---

¹ Carl, Cederström, ANDRÉ, SPICER. Desperately Seeking Self-Improvement: A Year Inside the Optimization Movement. November 2017 DOI: 10.2307/j.ctv62hfwv ISBN: 9781682191026 Stockholm University

² Carl, Cederström, ANDRÉ, SPICER. The Wellness Syndrome. Polity; 1st edition (February 23, 2015). P. 200. ISBN-10:9780745655611, ISBN-13:978-0745655611

В то же время актуальный вопрос, а что собираются делать со своей повышенной продуктивностью и выносливостью адепты самосовершенствования, остается без ответа. Они уже не мечтают совершать великие открытия в науке или создавать бессмертные произведения искусства, они настолько зациклены на себе, что самосовершенствование становится для них самоцелью, и за годы самооптимизации можно стать лишь гуру самосовершенствования, чтобы рассказывать остальным, как оптимизировать свою жизнь, на примере тех, кто умеет сделать это еще быстрее и качественнее. Таков абсурдный итог амбициозного нарциссизма — оторванное от общества и альтруистических целей, бесконечное самосовершенствование постепенно превращается в бессмысленную трату времени и денег, фактически заменяя собой подлинную жизнь.

Уилл Сторр¹ также категорически не согласен с утверждением, что высокая самооценка и стремление соответствовать идеалу идет человеку на пользу, хотя, как он отмечает, вера в то, что люди должны развивать свой разум и стремиться к совершенству и реализации своего потенциала, берет начало еще со времен Древней Греции. Однако именно эта вера, по его мнению, породила и сегодня питает страстно критикуемый им «амбициозный нарциссизм». Он отмечает определенные исторические этапы, которые проходит социальный перфекционизм, начиная с древнегреческого концепта морального совершенствования, через концепцию греха в средневековом христианстве, стыда и вины у З.Фрейда в послевоенном капитализме к ренессансу гуманистической идеи самореализации в современной Кремниевой долине, которая на наших глазах трансформируется далее, в амбициозный нарциссизм и хищнический оптимизм. В условиях современной остроконкурентной экономики, которая требует от человека быть не только максимально умным, эффективным и креативным, но еще и хорошо выглядящим, любезным и приятным в общении, социальная конкурентность, которая идет не только за «место под солнцем», но и за все формы социального одобрения, ста-

---

¹ *Сторр, У. Селфи. Почему мы зациклены на себе и как это на нас влияет (Will Storr. Selfie. How We Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us). Индивидуум пубблишинг. — 2019. — С. 472.*

новится все глубже и травматичнее. Когда постоянное совершенствование становится уже не просто увлечением или приятным хобби, а суровой необходимостью, бесконечным бегом в погоне за идеалом, от которого невозможно отказаться и «отмахнуться», как жить современному человеку, не впадая в отчаяние и депрессию?

Способы поддержания мотивации

Одна из причин апатии и депрессии — утрата мотивации. Можно ли сохранить и приумножить ее без радикального насилия над собой, которое сопровождается дискомфортом, усталостью и в конечном итоге убивает мотивацию напрочь?

В любом деле, которое требует длительных волевых усилий, со временем происходит постепенное угасание мотивации. Смириться с ограничениями (а любое начинание, будь то изменение режима дня или встраивание новых упражнений, занятий, — это выход из «зоны комфорта» и уже ограничение) и сделать их частью своей повседневной жизни требует от человека каждодневного волевого усилия. Даже приняв твердое решение следовать всем предписаниям коуча и с воодушевлением начав, обычный человек постепенно все бросает. Как поддерживать мотивацию на протяжении длительного времени — вопрос особый. Для последовательного изменения образа жизни — а именно это потребуется для соблюдения всех предписаний — важны такие вещи, как упорство, последовательность, готовность долго поддерживать принятый стиль жизни, отказываться от каких-то привычек, удовольствий — одним словом, недюжинная самодисциплина. Зачастую этот аспект упускается из внимания, так как принято считать, что, если человеку все разъяснить, привести ему логичные, разумные доводы, воодушевить вдохновляющими примерами и он разумом поймет, что для него вредно, а что полезно, он тут же проникнется, сразу изменит свое поведение, бросит вредные привычки и вообще переменит свой образ жизни. Однако на практике выясняется, что самая большая сложность состоит не в том, чтобы понять, как нужно организовать свою жизнь, а в поддержании мотивации это разумное и правильное решение выполнять — изо дня в день, посто-

янно преодолевая искушение дать себе поблажку: нарушить режим, поспать подольше, пропустить тренировку, позволить себе лишний (вредный) кусочек...

Как правило, в этом непростом деле большинство идет проторенным путем: пытается себя заставлять, напрягать силу воли, чтобы не поддаваться искушениям. Однако на этом пути, знакомом всем практически с детства, существуют коварные препятствия, возникающие внезапно, подобно подводным камням в горной речке. Первое время все получается, и даже уже результат ощутим, и человек воодушевленно рассказывает родным и близким, а нередко еще и постит в интернете красивые картинки о том, как он стал жить новой жизнью и насколько лучше стал себя чувствовать... Но проходят месяцы, а то и недели, и мотивация становится все слабее, а потом и вовсе куда-то улетучивается. Почему это происходит? Общепринятое объяснение кажется довольно простым: есть люди с сильной волей и люди, у которых воля слаба, у них не хватает сил сопротивляться своим мимолетным импульсам, и поэтому они то и дело срываются: начинают нарушать режим, бросают заниматься спортом, делать зарядку, снова начинают курить, есть вредные для них продукты и т.п. Стремление поддаться искушению оказывается сильнее разумных доводов, такие слабовольные люди ничего не могут с собой поделать... В связи с этим возникает вопрос, можно ли научиться контролировать свои порывы, укрепить силу воли, накачать ее, как накачивают мышцы в спортзале? Есть ли способы избежать снижения мотивации?

Келли Макгонигал, автор книги «Сила воли. Как развить и укрепить»¹, считает, что с точки зрения психологии понятие «сила воли» имеет несколько аспектов. Научиться говорить разумное «нет» (и последовательно придерживаться затем выбранной линии поведения), когда наша эмоциональная, точнее импульсивная, часть стремится сказать «да», — непростая задача. Тут может помочь саморефлексия: осознав свое мимолетное «да» — будь то желание съесть кусок торта, выпить лишнюю рюмку, заказать жирный стейк или пропустить тренировку, — можно обнаружить, что оно не является единственным

¹ Макгонигал К. Сила воли. Как развить и укрепить. ООО «ЛитРес», 2012. iBooks. www.litres.ru

желанием на данный момент, так как на самом деле эмоциональный поток человека далеко не однороден. Одновременно с первым, чаще всего поверхностным импульсом, которому действительно легче всего поддаться, есть другие желания, более глубокие и зачастую более важные: например, желание улучшить свой внешний вид, сдать экзамен, дописать статью, получить повышение на работе, сохранить брак и т.п. И важный шаг в этом направлении — решить, что же из этого потока желаний будет им выбрано и реализовано. Часто это еще называют намерением, вкладывая в это понятие не просто умственное решение, а такое решение, которое предполагает, что тот, кто его принял, будет последовательно его осуществлять, постоянно фокусируя свое внимание на поставленной цели, невзирая на препятствия и всяческие искушения на пути достижения цели. Если не осознавать процесс выбора и не направлять энергию в выбранное русло, психика всегда выберет наилегчайший путь.

Чтобы сила намерения была достаточной, крайне важно в каждый момент помнить о том, что же для нас является по-настоящему важным, чтобы сотни мелких, порой неосознаваемых выборов соответствовали главной цели в жизни. Необходимо научиться замечать и осознавать эти маленькие выборы, включая мельчайшие побуждения, которые приводят к тому, что вредные привычки повторяются из раза в раз. Взять, например, человека с излишним весом, которому предписана диета, абсолютно противоположная его привычкам. Каждый раз, принимая решение о покупке очередной порции мороженого или сдобной булочки, ему важно помнить о своей главной цели, а также о том, что, поддавшись искушению сегодня, он, скорее всего, поддастся ему и завтра, к концу недели у него будут лишние 0,5 кг веса, к концу месяца — уже 2–3 кг, а через год он наберет лишние 20 вдобавок к тем, что уже есть. Дабы избежать этого, ему нужно сейчас принять сознательное решение не брать десерт и самое главное (и, пожалуй, самое сложное) — не позволять этому случаться в силу привычки.

Последнее условие особенно сложно выполнить, если человек сильно устал или слишком погружен в свои переживания или размышления и, как следствие, несколько отключен от внешней реально-

сти. Теперь, с внедрением в нашу повседневную жизнь виртуальной реальности, появилась еще одна разновидность такой отрешенности. Когда человек погружен в чтение сообщений на своем смартфоне или слушает музыку через наушники, он меньше осознает свои поступки и решения во внешнем мире и чаще руководствуется в импульсами, становясь тем самым гораздо более подверженным автоматическому поведению, в том числе вредным привычкам, как-то: курение, обкусывание ногтей, поедание конфет, семечек или чипсов и т.п., даже если в более сосредоточенном и продуктивном состоянии он всего этого не делает. Одним словом, следует помнить о том, что у одного и того же человека могут быть разные уровни осознанности, а следовательно, и силы воли, в зависимости от состояния его организма или степени загруженности его внимания. Житейская психология хорошо осведомлена об этом: не случайно советуют быть особенно внимательными в людных местах, в том числе супермаркетах и особенно на рынках, где можно стать жертвой не только жуликов и карманников, но и (что более вероятно) недобросовестных продавцов и агрессивного маркетинга. Огромное количество спонтанных покупок, будь товары или услуги, совершаемых людьми, не является необходимым, а навязанным скрытой или явной рекламой, а то и прямым воздействием (внушением) активности умелых продавцов. Известно, что даже способ расстановки товаров на полках призван способствовать тому, чтобы покупатель увидел как можно больше новых привлекательных предметов и совершил как можно больше покупок. И беспрестанные перестановки товаров на полках, из-за которых постоянные покупатели вынуждены делать несколько лишних кругов по магазину, служат той же цели: пока человек ищет нужную полку с привычными повседневными товарами, он пройдет мимо тех, на которые раньше не обращал внимания, и, скорее всего, что-то с тех новых полок переключит в его корзину... Не менее важна общая обстановка в зале — музыка, запахи, освещение, температура. Чем комфортнее и расслабленнее чувствует себя человек в торговом зале, тем дольше он там останется и, соответственно, тем больше товаров может купить за это время. Все эти уловки основаны на том, что че-

ловек с преимущественно внешним фокусом внимания, находясь в недостаточно осознанном состоянии, гораздо более подвержен воздействию извне, хотя сам он, разумеется, будет уверен, что самостоятельно принимает решение.

Также важно знать и помнить о том, что сила воли — это ограниченный ресурс¹. Просто напрягая силу воли, укрепить ее практически невозможно, нужны более сложные ментальные стратегии. Если вы твердо решили, например, бегать каждое утро и настроились на продолжительную борьбу с самим собой, мы считаем своим долгом вас предостеречь: самую большую опасность на вашем пути к совершенству представляют не разного рода неподконтрольные вам обстоятельства, а недостаток мотивации. То есть если вы, скажем, бегаєте каждое утро и уже можете похвастаться определенными успехами, то в какой-то момент можете решить, что заслужили передышку. Выяснилось, что чем чаще и дольше люди сопротивляются своим желаниям, тем меньше силы воли у них остается для сопротивления последующему желанию. В психологии это явление носит название «истощение силы воли».

Во время эксперимента ученые попросили одну группу студентов запомнить двузначное число, а другую — семизначное. Затем предложили участникам из обеих групп выбор между пирожным и фруктовым салатом. Поразительно, но студенты, которые запомнили семизначное число, выбирали пирожные в два раза чаще. То есть для того, чтобы заметно снизить силу воли и выбросить белый флаг, достаточно запомнить каких-то пять лишних цифр. Затем провели другой эксперимент, в котором подошли к той же проблеме с другой стороны: добровольцам показали два блюда — одно со свежеприготовленным печеньем, а другое — с редиской. Половину участников предварительно проинструктировали взять печенье, другую половину — взять редис. После этого всех попросили решить сложную геометрическую головоломку. Те, что брали редис, бросили задание через восемь минут, а те, кому досталось печенье, бились над головоломкой целых 19 минут. Несмотря на то что выполнение задания не

¹ Макгонигал, К. Сила воли. Как развить и укрепить. ООО «ЛитРес», 2012. iBooks. www.litres.ru

требовало никаких физических усилий, отказ от аппетитного печенья отнял у участников часть сил, которые могли быть потрачены на выполнение задания. Описанные эксперименты иллюстрируют, что для поддержания принятых решений важно не только (и не столько) напряжение силы воли, но и более обширная внутриличностная работа по повышению осознанности в целом.

Говоря о способности говорить «нет» в ситуациях, когда важно не поддаваться различным вредным для здоровья искушениям, стоит также помнить о том, что эта задача имеет еще одну сторону — умение сказать твердое «да», когда речь идет о делах, которые мы откладываем в долгий ящик уже долгое время, постоянно находя оправдания не начинать пока или начать завтра, на будущей неделе, после праздников и т.п., хотя решение принято давно... Способность преодолеть рутину, лень, прокрастинацию — это тоже проявление силы воли. И здесь тоже на помощь силе воли может прийти осознанность, в данном случае — знание механизмов прокрастинации. Одним из весьма любопытных моментов является то, что существует прямая зависимость важности дела, которое мы без конца откладываем, и степени запущенности прокрастинации. К такому парадоксальному выводу психологи пришли после обширного исследования группы людей с целью выявить внутренние составляющие механизма прокрастинации. Одна из наиболее примечательных публикаций, посвященных прокрастинации за последнее время, — это объемное мета-аналитическое исследование, проведенное Пирсом Стилом (Университет Калгари, Альберта) (Piers Steel, University of Calgary, Alberta) и опубликованное в Психологическом Бюллетене (*Psychological Bulletin*, 2007).

Пирс Стил является автором *Теории временной мотивации* (*Temporal Motivation Theory*). Кроме прочего, эта теория примечательна тем, что в ней выведена формула, призванная не только объяснить, но и в некоторой степени предсказать возникновение прокрастинации.

Каждый человек уверен, что он отдает предпочтение делам важным и нужным и стремится выполнять их в первую очередь; в крайнем случае, в порядке добровольного заблуждения, приписывает повышенную степень важности тому, что им уже выбрано. Однако

исследование выявило примечательные детали: то, что причиняет чересчур много беспокойства (а эта переменная состоит из двух факторов — субъективной чувствительности к этому беспокойству и уровня самого беспокойства), как раз и откладывается в «долгий ящик».

Стил вывел формулу, с помощью которой можно определить полезность действия (utility). Ее можно вывести с помощью следующих переменных: величина ожидания от действия (expectancy), умноженная на его ценность (value), уменьшается за счет величины чувствительности (G), умноженной на уровень беспокойства (delay). Таким образом, человек чаще всего выбирает то, что не только имеет хорошие шансы на успех, но и принесет приятные последствия для него в будущем, при этом не слишком его мучает в процессе выполнения. Следуя данной теории можно сделать и прогностические выводы: уровень прокрастинации того или иного дела зависит от силы ожиданий, от его ценности (субъективной и объективной), от чувствования (так, импульсивные люди более подвержены прокрастинации) и уровня беспокойства (чем ближе цель, тем тяжелее работать). И еще один момент — уровень беспокойства от цели, которая чрезвычайно важна, может оказаться настолько высоким, что именно самое важное дело и не будет сделано. Возможно, это объясняет порой непонятные для посторонних людей поступки, такие, как внезапный побег жениха или невесты со своей долгожданной свадьбы, «роковое» опоздание соискателя на важное собеседование, где его могли бы взять на работу его мечты, и т. п. Выходит, если ожидаемое событие для человека чрезмерно важно, вероятность того, что он все испортит — опозданием, неявкой на него или еще каким образом, значительно выше, нежели когда эта важность высока, но умеренно. Психика чувствительного человека от чрезмерного напряжения в какой-то момент попросту дает сбой, отказываясь участвовать в событии, которое должно вот-вот наступить.

Способы преодоления прокрастинации очень напоминают техники Self-help, но чересчур радикальная самооптимизация, побуждаемая самыми лучшими намерениями увеличить мотивацию, в итоге может загубить даже ту мотивацию, что была. Мы привык-

ли думать, что человек — существо разумное, однако наблюдение за его поведением зачастую заставляет усомниться в этом. Все попытки объяснить поведение отдельного человека биологической рациональностью, инстинктами, природными и эволюционными задачами разбиваются о факты, когда человек последовательно себя губит, отравляет, истощает до анорексии или, наоборот, раскармливает до невероятных размеров... В то же самое время человек может преодолевать невероятные трудности, исцелять себя, выживать в условиях, в которых любое другое животное погибло бы, достигать вершин духа...

Человеку дана свободная воля. И он может, в отличие от других живых существ, сам программировать себя и сам принимать решение, что ему делать, какие ставить перед собой цели и как их достигать. Всему этому надо учиться, изучать законы, согласно которым функционирует психика, учиться применять их на практике. Все это весьма непросто, однако усилия стоят того.

В поисках гармонии

Между тем вопрос, как имеющиеся психотехнологии могут помочь не только эффективно справляться с проблемами, но и стать счастливее и гармоничнее, остается актуальным. Стараясь слишком сильно, постоянно напрягая силу воли, можно утратить не только мотивацию к работе, но и к жизни в целом.

Уилл Сторр¹ считает, что само по себе осознание того, что общество пытается принудительно навязать вам неоправданно высокие и невыполнимые требования, может стать шагом к освобождению себя. Также он советует более внимательно выбирать проекты, чтобы они не только были интересные и значимые, но и соответствовали возможностям, дабы избежать выгорания и нервных срывов. Последнее звучит не слишком амбициозно и, пожалуй, даже чересчур скромно на фоне громких призывов *fortius-faster-higher*, однако осознание и принятие границ своих возможностей — действительно

---

¹ *Storr, У. Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет ((Will Storr. Selfie. How We Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us). Индивидуум публишинг. — 2019. — С. 472.*

важная составляющая адекватной саморефлексии и самооценки, о чем необходимо помнить каждому, кто желает достичь высот и в то же время не растерять по пути к достижению цели вкус к жизни.

Созвучна идеям Сторра также позиция Свена Бринкмана, чья книга *«Конец эпохи self-help: как перестать себя совершенствовать»*¹ вышла в 2014 году в Дании, а с 2017 года, после перевода ее на английский, стала всемирным бестселлером. Акцентируя внимание на ускоряющихся темпах сегодняшней жизни, он подчеркивает, что информационные и интернет-технологии разрушили границу между работой и личной жизнью: теперь мы вынуждены быть постоянно на связи и с каждым годом делать все больше разных дел. Чтобы поспеть за все ускоряющимся темпом жизни и возрастающими требованиями к количеству и скорости работы, современный человек пытается втиснуть как можно больше событий в отведенное ему короткое время на Земле, и в этой тенденции к торопливой жизни, в суете и постоянной спешке Бринкман видит признаки духовного кризиса. Любой бизнес-коуч скажет вам: если вы стоите на месте, пока другие (более успешные) движутся вперед, вы отстаете, а это равнозначно движению назад. Однако Бринкман советует именно спокойно постоять на месте, отказавшись от навязчивой идеи быть самым лучшим. Критикуя всем известные и уже изрядно надоевшие советы по самосовершенствованию, Бринкман даже главы своей книги *«Конец эпохи self-help»* сделал в виде ироничных антисоветов: например, «Сосредоточьтесь на негативе в своей жизни», «Подавите свои чувства» и т.п. Его книга помогает стоически принять несовершенную человеческую природу с ее слабостями, не пытаясь немедленно ее улучшить, однако при этом он много говорит о нравственности и таких моральных категориях, как честность, самообладание, достоинство, верность, преданность, подчеркивая, что для человека важно выполнять свой долг по отношению к другим и не заикливаться на своей красоте и социальном успехе, своем удовольствии или на навязчивых мыслях, развивает его это или нет. В то же время, несмотря на то

---

¹ Бринкман, С. Конец эпохи self-help. Как перестать себя совершенствовать (© Svend Brinkmann & Gyldendal, Copenhagen 2014). Альпина Пабlishер. — 2020. — С. 150.

что Свен Бринкман решительно противопоставил себя многоголосному хору профессиональных вдохновителей и торговцев позитивным мышлением и советами по самоулучшению, он вовсе не является проповедником скуки, уныния и упадка. Критикуя индустрию самоулучшения и психологической самопомощи, которая из полезной гуманистической идеи на наших глазах вырождается в бизнес с агрессивным маркетингом, в котором товаром становится обещание счастья и успеха (увы, чаще всего невыполнимое), он предлагает альтернативный путь к душевному благополучию, основанный на идеях древних стоиков. Его книга обладает способностью дать определенное утешение, так как читатель понимает, что другие люди вовсе не являются роботоподобными сияющими от счастья трудоголиками, с которыми себя стыдно сравнивать, они так же борются с ежедневной тревогой и разочарованиями и испытывают аналогичные нашему недовольство и беспокойство о своих недостатках. Несомненной ценностью становится именно чувство солидарности и единства с другими людьми, которые так же ранимы, уязвимы и потому — такие же живые, как мы. Он повторяет, что чрезвычайно важно то, как люди поступают с другими, пишет о нравственных категориях, таких как честность, самообладание, характер, достоинство, верность, преданность, обязательство, традиция, которые почти не затрагиваются в литературе по самосовершенствованию, и призывает нас прежде всего выполнять свой долг по отношению к другим.

Советы Бринкмана, отдающие необычным для сегодняшнего читателя книг по Self-help консерватизмом, годятся каждому, и их легко и приятно воплотить в жизнь, не перекраивая свою личность и мышление, так как он призывает нас вернуться к классике. Он советует отправиться на прогулку по лесу, подумать о просторах космоса, сходить в музей и полюбоваться на произведения искусства, не заботясь о том, сделает ли это вас лучше... А в итоге именно вдумчивое, внимательное и неторопливое проживание жизни в сочетании с бережным отношением к себе и другим, возможно, и есть именно то, что позволит нам сохранить нашу человечность и обратиться к главным ценностям бытия.

Заключение

На сегодняшний день человечество накопило огромное количество эффективных приемов, техник и советов в сфере Self-help и Self-improvement, основанных на реальных знаниях из области психологии, философии, этики и нейронаук. Растущая популярность практической психологии привела к тому, что количество книг, семинаров, обучающих программ по самоулучшению и саморазвитию с каждым годом становится еще обширнее и область эта постоянно меняется и динамично развивается. Эта тенденция говорит о том, что современный человек стал уделять внимание своему внутреннему миру, стремится не только к материальному и эмоциональному комфорту, но и к саморазвитию, так как «современный мир достиг такого уровня развития, что у нас появилось достаточно много времени, чтобы не просто выживать, но и пытаться построить для себя насыщенную, интересную и достаточно счастливую жизнь. Об этом мечтали люди на протяжении всей истории человечества, но только в нашу эпоху мы можем попытаться реализовать эту мечту. Однако раз за разом упираемся в укоренившуюся функциональность, которая проросла в культуру и давно уже стала частью отношения людей к себе и к другим»¹. Определенные изменения в социуме, развитии науки и наукоемких биомедицинских технологий повлияли на то, что в последние десятилетия гуманистическая идея самоулучшения трансформируется в более технологическую идею самооптимизации, которая в эпоху постоянного ускорения и оптимизации заняла большое место в жизни современного человека, превращаясь в моду, и в результате обещание счастья и успеха посредством психотехнологий становится товаром.

Повсеместное распространение Интернета и его вторжение во все области жизни человека, а также новейшие открытия в области нейронаук способствуют переносу фокуса внимания на более естественно-научный взгляд на психологию и мышление человека. Романтизм эпохи гуманистической психологии и веры во всеислие позитивного

---

¹ *Латыпов, И.* Между роботом и обезьяной. Искусство найти в себе человека. М. : Редкая птица. — 2021. — С. 3

мышления, который имел влияние в обществе еще до начала нулевых, уступает место отношению к человеку как инженерному проекту, и, похоже, эта тенденция будет сохраняться и далее.

Напоследок остается лишь высказать надежду, что человеческая жажда к познанию себя и самосовершенствованию окажется в балансе с саморефлексией и способностью к критическому анализу, и это на самом деле сделает нас лучше, в самом широком и гуманном смысле этого слова.

Литература и источники

1. *Берн, Р.* Тайна. ЭКСМО: 2015. — С. 296. ISBN 978-5-699-90406-8
2. *Бринкман, С.* Конец эпохи self-help. Как перестать себя совершенствовать (© Svend Brinkmann & Gyldendal, Copenhagen 2014). Альпина Паблишер. — 2020. — С. 150.
3. *Карр, Н. Дж.* ПУСТЫШКА. Что Интернет делает с нашими мозгами. М.: Издательство BestBusinessBooks. — 2012. — С. 256.
4. *Макгонигал, К.* Сила воли. Как развить и укрепить. ООО «ЛитРес», 2012. iBooks.
5. *Сторр, У.* Селфи. Почему мы зациклены на себе и как это на нас влияет (Will Storr. Selfie. How We Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us). Индивидуум паблишинг. — 2019. — С. 472.
6. *Феррис, Т.* Как работать по 4 часа в неделю и при этом не торчать в офисе «от звонка до звонка», жить где угодно и богатеть. 2020. М. : Хорошая книга. — С. 424.
7. *Феррис, Т.* Инструменты титанов. М. : Хорошая книга. — 2018. — С. 850.
8. *Феррис, Т.* Совершенное тело за 4 часа. Необычное практическое руководство, которое поможет быстро избавиться от лишнего веса, стать сильным и выносливым и наслаждаться жизнью. Хорошая книга. — 2013. — 576.
9. *Феррис, Т.* Шеф-повар за 4 часа. Простой способ научиться готовить как профессиональный повар, быстро обучаться чему угодно и наслаждаться жизнью. Хорошая книга. — 2015. — С. 648.

10. *Cederström, C., Spicer, A.* The Wellness Syndrome. Polity; 1st edition (February 23, 2015). — P. 200.

11. *Cederström, C., Spicer, A.* Desperately Seeking Self-Improvement: A Year Inside the Optimization Movement. November 2017 DOI: 10.2307/j.ctv62hfwn

12. *Ferriss, T.* The 4-Hour Workweek: Escape 9–5, Live Anywhere, and Join the New Rich' Crown. — 2007.

13. *Кови, С. Р.* Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности = The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic / Стивен Р. Кови. — М. : Альпина Паблишер. — 2012. — 374 с.

Экологический кризис в информационной среде: проблемы и пути решения

Е. В. Петрова

Ecological crisis in the information environment: problems and solutions

Ekaterina V. Petrova

Аннотация. Экологическая наука постоянно расширяет сферу своего применения, появились экология человека, социальная экология, экология культуры. Современная экология, особенно экология социальная, все чаще понимается не как частная научная дисциплина, а как своего рода всеобщий организующий принцип. Информационная среда рассматривается в экологическом плане как антропоэкосистема, новая среда обитания человека. Проблема взаимодействия человека с электронным миром становится одной из важнейших проблем человечества. В статье рассматривается применимость общеэкологических закономерностей к информационной среде.

Из-за все более остро проявляющейся проблемы информационного загрязнения мы можем говорить о глобальном информационно-экологическом кризисе. Его атрибуты — информационный мусор, информационное перенасыщение, манипулирование сознанием человека. Это порождает серьезные проблемы — нарушение памяти и внимания, «клиповое мышление», информационные перегрузки. Обилие информационного мусора рассеивает внимание, ослабляет память, способствует некритическому восприятию информации и в конечном итоге негативно влияет на ментальное и физическое здоровье. Развитие информационной экологии может способствовать выходу из этого кризиса. Борьба с информационными перегрузками, формирование целостного информационного мировоззрения связаны также с повышением уровня информационной культуры личности

Ключевые слова: экология человека, информационная экология, цифровая среда, информационно-коммуникационные технологии, законы экологии, информационное загрязнение.

Abstract: Ecological science is constantly expanding its scope of application, human ecology, social ecology, and cultural ecology have appeared. Modern ecology, especially social ecology, is increasingly understood not as a private scientific discipline, but as a kind of universal organizing principle. The information environment is considered in ecological terms as an anthropocosystem, a new human environment. The problem of human interaction with the electronic world is becoming one of the most important problems of mankind. The article considers the applicability of general ecological patterns to the information environment. Due to the increasingly acute problem of information pollution, we can talk about a global information and environmental crisis. Its attributes are information garbage, information oversaturation, manipulation of human consciousness. This creates serious problems — impaired memory and attention, “clip thinking”, information overload. The abundance of information garbage dissipates attention, weakens memory, promotes uncritical perception of information and, ultimately, negatively affects mental and physical health. The development of information ecology can contribute to overcoming this crisis. The fight against information overload, the formation of a holistic information worldview are also associated with an increase in the level of information culture of the individual.

Keywords: *human ecology, information ecology, digital environment, information and communication technologies, environmental laws, information pollution.*

Экология с момента своего возникновения занималась анализом взаимоотношений организмов с окружающей средой. Для классической биологической экологии это были животные, растения и микроорганизмы, в дальнейшем акцент сместился на человека, его взаимоотношения с внешней средой. Так появились социальная экология и экология человека. Современный человек живет в антропоэкосистеме или «социоэкосистеме» («система общество-природа»¹). Соответственно, изучением его взаимоотношений с преобразованной, изме-

---

¹ Гирусов, Э. В. Основы социальной экологии. М. : Изд-во РУДН. — 1998. — С. 13.

ненной средой занимается социальная экология, понятие о которой зародилось в 1920-х гг. в трудах представителей чикагской школы социологии Р. Парка и Э. Берджесса. Социальная экология первоначально занималась анализом «особенностей воздействия урбанизированной среды на человека и человеческие коллективы».¹

Необходимо отметить, что современная экология, особенно экология социальная, все чаще понимается не как частная научная дисциплина, а как своего рода всеобщий организующий принцип: «понятие «экологический» постепенно, медленно, но все же освобождается от биологического смысла, наполняется содержанием всей совокупности отношений человека к природным, культурным и социальным условиям среды. Социальная экология как наука о взаимодействии природных и социальных систем, включая познание всех уровней организации материи, обретает статус принципа при создании целостной картины современного мира, объединяя более частные (физическую, биологическую) картины мира. Экологический принцип участвует в экологизации науки, культуры, производства, выступает регулятором отношений общества и природы через экологизацию права, политики, искусства, нравственности».² Такой расширенный подход к экологии можно, вслед за Е. Н. Князевой, считать весьма эффективным междисциплинарным инструментом познания.³

Само понятие окружающей среды также менялось от изначально природной, «первозданной», не измененной человеком среды к среде, преобразованной человеком, искусственно созданной, урбанизированной. Человек давно уже преобразовывает природу своей деятельностью, научной мыслью, становясь, по мнению В. И. Вернадского, новой мощной геологической силой. «Разум все изменяет. Руководясь им, человек употребляет все вещество, окружающее его, — косное и живое — не только на построение своего тела, но также и на нужды

---

¹ Гирусов, Э. В. Основы социальной экологии. М. : Изд-во РУДН. — 1998. — С. 10.

² Глазачев, С. Н. Ноосферные идеи Вернадского и современное образование. Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Социально-экологические технологии. — 2012. — № 2. — С. 9–19, 15.

³ Князева, Е. Н. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). — 2019. — № 1. — С. 16–23.

своей общественной жизни. И это использование является уже большой геологической силой»¹. Природная среда уже давно не является средой нашего непосредственного обитания, но в последнее время появился принципиально новый тип созданной человеком среды — искусственная информационная среда. Причем, присутствие этой информационной среды в жизни человека настолько возросло, что требует выделения в отдельную подсистему.

Н. Ф. Реймерс выделял в окружающей среде четыре тесно переплетающихся между собой компонента-подсистемы: а) непосредственно природную среду, б) агротехническую среду — «вторую природу», в) искусственную среду — «третью природу», и г) социальную среду². Третья природа или артеприродная среда — это искусственный мир, порождение разума и технологий. Современный человек в большей степени обитатель именно третьей природы, а не естественной природной среды. Если пользоваться терминологией Реймерса, то цифровая среда — это некий гибрид третьей природы и социальной среды.

Я предлагаю немного другую «иерархию сред»: «если естественную, природную окружающую среду можно назвать окружающей средой первого порядка, а искусственно созданную человеком урбанизированную среду — средой второго порядка, то логично будет называть цифровую среду окружающей средой третьего порядка»³. Подчеркну, что речь идет именно об искусственно созданной информационной среде, которую все чаще называют цифровой средой. Это пространство Интернета, компьютерных игр, социальных сетей, взаимодействие с разного рода компьютерными программами, цифровой мир виртуальной реальности. Природную среду также можно в определенном смысле рассматривать как информационную, ведь она является источником информационных импульсов, поступающих в наш мозг через органы чувств. Информационной является даже

¹ Вернадский, В. И. Автотрофность человечества. Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс. — 1993. — С. 288–302.

² Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М. : Журнал «Россия Молодая». — 1994.

³ Петрова, Е. В. Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде // Вопросы философии. — 2020. — № 10. — С. 89–98, 94

внутренняя среда человеческого организма, т.к. мы получаем информационные импульсы от наших органов — жажда, голод, боль, удовольствие. Но в данной статье будет рассматриваться именно искусственно созданная информационная среда.

Современную искусственную информационную (цифровую) среду можно понимать как «совокупность информационных условий жизнедеятельности человека (наличие информационных ресурсов и их качество, степень развитости информационной инфраструктуры), а также экономических и социокультурных условий протекания процессов информатизации»¹.

Большое количество научной литературы посвящено анализу информационной среды с социально-экономических (типы общественного устройства — постиндустриальное и информационное общество) и культурологических (анализ информационной культуры) позиций.

Мне представляется интересным предложить новый подход к информационной среде — экологический, то есть рассмотреть ее как окружающую среду, новую среду обитания человека. Такой подход уже зарождается в работах некоторых исследователей (R. Heersmink², R. Capurro³, С. А. Дружилов, А. Л. Еремин и др.), но пока ему недостает системности и полноты: «экологические проблемы исследуются не системно, не интегрально, и, в частности, отсутствует учет весьма существенных качественных изменений информационной ситуации в мире. В этом контексте особый интерес представляет вопрос о характере влияния «информационного взрыва» на развитие глобальной ситуации вообще и экологию человека в частности»⁴.

---

¹ Петрова, Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФРАН, 2014. — С. 21

² Smart, P., Heersmink, R., Clowes, R. W. The Cognitive Ecology of the Internet // Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice (2nd ed.) / Ed. by S. Cowley., F. Vallée-Tourangeau. N.Y. : Springer, 2017. — P. 251–282.

³ Capurro R. Towards an Information Ecology // Irene Wormell (Ed.): Information and Quality. London: Taylor Graham, 1990. — P. 122–139.

⁴ Паришин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М. С. Уваров. Санкт-Петербург : Издательство БГТУ, 1996. — С.102

При рассмотрении информационной среды как новой окружающей человека среды на первый план выходит та же проблема, что и в «классической», природной окружающей среде. Эта проблема — экологический кризис. В общей экологии экологическим кризисом принято называть «нарушение равновесия между природными условиями и воздействием человека на окружающую природную среду»¹, одним из признаков которого является «увеличение влияния измененной людьми природы на общественное развитие»².

Какими же особенностями обладает экологический кризис применительно к информационной среде? Прежде всего, как и экологический кризис в природе, экологический кризис в информационной среде носит глобальный характер. Словосочетание «глобальный экологический кризис» давно уже стало привычным. Конечно, степень выраженности как природного, так и информационного экологического кризиса зависит от степени загрязненности среды, что зачастую коррелирует с уровнем экономического развития той или иной страны. Но, в целом, на определенных этапах развития схожие проблемы проявляют себя схожим образом, разница только во времени достижения того или иного этапа. Еще В.И. Вернадский в качестве одного из условий достижения ноосферы выделял «возможность мгновенной передачи мысли»³ по всему земному шару, т. е. своего рода планетарное информационное поле. И это планетарное информационное поле (Интернет) создано, но именно его всеобщность, планетарность, обуславливает и глобальность охватившего его кризиса.

Основной признак информационно-экологического кризиса совпадает с таковым для кризиса экологического. Это загрязнение окружающей среды (в данном случае — информационной). Изначально термин «информационное загрязнение» понимался вслед за его автором, датским специалистом в области IT-технологий, Якобом

---

¹ Маврицев, В. В. Общая экология. Курс лекций. Минск: Новое знание, 2007. — С. 189.

² Там же.

³ Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление. М., Наука, 1991. — С. 58

Нильсеном, как перенасыщенность информационной среды избыточной, дублирующейся и ошибочной информацией¹. В процессе активного развития информационно-коммуникационных технологий понятие было конкретизировано и в настоящее время под информационным загрязнением обычно понимают массив «дисгармоничной, хаотической, разрушительной информации, воздействующей на человека, преимущественно, через его зрение и слух»². С медико-психологической точки зрения, информационное загрязнение — это критический уровень информационной перегрузки, с которым не справляются наши адаптивные системы.

Человек постоянно имеет дело с информационным мусором в процессе своей повседневной трудовой и рекреационной деятельности, связанной с использованием информационно-коммуникационных технологий (работа на компьютере, поиск информации в Интернете, общение в соцсетях, взаимодействие с разного рода гаджетами). Под определение информационного мусора попадает спам в виде писем и звонков, вездесущая реклама, бесконечные информационные повторы, затрудняющие поиск и заставляющие непродуктивно тратить время. Качество предлагаемого информационно контента также остается под вопросом. Очень часто информация является непроверенной, неточной, поверхностной, ошибочной, а то и попросту ложной с целью получения выгоды и манипуляции нашим сознанием. Данная проблема настолько всеобъемлюща, что «за исключением довольно небольшой, избранной части населения, которая знает, что ей нужно, и потому может воспользоваться массовым потоком информации, большинство людей подсознательно попадают в информационную ловушку, становятся полностью отрегулированными и легко управляемыми»³.

---

¹ Нильсен, Я. Веб-дизайн. СПб. : Символ-Плюс, 2003.

² Дружилов, С. А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Современные наукоемкие технологии. 2013. — № 4. — С. 89–92.

³ Баландина, Е. А. Манипуляция сознанием человека в современной информационной среде // Ан С.А., Маркин В.В. Комплексный подход к изучению человека. Сб. трудов лаборатории «Философия образования» и кафедры философии БГПУ. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. — С. 27–31.

Возможности целенаправленной манипуляции сознанием человека в информационной среде весьма велики и постоянно совершенствуются, позволяя оказывать «непосредственное воздействие на подсознание человека, что дает возможность преобразования не только способа мышления, но и психического типа личности. Тем самым возникает реальная угроза управления сознанием, интеллектом в массовых масштабах. Очевидно, это создает особый экологический аспект, в перспективе весьма опасный»¹.

Информационное загрязнение чрезвычайно перегружает наш мозг, рассеивает внимание, ослабляет память, заставляет принимать неверные решения. «Подобные сообщения (*информационный мусор* — Е. П.) для систем, живущих информацией, это все равно, что конфета в красочной обертке для ребенка. Но в мире информационных катаклизмов иногда под красивой этикеткой якобы проверенного факта спрятан информационный яд, активизирующий программу самоуничтожения»². Неблагоприятная информационная среда способна разрушить психическое и физическое здоровье человека: из-за перегрузок, срывов адаптации возникают неврозы, которые могут впоследствии перерасти в серьезные психические (депрессия, нарушение личностной идентичности, слом психических защитных механизмов) и соматические патологии (заболевания нервной, сердечно-сосудистой систем, снижение иммунитета).

Можно считать уже доказанным, что цифровые информационно-коммуникационные технологии оказывают «растущее информационное давление»³ и существенное влияние на процесс мышления, они «способны целенаправленно формировать определенные

---

¹ Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М.С. Уваров. Издательство БГТУ, 1996. — С. 106

² Расторгуев, С. П. Философия информационной войны. М., Вузовская книга, МПСИ. 2003. — С. 177

³ Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М. С. Уваров. Издательство БГТУ, 1996. — С. 104

механизмы мыслительной деятельности»¹. По мнению Николаса Карра, длительное взаимодействие с цифровой средой существенно трансформирует мышление, лишая нас способности «концентрироваться и созерцать» и провоцируя «хроническую умственную несобранность». Карр считает, что на смену привычному ранее «линейному» типу мышления приходит новый — «сетевой», который еще называют «клиповым мышлением»². Человек теряет способность длительно сосредотачиваться на изучении объемных сложных текстов, информацию он усваивает в виде коротких отрывков, частично представленных в буквенном виде, частично — в звуковом (этим объясняется сильно возросшая популярность аудиокниг), частично — в виде картинок или коротких видео. Данный процесс хорошо иллюстрирует эволюция соцсетей — от «Живого Журнала» с преимущественно объемным текстовым контентом через смешанный контент Фейсбука и текстовый, но очень короткий формат Твиттера к ТикТоку с его форматом коротких видео. Мозг человека весьма пластичен и взаимодействие с цифровой средой вызывает адаптацию на биологическом уровне: доминирующий тип потребляемой информации способствует формированию новых нейронных связей. Некоторые исследователи считают, что ничего страшного не происходит: просто новый тип мышления приходит на смену старому. Но «клиповое мышление», лишая нас возможности воспринимать объемные тексты, обедняет наше мировоззрение, ухудшает память и снижает возможности логического мышления, ведь нам больше не нужно запоминать информацию из начала или середины текста и выстраивать логические связи между его разделами. Кроме того, оно открывает новые возможности манипулирования нашим сознанием и поведением: «чем быстрее мы перемещаемся по Сети,

---

¹ Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М. С. Уваров. Издательство БГТУ, 1996. — С. 104

² Carr, N. If Google Make Us Stupid? // The Atlantic. July/August 2008. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (дата обращения 19.11.2021)

чем больше ссылок мы нажимаем и больше страниц просматриваем — тем больше возможностей у Google и других компаний для сбора информации о нас и предоставления нам рекламы»¹.

Идея о том, что прогресс разного рода умений и технологий лишает человечество чего-либо существенного, далеко не нова. Еще Платон в диалоге «Федр» вложил в уста Сократа опасения, связанные с развитием письменности: «В души научившихся им (*письменам* — *Е. П.*) они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых»². Схожей была в свое время ситуация с развитием книгопечатания, приведшим к упадку каллиграфии, которая, согласно выводам нейрофизиолога С.В. Савельева³, способствует образованию в мозгу, особенно детском, особого рода нейронных связей, не возникающих ни при какой другой деятельности. Эти же нейронные связи ответственны за повышение внимания. С. В. Савельев также подчеркивает: «К сожалению, те дети, которые все время увлечены компьютером, так и останутся на минимуме нейрональной дифференцировки, и последствия этого очень печальные»⁴.

Клиповое мышление может способствовать ослаблению чувства сопереживания, сострадания. Андрей Кураев проводит глубокий анализ в связи с трагедией с обрушением «Трансвааль-парка» в 2004 году и открытием на его месте нового аквапарка «Мореон» в 2013 г. «...Но тот человек, который идет сознательно развлекаться и берет с

---

¹ Carr, N. If Google Make Us Stupid? // The Atlantic. July/August 2008. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (дата обращения 19.11.2021)

² Платон. Федр // Собр. соч. в 4-х томах. Пер. А. Н. Егунова. Т. 2. М.: Мысль, 1993. — С. 275

³ Савельев, С. В. Каллиграфия и мозг. Лекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SCtW0dMiEsM>. (дата обращения 18.11.2021)

⁴ Там же.

собой детей для развлечения на место, политое человеческой кровью, конечно, тем самым демонстрирует, что с его совестным чувством что-то не так. Я думаю, что это люди, которые воспитаны в клиповом мышлении. Это мышление сиюминутного восприятия, то есть даже не мышление, а минутная реакция. Вот идут сводки новостей, одна с другой не связаны. Идет концерт, один номер с другим не связан. Вослед рекламные ролики — один с другим не связан. ... Человеку на осмысление какой-то ситуации дается две-три минуты, не более того. ... Другая информация ждет своей очереди, чтобы влиться в тебя и протечь через твои мозги. Это клиповое мышление в итоге мешает человеку быть целостным»¹. Даже если считать такого рода трансформации неизбежной платой за прогресс, изменение моральных установок выглядит серьезным и пугающим.

Возвращаясь к проблеме информационного мусора, необходимо отметить, что его обилие при поиске информации, особенно учебной, негативно воздействует на внимание и память, способствует некритическому восприятию информации и в конечном итоге, сильно снижает качество обучения и, наряду с другими причинами, порождает кризис в образовании. Особенно остро данная проблема стоит в связи с массовым переходом к дистанционному, онлайн-обучению, вызванному пандемией и локдаунами. По сути, школьник и студент, оставшись без очного контроля преподавателя, в поиске учебной информации для подготовки к занятиям, выполнения домашних заданий и разного рода проектов и презентаций, остается один на один с Интернет-контентом. В силу недостаточной развитости критического мышления и невысокого уровня информационной культуры личности он идет по самому простому пути — пользуется первой попавшейся информацией, не особо заботясь о ее релевантности, качестве и достоверности.

Говоря об экологическом кризисе в информационной среде, нельзя не затронуть проблему энергетического воздействия носителей информации на живой организм. Излучение, исходящее от вышек мо-

---

¹ Кураев, А. В. Заложники клипового мышления // Российская газета. Федеральный выпуск № 3474. URL: <http://www.rg.ru/2004/05/13/Kuraev.html> (дата обращения: 18.11.2021)

бильной связи, wi-fi роутеров и разного рода гаджетов воздействует на нервную, иммунную систему и организм человека в целом. Спектр возможных последствий для здоровья еще не до конца изучен, но некоторые негативные аспекты уже очевидны, причем с ростом числа источников воздействия и их мощности будет увеличиваться и причиняемый вред с экологической точки зрения.

На первый взгляд кажется, что для решения вышеизложенных проблем достаточно набора простых рекомендаций, но при более тщательном анализе проблема взаимодействия человека и информационно-коммуникационной среды оказывается настолько многоаспектной и всеобъемлющей, что для ее решения необходим целостный, системный научно — философский подход, возможно даже создание новой научной дисциплины. От успешности решения этой задачи зависит физическое и психическое здоровье человека, его бытие в социуме, и, в конечном итоге, нормальное существование вида *Homo Sapiens* на Земле.

Один из законов социальной экологии, по Н. Ф. Реймерсу, гласит: «общество развивается до тех пор и постольку, поскольку сохраняет равновесие между своим давлением на среду и восстановлением этой среды — природно-естественным и искусственным»¹. Поскольку искусственно созданную информационную среду можно считать новой окружающей человека средой, этот закон Реймерса можно распространить и на нее. Цифровая среда — полностью искусственно созданная среда и законы саморегуляции в ней, в отличие от природной среды, отсутствуют, значит поддержание баланса и восстановление этой среды — дело человека. И оно требует «значительных материальных, трудовых и денежных ресурсов»². Реймерс видит спасение для человечества в переходе к ноосфере, понимаемой им не утопично, а как управление людьми «не природой, а прежде всего собой»³.

Еще четверть века тому назад Н. Ф. Реймерс писал: «наблюдалось увлечение вычислительной техникой, выходящее за рамки трезвого

---

¹ Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М. : Журнал «Россия Молодая», 1994. — С. 147

² Там же.

³ Там же.

ее использования. Это особенно ярко проявлялось в нашей стране, внедряющей ЭВМ вне реальных систем коммуникации. Не имея и не создавая сетей, не понимая стратегии развития, добиться эффективного использования компьютеров невозможно. В то же время появились «компьютерные» болезни переутомления». Возникшие со временем «сети», то есть Интернет с его внутренними подсистемами (чатами, сайтами, соцсетями,) только усилили проблему «компьютерного переутомления»¹.

Опасность информационных перегрузок для человеческого мозга связана еще и с тем, что усталость и истощение нервной системы, в отличие от физической усталости, не всегда легко распознаются. Физическая усталость проявляется на соматическом плане и в какой-то момент организм оказывается просто неспособным выполнять ту или иную работу. Усталость нервной системы может маскироваться под перевозбуждение, разного рода зависимости (от алкоголя, табака, сахара, кофеина). Соответственно человек не сразу ее распознает и принимает меры, что может привести к серьезному истощению нервной системы и нарушению функционирования мозга. Следовательно, «информационные нагрузки требуют разработки эффективных средств контроля и регулировки, причем более строгих, чем при физических нагрузках, поскольку природа не сталкивалась доселе со столь мощным уровнем информационного давления и не выработала действенных механизмов контроля и защиты»².

Интересно, что Н. Ф. Реймерс при анализе социально-психологических потребностей человека, акцентировал внимание на равномерности «информационно-познавательной среды (без информационных перегрузок и информационного «вакуума»)»³. Недостаток информации так же вреден, как и ее переизбыток: «недостаточная

¹ Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. — С. 227

² Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М. С. Уваров. Санкт-Петербург: Издательство БГТУ, 1996. — С. 105.

³ Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. — С. 289

загруженность информационной деятельностью также отрицательно сказывается на здоровье человека. Средняя продолжительность жизни у людей, занятых интенсивным интеллектуальным трудом, превышает этот же показатель не занятых таким трудом, но живущих в тех же социальных условиях»¹. Таким образом, степень информационной нагрузки — один из основных факторов здоровья, наряду с занятиями спортом и правильным питанием. Крайняя форма «информационного голода» — сенсорная депривация — вызывает серьезные психические проблемы, вплоть до галлюцинаций.

Как же существовать дальше и успешно адаптироваться человеку и человечеству в агрессивном цифровом мире? Повернуть процесс вспять, отказавшись от достижений цивилизации в виде информационно-коммуникационных технологий? Вряд ли это возможно, да и цифровые технологии предоставляют человеку массу новых ценных возможностей. Значит, нужно научиться так взаимодействовать с ними, чтобы взять от них максимум пользы, минимизировав негативное влияние. Для этого прежде всего нужно комплексное, системное, научно-философское осмысление сложившейся ситуации.

Информационную экологию, не так давно начавшую свое формирование как наука, можно считать одним из подразделов социальной экологии или экологии человека. Информационная экология занимается анализом «проблем и особенностей воздействия информации на становление и функционирование человека и общества, на индивидуальные и общественные взаимоотношения с окружающей информационной средой, а также межличностные и межгрупповые информационные взаимодействия»².

---

¹ Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М. С. Уваров. Санкт-Петербург: Издательство БГТУ, 1996. — С. 107.

² Парахонский, А. П., Еремин, А. Л. Проблемы информационной экологии в ноосфере // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. — № 7. — С. 8.

Эффективная адаптация человека в цифровом мире зависит от множества факторов. Это изначально хорошее физическое и психическое здоровье, устойчивая психика, целостное мировоззрение, высокий уровень культуры личности. Многое зависит от коммуникативных способностей человека, его психологической гибкости, готовности человека адаптироваться к новым условиям. С этим часто бывают проблемы у людей старшей возрастной группы. Дети и подростки, наоборот, казалось бы, чувствуют себя в цифровом мире «как рыба в воде». Но эта кажущаяся легкость обманчива, несформировавшаяся детскую психику поджидает масса опасностей, например очень легко возникает «цифровая зависимость», психологи говорят даже о «цифровом аутизме», то есть неспособности «сочувствовать, понимать, входить в положение, слышать аргументы»¹. Такая особенность характерна для психически здорового, но постоянно пребывающего «онлайн» человека.

Целостное, устойчивое, полностью сформировавшееся мировоззрение человека способствует его успешной адаптации к социуму и к окружающему миру в целом. А от успешной адаптации зависит и здоровье, как физическое, так и ментальное. Для формирования целостного мировоззрения, способствующего развитию личности, человек должен знать и понимать основные закономерности и процессы, происходящие в окружающем мире, в том числе и в информационной среде, раз уж она стала для нас новой окружающей средой. Важнейшим условием формирования такого мировоззрения является хорошее образование и высокий культурный уровень: «процессы адаптации человека к современному информационному обществу имеют преимущественно не биологический, а социальный характер, и осуществляются через построение культурной, наиндивидуальной системы адаптации»².

¹ Принуждение к счастью. Интервью с психотерапевтом Андреем Курпатовым // Новая газета. № 79. 21 июля 2021 г. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/12/prinuzhdenie-k-schastiu?utm_source=fb&utm_medium=novaya&utm_campaign=my-obschaemysya-v-sotsialnyh-setyah-s-sobst. (дата обращения 18.11.2021).

² Тимошенко, Т. В. Адаптация человека к современной информационной среде // Известия ЮФУ. Технические науки, 2012. № 11 (136). — С. 155–159, 158.

В работах таких исследователей, как С. Г. Антонова, Т. В. Тимошенко, Л. В. Нестерова, К. К. Колин, стало формироваться понятие «информационное мировоззрение», которое «учитывает роль информационных процессов в научном и социальном прогрессе, переосмысливает значимость информации, информационных процессов и информационных технологий в жизни человека и общества»¹.

Борьба с информационными перегрузками, формирование целостного информационного мировоззрения связаны с повышением уровня информационной культуры личности. Человек должен контролировать процесс своего взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями, используя предоставляемые ими возможности, но не позволяя гаджетам себя поработить. Я. Нильсен призывает: «Пора запретить компьютеру решать, как распорядиться вашим временем. Время — это невозполнимый ресурс»².

О том, насколько существенно взаимодействие с цифровой средой трансформирует природу человека, свидетельствует появление термина «e-homo» (электронный человек). Но является ли электронный человек человеком в привычном смысле этого слова или это «пост-человек», «транс-человек»? Академик В. А. Лекторский считает проблемы взаимодействия человека с электронным миром чрезвычайно важными, «гораздо важнее всех остальных» и сравнимыми с тем, как «вообще возник человек, с процессом антропогенеза». Нельзя не согласиться с В.А. Лекторским в том, что, если человек не найдет пути решения этих проблем, он попросту «перестанет быть человеком»³.

Литература и источники

1. *Carirro, R.* Towards an Information Ecology // Irene Wormell (Ed.): *Information and Quality*. London: Taylor Graham, 1990. — P. 122–139.

---

¹ Тимошенко, Т. В. Адаптация человека к современной информационной среде // Известия ЮФУ. Технические науки, 2012. № 11 (136). — С. 159.

² Цит. по Дакина, Ю. А. Загрязнение информационной среды // Вебпланета. Журнал для подключенных. URL: http://webplanet.ru/news/focus/2003/10/14/web_guru.html (дата обращения 17.11.2021.)

³ Лекторский, В. А. Человек в электронном мире: возможности и опасности // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1. URL: <https://polylogosjournal.ru/s258770110000036-1-1/> (дата обращения: 17.11.2021).

2. Carr, N. If Google Make Us Stupid? // The Atlantic. July/August 2008. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/>

3. Smart, P., Heersmink, R., Clowes, R. W. The Cognitive Ecology of the Internet // Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice (2nd ed.) / Ed. by S. Cowley., F. Vallée-Tourangeau. N.Y. : Springer, 2017. — P. 251–282.

4. Баландина, Е. А. Манипуляция сознанием человека в современной информационной среде // Ан С. А., Маркин В. В. Комплексный подход к изучению человека. Сб. трудов лаборатории «Философия образования» и кафедры философии БГПУ. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. — С. 27–31.

5. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества. Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. — С. 288–302.

6. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление. М., Наука, 1991.

7. Гиусов, Э. В. Основы социальной экологии. М. : Изд-во РУДН, 1998.

8. Глазачев, С. Н. Ноосферные идеи Вернадского и современное образование. Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Социально-экологические технологии, 2012. № 2. — С. 9–19.

9. Дакина, Ю. А. Загрязнение информационной среды // Вебпланета. Журнал для подключенных. URL: http://webplanet.ru/news/focus/2003/10/14/web_guru.html

10. Дружилов, С. А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Современные наукоемкие технологии, 2013. № 4. — С. 89–92.

11. Князева, Е. Н. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция), 2019. № 1. — С. 16–23.

12. Кураев, А. В. Заложники клипового мышления // Российская газета. Федеральный выпуск № 3474. URL: <http://www.rg.ru/2004/05/13/Kuraev.html>

13. *Лекторский, В. А.* Человек в электронном мире: возможности и опасности // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1. URL: <https://polylogosjournal.ru/s258770110000036-1-1/>
14. *Маврищев, В. В.* Общая экология. Курс лекций. Минск: Новое знание, 2007.
15. *Нильсен, Я.* Веб-дизайн. СПб. : Символ-Плюс, 2003.
16. *Парахонский, А. П., Еремин, А. Л.* Проблемы информационной экологии в ноосфере // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 7. — С. 8.
17. *Паршин, С. А., Ахлибининский, Б. В.* Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. Отв. ред. М.С. Уваров. Издательство БГТУ, 1996. — С. 102–108
18. *Петрова, Е. В.* Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде // Вопросы философии. 2020. № 10. — С. 89–98.
19. *Петрова, Е. В.* Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М. : ИФРАН, 2014.
20. Платон. Федр // Собр. соч. в 4-х томах. Пер. А.Н. Егунова Том 2. М. : Мысль, 1993.
21. Принуждение к счастью. Интервью с психотерапевтом Андреем Курпатовым // Новая газета. № 79. 21 июля 2021 г. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/12/prinuzhdenie-k-schastiu?utm_source=fb&utm_medium=novaya&utm_campaign=-my-obschaemsya-v-sotsialnyh-setyah-s-sobst.
22. *Расторгуев, С. П.* Философия информационной войны. М. : Вузовская книга, МПСИ. 2003.
23. *Реймерс, Н. Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М. : Журнал «Россия Молодая», 1994.
24. *Савельев, С. В.* Каллиграфия и мозг. Лекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SCtW0dMiEsM>.
25. *Тимошенко, Т. В.* Адаптация человека к современной информационной среде // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 11 (136). — С. 155–159.

Тело суицидента и современные death studies

А. В. Антипов

Suicide body and contemporary death studies

Aleksei V. Antipov

Аннотация. Представления о смерти неоднородны, а причины смерти могут влиять на восприятие мертвого тела. В статье выделяются три способа взаимодействия изучения смерти и изучения самоубийства. Death studies сформировалась как область, в которой анализируются способы отношения к смерти и взаимодействия с ней, поскольку смерть становится тем, с чем можно проводить исследования. Осознанный выбор, который совершается в рамках такого поля смерти, выступает первым связующим элементом между death studies и философской суицидологией. Кратко обозначая воздействие на тело суицидента в истории (издевательства над мертвым телом и бесчестное погребение), рассматриваются функциональные характеристики такого воздействия. С одной стороны, они состоят в превентивном воздействии на потенциальных самоубийц. С другой — возвращают телу его символичность.

В контексте второго способа взаимодействия и переплетения суицидологии и death studies выделяются три линии рассуждений о теле суицидента: первая линия выстраивает отношение к самоубийце и его телу на основании общих представлений о мертвых телах (трупах); вторая линия обозначает представления самоубийцы о своем теле в модусе избавления от него; третья линия заключается во влиянии совершенного самоубийства (и тела как подтверждения самоубийства) на ближайшее окружение самоубийцы. Третий способ рассматривает вписанность самоубийства в общий танатопатический контекст современности.

Ключевые слова: death studies, самоубийство, мертвое тело, танатопатия, суицидология.

Abstract. Notions of death are heterogeneous, and the causes of death can affect the perception of a dead body. In the article there are three ways of interaction of studying death and studying suicide. Death studies was formed as a field of analysis of methods of attitude to death and interaction with it, as death becomes that field in which it is possible to conduct researches. The conscious choice is made within the framework of such field of death and it is the first connecting element between death studies and philosophical suicidology. Briefly indicating the impact on the body of the suicidal person in history (mockery of the dead body and dishonest burial), we consider the functional characteristics of such impact. On the one hand, they consist in preventive effects on potential suicides. On the other hand, they return the body to its symbolism.

In the context of the second way of interaction and intertwining suicide and death studies, we distinguish three lines of reasoning about the suicidal body: the first line builds an attitude towards the suicidal and his body based on general notions of dead bodies (corpses); the second line denotes the suicidal's notions about his body in the modus of getting rid of it; the third line is the influence of the completed suicide (and the body as proof of suicide) on the nearest social environment of the suicidal. The third way is to consider the fitness of suicide in the general thanatopathic context of modern times.

Keywords: death studies, suicide, dead body, thanatopathy, suicidology.

III. Бодлер в тексте под названием «Веревка», адресованном Э. Манэ, рассказывает следующий случай: Бодлер взял к себе в помощники мальчика, который должен был служить ему натурщиком и выполнять мелкие поручения, но, после одной из размолвок, этот мальчик повесился на створке шкафа. Мать мальчика захотела взять себе гвоздь и веревку, а после Бодлер получил множество писем от жильцов дома, в которых содержались просьбы получить кусок веревки, на которой повесился тот мальчик¹. Самоубийство в данном

¹ Бодлер, III. Веревка // Моховиков А. Н. Суицидология: Прошлое и настоящее [...] М.: Когито-центр, 2013. — С. 485–489.

случае предстает, с одной стороны, трагическим событием, а с другой — символом и источником выгоды.

Самоубийство может рассматриваться с разных позиций, проявляя себя как событие окончания индивидуальной и уникальной жизни, так и как масштабное явление, характеризующее состояние общества, как указывает П. Сорокин, «чем культурнее и цивилизованнее народ — тем в среднем больше самоубийств происходит в его среде»¹. В рамках данного исследования, посвященного восприятию тела самоубийцы и его анализу, самоубийство полагается именно как событие индивидуальное, имеющее значение в контексте межличностных отношений. В то же время проблема самоубийства как социального явления приобретает свою значимость при увеличении масштаба анализа, и становится важным в форме исследования состояния общественного здоровья и глобальных процессов развития человечества.

В рамках способа рассмотрения самоубийства как индивидуального явления также могут быть выделены различные методы анализа. Например, для «господствующей суицидологии самоубийство стало пониматься как статичное, индивидуальное и узнаваемое явление, тесно связанное с психопатологией и индивидуальными факторами риска»². В данном случае имеется в виду научная суицидология, наиболее приближенная к медицине и психиатрии, но при этом ее основной чертой остается междисциплинарность: «Суицидология сегодня — это интенсивно развивающаяся область теоретических и практических знаний, использующая достижения многих научных дисциплин и активно взаимодействующая с ними (психиатрией, психологией, юриспруденцией, социологией и другими науками)»³. Другим аспектом современной суицидологии выступает так называемый культурный поворот, который «переориентировал внимание на важность понимания культурного контекста, в котором осущест-

¹ Сорокин, П. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. — С. 111.

² White, J. What can critical suicidology do? // Death Studies. Vol. 41, iss. 8. 2017. DOI: 10.1080/07481187.2017.1332901 P. 472.

³ Ефремов, В. С. Основы суицидологии. СПб. : «Издательство «Диалект», 2004. — С. 17.

вляется суицидальное поведение, и подчеркнул вклад, который качественные методы исследования могут внести в продвижение целей профилактики самоубийств»¹. Понимание того, каким образом и почему именно так воспринимается тело самоубийцы, становится возможным только при объяснении культурно контекста и традиции, в котором было совершено самоубийство.

В суицидологии понимание суицида и суицидального поведения осложнено тем, что к совершению самоубийства всегда приводит сложноустроенный комплекс причин, а «самоубийство представляет собой конечный исход совокупности различных обстоятельств, взаимозависимых факторов, а не отдельной причины [...]»². Данное обстоятельство затрудняет не только понимание самоубийства в сфере социально-гуманитарного знания, но и в клинической суицидологии, потому что отсутствие единой признаваемой причины затрудняет диагностику и методы вмешательства и предотвращения, а также не позволяет дать полноценного исчерпывающего ответа на вопрос, почему человек убивает себя. В попытке объяснения выделяются различные способы объяснения суицида, такие как психодинамические, социокультурные и биологические точки зрения.

Но клиническая суицидология обладает одним важным преимуществом в исследовании суицида, которое подчас недоступно (или затруднено) представителям других наук и областей знаний. Это преимущество состоит в исследовании самих самоубийц, а не информации о них в виде статистических отчетов или сообщений в СМИ. Но оно связано с еще одним затруднением суицидологии. Непосредственное изучение суицидентов по самой своей природе или сильно ограничено, или невозможно. Поскольку суицидентом является тот, кто уже совершил самоубийство, а потому мертв. Для решения этого затруднения формируется два метода изучения: психологическая

---

¹ Bantjes, J., Swartz, L. The cultural turn in critical suicidology: What can we claim and what do we know? // *Death Studies*. Vol. 41, iss. 8. 2017. DOI: 10.1080/07481187.2017.1333355 P. 512.

² Хэвенс, Л. Анатомия самоубийства / Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных ученых. 1912–1993. Пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2018. — С. 152.

аутопсия и изучение оставшихся в живых¹. Первым является психологическая аутопсия (ретроспективный анализ), согласно которому исследователь изучает прошлое самоубийцы по оставшимся следам (предсмертным запискам, показаниям психотерапевта, воспоминаниям близких и т. д.). Так может быть получена информация, позволяющая ответить на вопросы о причинах самоубийства в данном конкретном случае. Но указанный метод ограничен как отсутствием предсмертных записок во многих случаях, так и низким уровнем достоверности воспоминаний других людей о самоубийце. Второй метод основывается на изучении людей, которые остались в живых после совершения самоубийства. Он более репрезентативен и позволяет взаимодействовать с непосредственными суицидентами. Этот метод не лишен недостатков, поскольку выжившие после совершения самоубийства могут не совпадать с теми, кто самоубийство закончил, но дает важное преимущество: позволяет анализировать состояние и образ мыслей тех, кто пытался самостоятельно окончить свою жизнь.

Однако объяснение взаимодействия с телом самоубийцы — не прямая задача суицидологии. Вырабатываемое ею знание скорее направлено на превенцию (предотвращение), интервенцию (кризисное вмешательство) и поственцию (реабилитация выжившего после попытки самоубийства и недопущение повторного случая), т. е. на формирование комплекса теоретических знаний и практических способов воздействия на (потенциального) самоубийцу. Анализом практик отношения к смерти, ее восприятия и взаимодействие с умершим занимаются *death studies*, возникающие не в последнюю очередь благодаря тому, что смерть «стала тем, с чем можно работать, не разовым событием, а полем, в котором можно совершать осознанные выборы и действия»². Именно возможность совершения выбора в определении границ своего существования служит отличительной чертой суицида, а философия выступает здесь в качестве одной из наибо-

---

¹ Комер, Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. — С. 253.

² Литинская, Д. Г. Смерть и самоубийство как индивидуальный проект в современном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 10, 2015. — С. 137.

лее важных дисциплин, позволяющих анализировать смерть, что возможно на основании «глубокой связанности философии и смерти, за которой стоит невозможность адекватно осмыслить смерть, не обратившись к философии»¹. И в то же время философия, и отдельная ее часть, с одной стороны, понятая как «философия суицида (как фундаментальное познание самоубийства в его сути) предшествует научной суицидологии; суицидология вообще и философская суицидология в частности, могут быть построены на гносеологических основаниях»². С другой стороны, важное значение имеет этическое измерение суицида, которое направлено на выработку способа воздействия на суицидента прежде всего с позиций таких моральных категорий, как свобода и ответственность.

Символичность тела самоубийцы

Как указывает А. Буллер, «[все] интерпретации смерти, все они сходятся в одном пункте — смерть есть прекращение жизнедеятельности организма, т. е. конец человеческого тела»³. На протяжении истории складываются различные карательные способы воздействия на тело самоубийцы. Платон в «Законах» указывает на необходимость позорных похорон для самоубийцы: «Погребать самоубийц надо прежде всего в одиночестве, а не вместе с другими людьми. Далее, столь бесславных людей надо хоронить на пустырях, не имеющих имени, на границах двенадцати частей государства, не отмечая при этом места их погребения ни надгробными плитами, ни надписями»⁴. Трегубов Л. З. и Вагин Ю. Р. указывают, что средневековое светское законодательство жестоко преследовало самоубийц: «[...] труп [мужчины], протаскив по улице на вилах, вешали, а труп женщины сжигали», «[...] тело вытаскивали из дома

¹ *Варава, В. В.* Философская танатология или просто философия? // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 4. 2013. — С. 42.

² *Любов, Е. Б., Зотов, П. Б., Кушнарев, В. М.* История развития суицидологии в России // Суицидология. № 3, 2017. — С. 38.

³ *Буллер, А.* Тема смерти в философии, истории и литературе / А. Буллер. СПб. : Алетейя, 2019. — С. 149.

⁴ Платон. Законы. Книга девятая / Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1993. — С. 330.

веревками через отверстие, проделанное под дверью», «средневековое законодательство Европы изобрело даже особое позорное наказание для самоубийц — предание земле трупа самоубийцы вместе с падалью»¹. Христианство отказывает самоубийце в достойном погребении и служит скорее карательным органом, хотя «современная суицидология рассматривает религиозную веру как защитный фактор против суицидального поведения»². Вслед за ним некоторые государства вносят в свои кодексы наказания за совершение самоубийства: например, Воинский Артикул и Морской устав Петра I в России, предусматривавшие «бесчестное» (в месте, отличном от традиционного и «волоча прежде по улицам или обозу») погребение, повешение трупа вверх ногами. В дальнейшем эта практика обростаёт и юридическим наказанием: при Екатерине II отказывается в признании духовного завещания³.

Такое отношение и воздействие на тело самоубийцы нередко наделяется превентивной функцией. Л. З. Трегубов и Ю. Р. Вагин связывают эту функцию с эстетическими чувствами: «мы можем наглядно убедиться, что воздействие на эстетические чувства на протяжении многих веков служило одним из основных и при этом самых действенных способов предупреждения самоубийств. Для этого использовались, в первую очередь, самые разнообразные способы надругательства над телом самоубийцы: от простого вывешивания его на всеобщее обозрение в голом или перевернутом виде, до самых ужасных обезображивающих мероприятий»⁴. Однако можно ли однозначно говорить о том, что надругательства над телом человека, самостоятельно отказавшегося от жизни, носят лишь функцию предупреждения новых самоубийств?

¹ Трегубов, Л. З., Вагин, Ю. Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. — С. 116–117.

² Пашковский, В. Э., Шамрей, В. К. и др. Суицидальное поведение и религиозность // Суицидология. № 3, 2015. — С. 30.

³ См.: Алехин, В. П., Голикова, Е. Б. История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. № 10, 2018. — С. 46–48; Хатуев, В. Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. № 11, 2019. — С. 81–95.

⁴ Трегубов, Л. З., Вагин, Ю. Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. — С. 119.

«По мнению М. Фуко, конец отношения к телу как к символической сакральной целостности был положен практикой “карательной анатомии”, что привело к пониманию человека как мануфактуры органов, сердца — как машины, а трупа — как отдельной вещи, выпавшей из системы родовых связей»¹. Однако тело, когда разговор заходит о самоубийстве, выступает не просто как потерявшая свое значение и функцию вещь, организм, не способный более выполнять своих обязанностей и практик, но мертвое тело самоубийцы возвращает свою символичность. В данном случае можно предположить, что символичность проступает в отказе от мира, в котором находился самоубийца, и общества, частью которого он был. Ускользая из отношений власти и подчинения, самоубийца отвергает и нарушает предложенный ему порядок распределения власти, поэтому он подвергается наказанию со стороны государства. Государство (и общество), выступая в роли суверена, обладающего «правом заставить умереть или сохранить жизнь»², не может отпустить того, кто добровольно отринул его блага.

Death studies и медиализация самоубийства

Феномен смерти выступает чрезвычайно сложным для определения, более того, различные культуры формирует различные способы представления и осознания смерти. «Смерть роднит человека с животным миром. Сознание смерти отделяет от него. Формы этого сознания настолько разнятся во времени и пространстве, что становятся дифференцирующим признаком культур и оказываются предметом исследовательского интереса. Так возникают death studies»³. Как указывает С. Мохов, исследования смерти, выраженные в попытках понять способ формирования различных представлений о смерти,

¹ Кетова, Т. Н. Телесность как произведение искусства в эпоху антропологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4, 2013. — С. 91.

² Фуко, М. Право на смерть и власть над жизнью / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., Касталь, 1996. — С. 239.

³ Еремеева, С. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. № 1, 2015. — С. 35.

формируются в виде трех основных подходов: «французскую социологическую школу (Э. Дюркгейм, Р. Герц), британский функционализм (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун) и подход, который в англоязычной литературе обозначается как подход «обрядов перехода» (А. ван Геннеп)¹. Э. Дюркгейм в рамках французской антропологической школы утверждает, что «религиозные представления зависят от социальных факторов, а не от страха и воображения отдельных ее членов»². Для Р. Герца ключевое значение структура социума и то, что все в нем должно иметь свое место, а мертвые занимают его с помощью похоронно-поминальных обрядов. В рамках представлений об «обряде перехода» подразумевается, что ритуалы призваны разделить старое и новое состояние человека. Для британского функционализма указывается, что «похоронный обряд, не только выполняет социальную функцию, но и является важным инструментом работы с эмоциями горя и тяжелой утраты»³.

Однако если *death studies* интересуется то, каким образом смерть и процессы умирания репрезентированы в культуре, то медицина — как еще одна область, в которой происходит непосредственное столкновение со смертью, — изменяет саму смерть. «Однако необходимо признать, что в последние десятилетия XX в. в интенсивно меняющемся мире появились и новые направления; это проблемы медицинской антропологии, такие как умирание, хосписы, эвтаназия, распространение смертоносных эпидемий и трансплантация органов»⁴. Вопросы умирания, обозначенные в медицинской плоскости, трансформируют сами представления о смерти. Одним из наиболее показательных кейсов в данном случае выступает проблема критерия смерти. Наиболее распространенным и применимым считается критерий смерти мозга, при котором смерть мозга высту-

---

¹ Мохов, С. В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19, № 3, 2016. — С. 174.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 180.

⁴ Роббен, А. Антропология смерти в XXI веке: обзор литературы // Археология русской смерти. № 2, 2016. — С. 235.

пает основанием для признания смерти человека¹. «А это значит, что смерть (и умирание) все в большей мере становится не просто естественным биологическим событием, но таким событием, наступление которого зависит от имеющихся у медиков технических возможностей и средств, то есть в некоторой степени — событием искусственным, обусловленным теми решениями, которые принимаются людьми, а следовательно, действующими в обществе культурными нормами»². Проблемы смерти и умирания, обозначаемые определенным конвенциональным установлением способа определения смерти, в некоторых случаях делает смерть зависящей от решений других людей. Такое решение, связанное с совершаемым выбором, продолжает линию сближения исследования смерти и самоубийства.

Это положение развивается в рамках биоэтического дискурса с появлением смежных, но не тождественных самоубийству явления: эвтаназии и ассистированного врачом самоубийства. Данные явления с самоубийством роднит желание человека самостоятельно отказаться от жизни, но это желание должно быть подтверждено третьей стороной — этическим комитетом, т. е. опосредовано принятием решения.

Модусы тела суицидента: взаимодействие суицидологии и death studies

Способы восприятия самоубийцы и тела самоубийцы, отношение к нему в обществе и взаимодействие с ним после смерти — то есть то, что может быть обозначено как точки соприкосновения философской суицидологии и death studies — может быть рассмотрено в виде трех линий анализа. Первая линия выражается в том, как выстраивается отношение к самоубийце и его телу на основании общих представлений о мертвых телах (трупах); вторая линия обозначается в представлениях самого (потенциального) самоубийцы о своем теле в

---

¹ См. Попова, О. В. Проблема смерти мозга: этико-философский контекст исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза». №5, 2011. — С. 34–52.

² Юдин, Б. Г. Биологическое существование человека: культурные аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. — С.93.

модусе избавления от него; третья линия, близкая, но не тождественная первой, заключается во влиянии совершенного самоубийства на ближайшее окружении самоубийцы.

Мертвое тело может быть рассмотрено как имеющее внутреннюю и инструментальную ценность. Внутренняя ценность трупа заключается в том, «что личность и тело неразделимы [...] и самоценность живого человека (представленная особо в его анатомических формах) присваивается мертвому телу»¹, и близкий умершему человек может выразить свою близость к нему через взаимодействие (просмотр, прощание) с мертвым телом². «Инструментальная же ценность обнаруживается, когда его воспринимают как источник воспоминаний, и ведет к убеждению, что с трупом надо обходиться уважительно и деликатно. [...] Инструментальная ценность трупа проявляется и тогда, когда он становится источником внутренних органов или служит пособием для обучения или практики»³. Также в некоторых случаях может быть выделена и утилитарная ценность, при которой части мертвых тел, органы и ткани, выступают в качестве коммерческих товаров⁴, что частично совпадает с выделяемой инструментальной ценностью трупа. В случае самоубийства утилитарная ценность проявляется в случаях альтруистических (по классификации Э. Дюркгейма) самоубийств. Совершенное ради другого, например, ради спасения жизни посредством посмертного донорства органов, самоубийство в некоторых интерпретациях приобретает характер высшего акта, обнаруживающего сходство с героическим самопожертвованием.

Исходя из обозначенных общих представлений о мертвых телах, можно предположить, что в самоубийце внутренняя ценность превагирует над инструментальной и утилитарной ценностями. Происхо-

¹ Кемпбэлл, А., Джиллетт, Г., Джонс, Г. Медицинская этика: Пер. с англ.: Учеб. пос. / Под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. 2-е изд., испр. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2005. — С. 76.

² Mowll, J., Lobb, E., Wearing, M. The transformative meanings of viewing or not viewing the body after sudden death // *Death Studies*. Vol. 40, iss. 1, 2016. DOI: 10.1080/07481187.2015.1059385 P. 49.

³ Ibid.

⁴ Foltyn, J. L. Bodies of Evidence: Criminalising the Celebrity Corpse // *Mortality*. Vol. 21, iss. 3, 2016. DOI: 10.1080/13576275.2016.1181351 P. 258.

дит это потому, что «вольная смерть» связывает личность и способ ее смерти: самоубийца остается тем, кто добровольно и самостоятельно отказался от жизни, а воспоминания о нем всегда связаны со способом его смерти.

Однако в случае самоубийства может быть рассмотрен еще один модус отношения к телу, которое исходит не от окружающего социума, а от самого (потенциального) самоубийцы. Этот модус может быть определен как избавление от тела, которое служит источником страдания. Самоубийства в терминальной стадии болезни могут рассматриваться как результат воздействия множества биологических (боль и страдание, причиняемые болезнью), психологических (непереносимая боль, отсутствие самостоятельности в выполнении простейших бытовых задач) и социальных факторов (обременение окружающих и общества) на умирающего человека. Важно указать, что указанные факторы могут воздействовать на человека и тем самым стимулировать принятие решения о самоубийстве, но они не являются предопределяющими, а «большинство людей с неизлечимой болезнью не совершают самоубийств, несмотря на подавляющее количество физических и социальных стрессов»¹.

Но избавление выступает модусом тела суицидента не только в трактовке неизлечимых болезней и механицистских представлений о неисправностях организма. Обремененность своим телом также может являться следствием непринятием своего прирожденного пола. Риск самоубийств среди трансгендеров выше, чем в остальной популяции², что, наряду с факторами институциональной дискриминации, непринятия в семье и прочих, приносящих травмирующий опыт, может говорить и о неприятии своего тела (в том числе, и из-за травмирующего опыта). Инаковость, не принимаемая обществом, служит стимулом к отторжению себя и своего тела, и может реализоваться в избавлении от тела посредством самоубийства.

---

¹ Marzuk, P. Suicide and terminal illness // *Death Studies*. Vol. 18, iss. 5, 1994. DOI: 10.1080/07481189408252695 P. 501.

² Haas, A., Eliason, M. et al. Suicide and Suicide Risk in Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Populations: Review and Recommendations // *Journal of Homosexuality*. Vol. 58, iss. 1, 2010. — P. 26–27.

Третья линия, выражающаяся во влиянии, которое оказывает самоубийство и тело самоубийцы на ближайшее его окружение, заключается в том негативном психологическом и социальном эффекте, который переживают на себе не только те, кто выжил после неудачной попытки самоубийства, так и те, кто находился в близкой связи с самоубийцей. Один из факторов, определяющих это негативное отношение, состоит в стигматизации самоубийц, которая выражается как по отношению к тем, кто по своей воле отказывается от жизни, так и по отношению к тем, кто теряет близкого человека в результате самоубийства¹. Э. Шнейдман указывает, что «человек, совершающий самоубийство, кладет свой психологический скелет в эмоциональный шкаф выжившего»². Э. Гроллман считает, что самоубийство — это самая жестокая смерть для тех, кто остается в живых, а трагедия для семьи самоубийцы только начинается³. Также указывается, что самоубийство одного члена семьи может породить самоубийство других членов семьи⁴.

В этом модусе наиболее полно реализуется соприкосновение суицидологии и *death studies*, поскольку распространение влияния на окружение самоубийцы формирует новые смыслы. Из личностного решения отдельного человека самоубийство разрастается до фактора, формирующего способы взаимодействий между людьми.

Таким образом, в трех рассмотренных линиях — ценности тела, избавления от него и влиянии на ближайшее окружение — показываются общие точки соприкосновения суицидологии и *death studies*: внутренняя ценность тела, избавление от тела и влияние самоубийства на социальный контекст.

---

¹ Oxle, N., Feigelman, W., Sheehan, L. Perceived suicide stigma, secrecy about suicide loss and mental health outcomes // *Death Studies*. Vol. 44, iss. 4, 2020. DOI: 10.1080/07481187.2018.1539052 P. 248.

² Shneidman, E. Foreword // A. Cain (Ed.), *Survivors of Suicide*. Springfield, Ill.: Charles C Thomas, 1972. — P. 8.

³ Гроллман, Э. Суицид: Превенция, Интервенция, Поственция // *Суицидология: Прошлое и настоящее: [...] М. : Когито-Центр, 2013. — С. 325.*

⁴ Demi, A. Social adjustment of widows after a sudden death: Suicide and non-suicide survivors compared // *Death Education*. Vol. 8, iss. 1, 1984. DOI: 10.1080/07481188408252491 P. 92.

Танатопатический контекст современности

Современное общество, как указывает Д. Хапаева, заморожено «смертью, насилием и изображением нелюдей»¹. Увлеченность виртуальной смертью, особенно смертью насильственной, объясняемая Хапаевой в работе «Занимательная смерть» через антигуманизм Французской теории, получает название танатопатии. Сюжеты о человеческих останках заполняют списки бестселлеров нехудожественной и художественной литературы. Ссылаясь на Ж. Батайя, Дж. Фолтин указывает, что смерть может быть «экстазом потребления», не отличающимся от еды². Оказывается ли самоубийство и интерес к нему вписаны в антигуманистическую установку современного общества?

Самоубийство по самой своей природе выступает как смерть насильственная, жестокая, в которой совпадают тот, кто убивает и тот, кто погибает. К. Меннингер говорит о третьей составляющей, являющейся частью самоубийства, — о желании умереть. В рамках такой концептуальной схемы единый прежде субъект распадается на два. Продолжением такого рассуждения могут стать предположения о «симметричности самоубийства и убийства», потому что «если причинение смерти другому человеку является убийством, но вместо этого человек совершает аналогичный акт над самим собой, то в результате смерть является самоубийством»³. Использование такой схемы приводит к фактическому отождествлению убийства и самоубийства, уравнивая раздвоение субъекта в рамках самоубийства и двух и более человек в рамках убийства. Подобное родство (в некоторых случаях и лингвистическое), сближение самоубийство и убийства, может служить основанием для внесения самоубийства в общий танатопатический контекст современности.

Замороженность насильственной смертью, иногда обозначаемой в качестве неестественной, как можно предположить, должна способствовать детабулизации темы самоубийства в обществе. Однако про-

---

¹ Хапаева, Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма / Дина Хапаева: пер. с англ. Д.Ускова (гл. 1–3) и Л. Житковой (гл. 4, заключение, примечания). М.: Новое литературное обозрение. 2020. — С. 12.

² Foltyn, J. Bodies of Evidence: Criminalising the Celebrity Corpse // Mortality. Vol. 21, iss. 3, 2016. DOI: 10.1080/13576275.2016.1181351 P. 258.

³ Dowie, S. E. What is suicide? Classifying self-killings // Medicine, Health Care and Philosophy. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11019-020-09964-1>

является другая тенденция: большое количество такого рода смертей в продуктах массовой культуры только отдаляет общество от вопросов смерти (и самоубийства). А то, что возникает в тексте или на экране, из окружающей повседневной действительности изгоняется.

Несмотря на табуированность темы самоубийства и стигматизацию суицидентов, в массовой культуре самоубийство остается довольно распространенным и широко тиражируемым явлением, привлекающим взгляды.

Этические аспекты анализа

Проблема самоубийства занимает важное место в этике, по-разному обосновывается право на него или запрет в различных системах моральной философии, но одним из ключевых пунктов, без которого не обходится ни один современный разговор о самоубийстве с позиции суицидента, выступает представление об автономии личности. По отношению к живому человеку, «автономная личность — индивид, обладающий способностью размышлять относительно личных целей и действовать в соответствии со своими взглядами»¹. Представления об автономии в рамках проблемы самоубийства дополняется обоснованием (или запретом) права на радикальное самоопределение, обозначение временных границ своего существования в соответствии со своими представлениями, взглядами и желаниями. Однако принцип автономии утверждается не только по отношению к только живым. В случае рассуждения о мертвом теле, «либеральная этическая традиция выдвигает принцип автономии, который предполагает свободное решение каждого человека относительно нахождения его тела после смерти, независимо от социальных потребностей и общественных интересов»². Так инструментальная и утилитарная ценность трупа, реализуемая, например, в форме передачи органов, может определяться самоубийцей до наступления смерти.

¹ Бельмонтский доклад. Этические принципы и рекомендации по защите человека при проведении исследований. Пер. Р. Р. Белялетдинова. Биоэтический форум [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/388/> (Дата обращения: 18.08.20)

² Попова, О. В. Человека как артефакт биотехнологий / О. В. Попова. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 146.

С позиции общества, как уже частично было отмечено, восприятие самоубийства выстраивается на том, может ли эта смерть рассматриваться как приемлемая или хорошая (достойная). А указанное разделение зависит, в свою очередь, «от того, как она может повлиять на других, и представляется вероятным, что многие (если не большинство) самоубийства влияют на других пагубно»¹. При этом также может быть отмечено стремление отдельных групп (например, активисты движения права на смерть) избавиться от слов «самоубийство», «эвтания» и др., потому что эти термины и теории, их использующие, «патологизируют желание умереть, а сторонники права на смерть утверждают, что при определенном наборе четко определенных обстоятельств (“критерии приемлемости” для медицинской смерти, как бы широко или узко она ни понималась) желание умереть может быть рациональным и, следовательно, оправданным»². Размежевание словарей (например, замена термина «ассистированное врачом самоубийство» на «ассистированное врачом умирание», отказ от термина «самоубийство») должно, по мнению активистов, привести к элиминации негативных и стигматизирующих коннотаций относительно употребляемых слов.

Медикализация смерти, вслед за которой происходит изгнание смерти из горизонта видимости общества, по выражению Ф. Арьеса, приводит к ситуации, когда смерть понимается как «знак бессилия, беспомощности, ошибки или неумелости, который следует поскорее забыть»³. Это приводит к тому, что «люди обычно умирают в больницах и учреждениях, в местах, оборудованных массивной и сложной техникой, способной поддерживать и продлевать жизнь, зачастую только биологическую, когда лечение и возвращение к

---

¹ *Feldman, D.* Can Suicide be Ethical? A Utilitarian Perspective on the Appropriateness of Choosing to Die // *Death Studies*. Vol. 30, iss. 6, 2006. DOI: 10.1080/07481180600742517 P. 531.

² *Gandsman, A.* Paradox of choice and the illusion of autonomy: The construction of ethical subjects in right-to-die activism // *Death Studies*. Vol. 42, Iss. 5, 2018. DOI: 10.1080/07481187.2017.1396646 P. 332.

³ *Арьес, Ф.* Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. Ред. Оболенский С. В. ; Предисл. Гуревича А. Я. ; М. : Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия». 1992. — С. 481.

здоровью уже невозможны»¹. Несмотря на общий контекст внимания к смерти и ее проблемам, конкретный умирающий человек остается за пределами области заботы общества. Смерть превращается в продукт массовой культуры, тиражируется и принимает новые очертания, виртуализируется, и в то же время изгоняется из окружающей действительности.

Но проблема самоубийства, добровольной смерти, которая, по оценке Ж. Амери, «имеет то же человеческое достоинство, что и свободная жизнь: последняя не была бы подлинной, если бы не включала возможности открыться далекой от общественного давления свободе к ничто»². Такая «свобода к ничто» как присущая человеку на его бытийственном уровне, всегда оставляет что-то недосказанное и недоговоренное.

***

Таким образом, представления о теле в рамках суицидологии могут иметь определенные точки соприкосновения с death studies. Во-первых, эти точки могут быть выражены в выделении свободного выбора как одной из ключевых характеристик как death studies, так и философской суицидологии. Во-вторых, они могут быть определены в модусах взаимодействия с телом: ценности тела, избавления от тела, влияния тела самоубийцы на окружение. В-третьих, увлеченность смертью в современной культуре затрагивает и восприятие самоубийства и суицидентов: они тиражируются в современной культуре при общей табуированности темы и стигматизации самих суицидентов.

Литература и источники

1. *Алехин, В. П., Голикова, Е. Б.* История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. № 10, 2018. — С. 46–48.

---

¹ *Roy, D.* Is dying a matter of ethics? // Death Studies. Vol. 12, iss. 2, 1988. DOI: 10.1080/07481188808252230 P. 137.

² *Améry J.* Träger der Freiheit. S. 18, 25. Цит. по: *Никонов К.И.* Жан Амери: человек, религия, гуманизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2016. — С. 119.

2. *Аръес, Ф.* Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. Ред. Оболенский С. В. ; Предисл. Гуревича А. Я. // М. : издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия». 1992.

3. Бельмонтский доклад. Этические принципы и рекомендации по защите человека при проведении исследований. Пер. Р.Р. Беялетдинов. Биоэтический форум [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/388/>

4. *Бодлер, Ш.* Веревка // Моховиков А.Н. Суицидология: Прошлое и настоящее [...] М. : Когито-центр, 2013.

5. *Буллер, А.* Тема смерти в философии, истории и литературе / А. Буллер. СПб. : Алетейя, 2019.

6. *Варава, В. В.* Философская танатология или просто философия? // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 4, 2013. — С. 35–43.

7. *Гроллман, Э.* Суицид: Превенция, Интервенция, Поственция // Суицидология: Прошлое и настоящее: [...] М. : Когито-Центр, 2013. — С. 270–353.

8. *Еремеева, С.* То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. № 1, 2015. — С. 32–50.

9. *Ефремов, В. С.* Основы суицидологии. СПб. : «Издательство «Диалект», 2004.

10. *Кемпбэлл, А., Джиллетт, Г., Джонс, Г.* Медицинская этика: Пер. с англ.: Учеб. пос. / Под ред. Ю. М. Лопухина, Б. Г. Юдина. 2-е изд., испр. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2005.

11. *Кетова, Т. Н.* Телесность как произведение искусства в эпоху антропологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4, 2013. — С. 88–97.

12. *Комер, Р.* Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

13. *Литинская, Д. Г.* Смерть и самоубийство как индивидуальный проект в современном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 10, 2015. — С. 130–138.

14. *Любов, Е. Б., Зотов, П. Б., Кушнарев, В. М.* История развития суицидологии в России // Суицидология. № 3, 2017. — С. 22–39.

15. Мохов, С. В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19, № 3, 2016. — С. 171–188.

16. Пашковский, В. Э., Шамрей, В. К. и др. Суицидальное поведение и религиозность // Суицидология. № 3, 2015. — С. 30–41.

17. Платон. Законы. Книга девятая / Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. — С. 306–340.

18. Попова, О. В. Проблема смерти мозга: этико-философский контекст исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. № 5, 2011. — С. 34–52.

19. Попова, О. В. Человек как артефакт биотехнологий / О. В. Попова. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017.

20. Роббен, А. Антропология смерти в XXI веке: обзор литературы // Археология русской смерти. № 2, 2016. — С. 232–247.

21. Сорокин, П. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. — С. 104–114.

22. Трегубов, Л. З., Вагин, Ю. Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993.

23. Фуко, М. Право на смерть и власть над жизнью / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., Касталь, 1996. — С. 238–268.

24. Хапаева, Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма / Дина Хапаева: пер. с англ. Д. Ускова (гл. 1–3) и Л. Житковой (гл. 4, заключение, примечания). М.: Новое литературное обозрение. 2020.

25. Хатуев, В. Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. № 11, 2019. — С. 81–95.

26. Хэвенс, Л. Анатомия самоубийства / Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных ученых. 1912–1993. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2018. — С. 150–162.

27. Юдин, Б. Г. Биологическое существование человека: культурные аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. — С. 87–93.

28. Améry, J. Träger der Freiheit. P. 18, 25. Цит. по: Никонов К. И. Жан Амери: человек, религия, гуманизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2016. — С. 100–126.

29. *Bantjes, J., Swartz, L.* The cultural turn in critical suicidology: What can we claim and what do we know? // *Death Studies*. Vol. 41, Iss. 8, 2017. P. 512–520. DOI: 10.1080/07481187.2017.1333355
30. *Demi, A.* Social adjustment of widows after a sudden death: Suicide and non-suicide survivors compared // *Death Education*. Vol. 8, Iss. 1, 1984. P. 91–111. DOI: 10.1080/07481188408252491
31. *Dowie, S. E.* What is suicide? Classifying self-killings // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11019-020-09964-1>
32. *Feldman, D.* Can Suicide be Ethical? A Utilitarian Perspective on the Appropriateness of Choosing to Die // *Death Studies*. Vol. 30, Iss. 6, 2006. P. 529–538, DOI: 10.1080/07481180600742517
33. *Foltyn, J.* Bodies of Evidence: Criminalising the Celebrity Corpse // *Mortality*. Vol. 21, Iss. 3, 2016. P. 246–262. DOI: 10.1080/13576275.2016.1181351
34. *Gandsman, A.* Paradox of choice and the illusion of autonomy: The construction of ethical subjects in right-to-die activism // *Death Studies*. Vol. 42, Iss. 5, 2018. P. 329–335. DOI: 10.1080/07481187.2017.1396646
35. *Haas, A., Eliason, M. et al.* Suicide and Suicide Risk in Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Populations: Review and Recommendations // *Journal of Homosexuality*. Vol. 58, Iss. 1, 2010. P. 10–51.
36. *Marzuk, P.* Suicide and terminal illness // *Death Studies*. Vol. 18, Iss. 5, 1994. P. 497–512. DOI: 10.1080/07481189408252695
37. *Mowll, J., Lobb, E., Wearing, M.* The transformative meanings of viewing or not viewing the body after sudden death // *Death Studies*. Vol. 40, Iss. 1, 2016. P. 46–53. DOI: 10.1080/07481187.2015.1059385
38. *Oexle, N., Feigelman, W., Sheehan, L.* Perceived suicide stigma, secrecy about suicide loss and mental health outcomes // *Death Studies*. Vol. 44, Iss. 4, 2020. P. 248–255. DOI: 10.1080/07481187.2018.1539052
39. *Roy, D.* Is dying a matter of ethics? // *Death Studies*. Vol. 12, Iss. 2, 1988. P. 137–145. DOI: 10.1080/07481188808252230
40. *Shneidman, E.* Foreword // A. Cain (Ed.), *Survivors of Suicide*. Springfield, Ill.: Charles C Thomas, 1972.
41. *White, J.* What can critical suicidology do? // *Death Studies*. Vol. 41, Iss. 8, 2017. P. 472–480. DOI: 10.1080/07481187.2017.1332901

**Психоаналитические и антропологические аспекты
репродуктивной темпоральности:
влияние включенности в процедуры
вспомогательных репродуктивных технологий
на восприятие времени¹**

В. А. Агарков

**Psychoanalytic and anthropological aspects
of motherhood and ART (reproductive temporality)²**

Vsevolod A. Agarkov

Аннотация. Статья посвящена анализу исследований в междисциплинарном поле антропологии и психоанализа влияния вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на восприятие темпоральности и отношения между поколениями. Связь антропологического и психоаналитического подразумевает: а) междисциплинарную комплементарность: антропологи и психоаналитики исследуют одни и те же культурные феномены с разных «точек входа»; б) встречу антропологии и психоанализа в этимологии, герменевтике, а также психо — и структурной лингвистике; в) использование антропологами психодинамических теорий — в диапазоне от ортодоксальных до современных — для построения этнопсихоаналитических объяснений своих данных. С позиций психоаналитической антропологии рассмотрены аспекты традиционного и нетрадиционного нормогенеза в отношениях между поколениями, желания иметь ребенка и конфликты, возникающие вокруг проблемы бесплодия в наши дни. Проблема бесплодия, которая может быть решена при помощи ВРТ, не только радикально влияет на субъектность вовлеченных в нее индивидов, но и перекраивает один из фундаментальных аспектов активного восприятия себя самого как живого человеческого существа — темпораль-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00609.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00609.

ность, имплицитную модель времени, базовым элементом формирования которого выступают отношения между поколениями.

Ключевые слова: антропология, психоанализ, прокреация, нормогенез, темпоральность, вспомогательные репродуктивные технологии, «репро-футуризм», бесплодие.

Abstract. The article contains a review of research in the interdisciplinary field of anthropology and psychoanalysis. It is devoted to the analysis of research on the influence of assisted reproductive technologies (ART) on temporality and relations between generations. The major subject of psychoanalysis is the unconscious, its processes, individual and collective. The unconscious, by its nature, is neither individual nor collective, but both at the same time. The connection between the anthropological and the psychoanalytic implies: (a) interdisciplinary complementarity: anthropologists and psychoanalysts explore the same cultural phenomena from different “entry points”; (b) the encounter of anthropology and psychoanalysis in the fields of etymology, hermeneutics, and psycho- and structural linguistics; (c) the use of psychodynamic theories — in the range from “orthodoxy” to modern — by anthropologists to construct ethnopsychanalytic explanations of their data. From the point of view of psychoanalytic anthropology, aspects of traditional normogenesis in relations between generations, the desire to have a child, and conflicts that arise around the problem of infertility in our days are considered. The problem of infertility, which can be solved with the ART assistance, not only radically affects the subjectivity of the involved individuals, but also reshapes temporality — an implicit model of time, the formative element of which is the relationship between generations — as one of the fundamental aspects of the active perception of oneself as a living human being.

Keywords: anthropology, psychoanalysis, procreation, normogenesis, temporality, assisted reproductive technologies, “repro-futurism”, infertility.

Введение

Данная статья посвящена анализу аспекта темпоральности проблемных зон внутренней динамики у лиц, вовлеченных в процедуры

новых репродуктивных технологий. Для нас стали неожиданностью преобладание настроения озабоченности, а порой и алармистские интонации, во многих проанализированных нами зарубежных публикациях, в том числе авторов, придерживающихся феминистских позиций, в которых освещался вопрос влияния внедрения технологий ВРТ в практику репродуктивной медицины, а также на внутреннюю динамику пациенток и пациентов, проходящих через процедуры ВРТ. Это влияние анализировалось на уровне сложных социальных процессов, отношениях между партнерами, супругами, детско-родительских отношениях, а также индивидуальной внутренней динамике.

Одним из центральных аспектов внутренней психической динамики является темпоральность. Между тем *«психическое объективно существует только как субъективное, т. е. принадлежащее субъекту — индивиду, различным общностям людей, всему человечеству»*¹. Тесная связь понятий «субъектность» и «темпоральность», впервые отмеченная Юмом, разрабатывается Кантом и получает всестороннее развитие у Гуссерля, для которого темпоральность или временность выступает как глубинный уровень субъектности; и в работах Хайдеггера и Сартра *«результатом протекания несознаваемых субъективных процессов является темпорализация...»*², по Хайдеггеру, темпоральность представляет собой проживание и переживание временности и интенциональности субъектности.

Психическое развитие, а значит, и «нормальное» психическое функционирование, требует как внутреннего пространства для размышления и смыслообразования, так и способности формирования разнообразных временных связей, благодаря чему становится возможной регуляция аффекта и его трансформация в воплощенное действие, создание и использование символов и представлений³. Критическая интерпретация действий и желаний и невозможна без темпоральной упорядоченности, связи настоящего с прошлым и будущим, и создает ее.

---

¹ Брушлинский, А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. : Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. — С. 14.

² Рябушкина, Т. М. Субъективность и темпоральность как условия возможности опыта: отождествление или разграничение? // *Философский журнал* 2017. Т. 10, № 4. — С. 146.

³ Ferro, A. *Torments of The Soul: Psychoanalytic transformations in dreaming and narration*. London, New York : Routledge, 2015. — P. 71–77.

Между тем, как отмечает Джентайл¹, для современной западной культуры характерна привычка к потреблению сконструированных переживаний, ставших массовым товаром, что способствует свертыванию смыслового пространства², формированию легко усваиваемого линейного, однонаправленного темпорального нарратива. Место фантазии, творчества и новаторства в создании смыслов занимают эмоции ширпотреба: ностальгия и романтическая сентиментальность, анестезирующие боль, тревога и скорбь, создающие иллюзию простоты разрешения конфликтов амбивалентности, в сферу которых попадает и отношение современных женщин к рождению детей. Все, что попадает в пространство, утратившее генеративный потенциал, в котором на замену «открытому горизонту» пришли циклы повторяемости линейных временных отрезков, превращается в нечто застывшее, омертвевшее.

Сложные, многоплановые, разнонаправленные процессы внедрения методов медицины в сочетании со все более сложными технологиями перестраивают социальные формы и практики. В процессы нормогенеза включается экспертное медицинское знание, формирующее идеал нормальности. Ответственность за здоровье возлагается на индивида, которому все активнее навязывается роль активного потребителя медицинской информации, меняющей практики индивидуального контроля. Основой коммерциализированного «здорового образа жизни», по сути, становится избегание определяемых сообществом медицинских экспертов факторов риска, потребление конкретных товаров и исполнение определенных видов поведения, опять же получивших одобрение экспертов. Жесткие рамки «здорового образа жизни» требуют погружения в нескончаемый поток медицинской информации об уточнении, переопределении уже известных факторов риска, и нахождении новых, а также усиления самоконтроля, без которого невозможна биомедицинская практика здравоохранения, основанная на управлении рисками, т. е. их пред-

¹ *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 258–259.

² *Franklin, S.* Postmodern procreation: A cultural account of assisted reproduction // *Ginsburg F. D., Rapp R. (eds.) Conceiving the New World Order*. Berkley, LA, London : University of California Press, 1995. — P. 328–331.

видении и оценке. Вовлечение в эти практики чревато трансформацией темпорального аспекта субъектности. Сказанное верно как для биомедицинского сообщества, так и для современного общества вообще: в нем преобладают установки ориентации на будущее и управления рисками, которые сулят не только благополучие, в том числе и физическое, в будущем, но и становятся инструментом регуляции невыносимых аффектов, вызванных, например, экономической нестабильностью, ростом насилия и т. д.¹

***

Сегодня, как и во все времена, воспроизведение потомства выступает одним из способов решения или псевдорешения экзистенциальной проблемы ограниченности жизненного срока, неизбежности смерти. Передача своих генов следующему поколению до сих пор не утратила значения паллиатива бессмертия².

Временное измерение таких процессов репродукции, как «размножение», «наследственность» или «рождение», было концептуализировано в соответствии с очень разными представлениями о темпоральности: хронологическими, линейными, круговыми или обратимыми временными структурами. Начиная с XVIII века социальное конструирование и пересмотр с эпистемологических позиций понятий, связанных с рождением живых существ, таких как «поколение», «наследственность» и «воспроизводство», происходили на пересечении не только научных, технологических и политических проектов, но и различных — биологических, социальных или политических — представлений о темпоральности. «Темпоральности воспроизводства» встроены в меняющиеся социокультурные временные режимы и часто тесно связаны с идеями об общественных изменениях, исторических вариациях и представлениях об «историчности» природы и общества. Идеи исторического времени (как динамической силы в своем собственном праве) и понятие «инаковости будущего», кото-

¹ *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 260.

² *Pawson, M.* The battle with mortality and the urge to procreate // *Haynes J., Miller J. (Eds.) Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York: Brunner-Routledge, 2003. — P. 46–47.

рые радикально отличали прошлый опыт от ожиданий, связанных с будущим, утверждают только во второй половине XVIII века¹.

За последние несколько десятилетий произошли «базальные» сдвиги во временных концепциях в науках о жизни; к наиболее значимым можно отнести смещение фокуса с генов, ДНК или генома на клетку и внутриклеточные процессы. Это напрямую связано с разработкой новых медицинских технологий, в том числе в области репродуктивной медицины, основное воздействие в которых направлено на клетку. Результатом вовлечения организма в эти технологии может быть изменение одной из его фундаментальных черт, а именно — «организменного времени». Главной особенностью современной биотехнологии является то, что она открывает возможность «реверсивно проектировать» и конструировать в лаборатории многие жизненные процессы. Благодаря новым биотехнологиям, основанным в первую очередь на манипулировании «организменным временем», открывается возможность «капитализации» организма и производства того, что определяется как «биологическая ценность». Так, палата общин Великобритании недавно дала предварительное разрешение ученым на внесение изменения в ДНК человеческих зародышей с использованием генетического материала трех доноров, ради снижения риска смертельных генетических заболеваний. В связи с этим некоторые ученые и общественные деятели выражают опасения, что эта инициатива может стать началом евгенистических попыток создания «дизайнерских» эмбрионов с целью рождения детей с заданными выдающимися интеллектуальными или спортивными способностями, а также с запрограммированным типом телосложения и цветом кожи². Перевод биологической ценности в денежную стоимость осуществлялся не только за счет развития новых лабораторных методов, но и благодаря новым социальным технологиям, основанным на обещаниях и внушении надежды. «Концепция открытого будущего» заменена конструцией прогнозируемого будущего — такого будущего, в

¹ Bock von Wülfingen, B., Brandt, Ch., Lettow, S., Vienne, F. Temporalities of reproduction: practices and concepts from the eighteenth to the early twenty-first century // *History and Philosophy of the Life Sciences*. — 2015, V. 37, Iss. 1. — P. 3–5.

² Gentile, K. The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 264.

котором контроль рисков становится возможным благодаря внедрению новых, в том числе информационных, технологий. Новые клеточные технологии становятся и инструментами для преодоления таких ограничений, как естественные временные рамки и нарушения функционирования репродуктивной сферы. Прогнозирование будущего в ВРТ, по сути, представляет собой расширяющееся настоящее, что является отличительной чертой концепции «репро-футуризма», о которой пойдет речь ниже. Формулируя это ощущение прогнозируемого будущего, Виканна Адамс, Мишель Мерфи и Адель Кларк используют термин «абдукция». «Абдукция» как способ управления будущим — «это не просто ставка на будущее; это моральная экономика, в которой будущее устанавливает условия возможности для действий в настоящем, в которой будущее обитает в настоящем. ... Будущее приходит уже сформированным в настоящее»¹.

ВРТ сегодня

Многие современные пары сталкиваются с проблемой недостаточности репродуктивной функции. На нарушения в репродуктивной сфере влияют как внутренние, психические факторы, такие как неосознаваемые конфликты и интернализированные запреты, так и внешние факторы: социально-экономическая и политическая нестабильность, загрязнение окружающей среды, заболевания, передающиеся половым путем, и — отчасти — распространенность контрацептивных средств и мер.

Кроме того, у многих современных женщин, стремящихся в первую очередь реализовать свои карьерные или иные амбиции, неизбежно усиливается амбивалентность в отношении рождения детей². Кристи и Морган, ссылаясь на мнение Розики Паркер³ считают, что такая амбивалентность играет большую роль в формировании иден-

¹ *Bock von Wülfingen, B., Brandt, Ch., Lettow, S., Vienne, F.* Temporalities of reproduction: practices and concepts from the eighteenth to the early twenty-first century // *History and Philosophy of the Life Sciences.* — 2015, V. 37, Iss. 1. — P. 12.

² *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality.* — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 257–258.

³ *Christie, G., Morgan, A.* Love, hate and the generative couple // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology.* — Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 66–67.

тичности современной женщины. Однако прогресс в технологии ВРТ, благодаря которому снимаются обусловленные природой ограничения, казавшиеся незыблемыми в прежние, все еще не такие далекие времена, предлагает способы разрешения этой амбивалентности¹.

Средние показатели продолжительности жизни выросли, а современная фармакология способна замедлить процессы старения. К началу XXI века медицина могла предложить уже почти 40 способов зачать ребенка, не связанных с половым актом. Стало возможным вынашивание и рождение ребенка после наступления менопаузы². Женщина может стать суррогатной матерью своих собственных внуков, что приводит к размыванию границ поколений. Удовлетворение иска Европейским судом по правам человека вдовы, пожелавшей с помощью специальной технологии подвергнуться оплодотворению спермой, взятой у ее умирающего мужа, находящегося в состоянии комы, кажется, привносит в повседневную реальность древний миф о посмертном оплодотворении Исида мертвым Осирисом³. Партнерши в лесбийских парах могут обмениваться яйцеклетками⁴. Технология стволовых клеток делает возможным «зачатие» для безбрачных мужчин, гомосексуальных пар и даже для уже умерших людей⁵. Известны случаи, когда некоторые жизненные функции тел женщин искусственно поддерживались после наступления клинической смерти ради спасения ранее имплантированных эмбрионов.

С внедрением и совершенствованием методов ВРТ также связана проблема генеалогического родства. Так, Конрад⁶ приводит пример

¹ *Raphael-Leff, J.* Eros and ART // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 30–34.

² *Edwards, J., Franklin, S., Hirsch, E., Price, F., Strathern, M.* *Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception*, 2nd ed. London : Routledge, 1999. — P. 12.

³ *Токарев, С. А.* (гл. ред.) *Египетская мифология*. // *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. — Т. I. — М., «Сов. энциклопедия», 1991. — С. 420–427.

⁴ *Haynes, J.* *Women's work* // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 108.

⁵ *Konrad, M.* *Gifts of life in absentia: Regenerative fertility and the puzzle of the «missing genetrix»* // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 95.

⁶ *Ibid.* P. 95–96.

случая Мэрион. Ее родители, ее бывший бойфренд как генетический отец (который, кстати, не желал становиться «социальным отцом») и команда клиницистов, поддерживающая жизнедеятельность эмбриона внутри ее тела, — все они приняли участие в зачатии, вынашивании и рождении ребенка этой женщины. В этот «отцовский коллектив» можно также включить этический комитет больницы, юристов и страховых брокеров.

Впрочем, цена за пребывание в этом иллюзорном царстве всемогущего репродуктивного контроля порой оказывается довольно высока. Парадоксально, но новаторские процедуры ВРТ активизируют древние архаичные фантазии. Происходит не только искажение и повреждение ментальных схем о зачатии и рождении детей, смене поколений, но и высвобождение психосексуальных отклонений; открывается возможность реализации самых смелых фантазий, обрушивающих ограничения и табу реальности¹, что, как считают Грир² и Бланк-Серейдо³, открывает шлюзы для психотического функционирования психики.

Снятие естественных ограничений, всегда присущих полу, рождению, зарождению и смене поколений, может быть сопряжено с утратой чего-то важного, присущего человеческой психике, через отождествление процедур ВРТ с реализацией глубинных фантазий, через мнимый триумф упразднения эдиповой динамики и преодоление казавшихся незыблемыми представлений о зачатии и рождении детей, смене поколений. Так, Амброзио⁴ отмечает, что тенденция блокирования доэдипальными защитами эдипова регистра в психике чревата тем, что современные представления о материнстве соскользнут в область фантазий о самозарождении без зачатия с участием другого, без оплодотворения.

---

¹ Тайсон, Ф., Тайсон, Р. Л. Психоаналитические теории развития. М.: «Когито-Центр», 2006. — С. 63; Weldon, E. V. Why do you want to have a child? // Alizade A. M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century*. — New York: Routledge, 2018. — P. 56–67.

² Greer, G. Afterword // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York: Brunner-Routledge, 2003. — P. 156.

³ Blanck-Cereijido, F. The parents, the baby, and the high-tech stork // Alizade A.M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century*. — New York: Routledge, 2018. — P. 118.

⁴ Ambrosio, G. The twenty-first century: what changes? // Alizade A.M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century*. — New York: Routledge, 2018. — P. 12.

Но в игре в рулетку ВРТ есть еще кое-что. Опыт участия в этих противоречит филогенетически заложенным представлениям о естественных законах репродукции. Конвейер биотехнологий может нанести урон вере в свою способность принятия решений, часто негативно влияет на самооценку, усиливает тревожность, депрессию и чувство отсутствия контроля¹. Если добавить к этому биомедицинские практики, одним из побочных эффектов которых может стать диссоциация телесности, мы получим общую картину, в которой очевиден высокий риск утраты способности самостоятельно генерировать смысл. Единственное, что еще может привнести хоть какой-то смысл в такой ситуации, — это цепляние за посулы обладания своим ребенком в неопределенном будущем, когда настоящее наполнено болью, дискомфортом, неудобствами и растущими издержками.

Влияние ВРТ на восприятие темпоральности

Основой нормогенеза временного аспекта репродуктивности выступает логика «репродуктивной темпоральности», или представление о «спрямленном времени». Технологии ВРТ приобретают особое влияние благодаря имплицитному присутствию в них «репро-футуризма». Джентайл прибегает к метафоре «репро-футуризм» для описания трансформации темпоральности, к которой приводят репродуктивные ожидания, свойственные культуре ВРТ². Фиксированное в своем спрямлении время «репро-футуризма» входит в сцепление с естественным пространством социального бытия и признания по Бурдье³, в котором беременность выступает репрезентатом фантазии о счастье в неповрежденной семье, тогда как бездетность отождествляется с аннигиляцией. Дети в каком-то смысле служат «экраном», на который проецируются высшие ценности, они выступают эмблемой абсолютного приоритета будущего. Идея или фантазия о

¹ *Burns, L. H.* Psychological changes in infertility patients // Rosen A., Rosen J. (Eds.) *Frozen dreams: Psychodynamic dimensions of infertility and assisted reproduction.* — New York: The Analytic Press Routledge, 2005. — P. 8.

² *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality.* — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 258.

³ *Бурдье, П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: «Алетейя», (Серия «Gallicinium»), 2005. — С. 180–185.

возможности иметь ребенка, о его потенциальном присутствии задает ритм, задает основу плетения ткани переживания хода времени. Будущее, в котором есть дети, придает ритму больших жизненных периодов вектор прогресса и чувство оптимизма. Тогда как отсутствие ребенка не просто равно отсутствию того или иного варианта будущего, отсутствие детей означает уничтожение фантазии о будущем вообще, надежды на будущее как компенсации за страдания в настоящем. Утрата возможности иметь ребенка равна утрате цели и смысла жизни.

«Репро-футуризм» участвует и в формировании гендера через отождествление категории женщины с категорией матери, тем самым определяя материнство как женскую норму. Согласно стереотипу бездетной женщины, в котором имплицитно присутствует идея патологии, бездетные женщины считаются озлобленными, эгоистичными и морально ущербными, они достойны жалости.

Заложенный в «репро-футуризме» конструкт «надежды на счастье» делает его действенным механизмом контроля аффективности¹, занимающего центральную позицию среди механизмов социального контроля в эпоху неолиберализма². Современная конструкция счастья с акцентом на прогресс и обретение «позитивных чувств» располагает переживание этих чувств в будущем. Она принимает форму обещания будущего, сулит трансформацию где-то за горизонтом настоящего. «Идея будущего, чреватого бесконечными возможностями, богаче самого будущего»³.

В этой модели образ плода в утробе матери, младенец, играет особую роль, является центральным элементом мечты отсроченного обретения счастья, поскольку присутствие плода и ребенка в настоящем обретает смысл обещания будущего. Так, родители явно или

¹ Фуко, М. Политическая технология индивидов. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: «Праксис», 2002. — С. 374–376.

² *Ambrosio, G.* The twenty-first century: what changes? // Alizade A.M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century.* — New York: Routledge, 2018. — P. 16; *Franklin, S.* Postmodern procreation: A cultural account of assisted reproduction // Ginsburg F. D., Rapp R. (eds.) *Conceiving the New World Order.* Berkley, LA, London: University of California Press, 1995. — P. 333–336.

³ *Бергсон, А.* Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений в 4 т. — Т. 1. — М., «Московский клуб», 1992. — С. 54.

подспудно могут лелеять надежду, что после тяжелых времен решения проблем младенчества, раннего детства и обучения в школе их отпрыска они наконец обретут полноту счастья и подлинное удовлетворение. Поскольку младенцы являются воплощенными представителями будущего, они могут стать своего рода объектами-фетишами, обладание которыми помогает ощущать себя целостными, отвергать смерть и экзистенциальную тревогу¹. Как объект-фетиш, воплощающий будущее, в рыночном обществе конструкт «ребенок», или «плод», приобретает товарную ценность в силу роли, которую эти конструкты играют в представлениях о счастье. Вокруг конструктов «плод» и «ребенок», обретающих статус бытия в настоящем через их проекцию в будущее как «готового продукта», выстраивается идеализированный проект, требующий не только серьезных финансовых, временных инвестиций, но и подчинения тела строгой размерности процедур ВРТ. Так как одна из основных мотиваций обращения к ВРТ для решения проблемы бесплодия, по-видимому, связана с желанием сформировать будущее, ВРТ приобретает значение практики, которая помогает избежать сожалений в будущем. Кроме того, концентрация усилий на реализацию вполне определенного и единственного варианта будущего помогает выносить тяготы и мириться с ограничениями, которые накладывают процедуры лечения, справляться с чувством печали. Однако сосредоточение всех чаяний и усилий на надежде получить желаемый «продукт» в будущем, согласие претерпеть любую боль и пойти на большие лишения ради того, чтобы обрести своего ребенка, — все это грозит обрушением пространства смыслообразования и рефлексии, затрудняет поиск иных вариантов и принятие прекращения лечения как допустимой альтернативы.

***

Практика новых репродуктивных технологий в некотором смысле диссонирует со схемой линейной последовательности выстраивания родства, генеалогической преемственности, акцентируя симбиотиче-

---

¹ *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 260.

скую связь мать-плод при частичной или полной утрате субъектности «агента зачатия». Это в свою очередь создает почву для тревог по поводу «пропуска» поколений.¹ Фигура «матери-плода», возможно, является одним из наиболее наглядных примеров «безмолвной» реконфигурации генеалогии, территориальности и темпоральности, поскольку указывает на то, что временные отношения традиционной генеалогической идиомы естественной биологии утрачивают значение. Очевидно, по крайней мере в этом контексте, что в мире искаженного «репро-футуризма» технологий ВРТ генеалогическое время перестает служить базисом для представления о преемственности поколений.

Новые репродуктивные технологии вносят коррективы в наши представления о том, как мы «становимся» людьми. Подобно тому, как прогресс в технологиях обработки и хранения информации изменил наше отношение к информации, источникам знаний и управлению ими, так и микроскопическая репликация биоматериала в искусственных культурах меняет и темпоральность биологического развития, наши знания о формировании «человеческого», а также привычные модели генеалогии.

В формалистских генеалогиях середины XX века функционально-структуралистские антропологические представления идеализированного генеалогического пространства-времени использовали троп (и метод) родословной и (генеалогического) древа для изображения временного прохождения поколений². Генеалогия рассматривалась как метафора пространственных и временных координат территории и возрастного исчисления поколений, которая позволяла проследить линию происхождения от предка-основателя до поколения в настоящем.

---

1 *Edwards, J., Franklin, S., Hirsch, E., Price, F., Strathern, M.* Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception, 2nd ed. London: Routledge, 1999. — P. 22 ; *Konrad, M.* Gifts of life in absentia: Regenerative fertility and the puzzle of the «missing genetrix» // Haynes J., Miller J. (Eds.) Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 100–103 ; *MacFarlane, A.* Death and demographic transition: A note on English evidence on death 1500–1750 // Humphreys S. C., King H. (Eds.) Mortality and Immortality: The Anthropology and Archaeology of Death. London : Academic Press, 1981. — P. 249–260.

² *Dinshaw, C.* (Ed.) How Soon Is Now?: Medieval Texts, Amateur Readers, and the Queerness of Time Durham. London: Duke University Press, 2012. — P. 16–24.

Новые репродуктивные технологии могут становиться фактором, изменяющим или разрушающим тот аспект темпоральности, который находит воплощение в хронологии генеалогической преемственности. ВРТ меняет последовательность единиц репродуктивного времени (внешнее оплодотворение и рост), замедляет или ускоряет их (месячные циклы контролируются с помощью инъекций) или приостанавливает их течение (замораживание эмбрионов). Технически стало возможно вынашивание эмбриона, зачатого много лет назад и находившегося длительное время, иногда годы, в морозильной камере. Если суррогатное материнство создает разрыв между генетической и гестационной (вынашивающей плод) матерью, то замораживание эмбрионов разводит по времени зачатие и беременность. Таким образом, современные технологии вносят изменения в модель продолжения рода, остававшуюся неизменной в течение многих тысячелетий среди всех народов и племен нашей планеты¹.

***

Конрад отмечает², что «ментальные репрезентации» практик трансплантации эмбриональных тканей и генетического донорства современной западной медицины перекликаются с мотивами «разборки» и «повторного зачатия» человека после смерти в культурах Меланезии. Согласно этнографическим данным³, идиомы продолжения рода в меланезийских культурах схематически представлены как циклы обмена, регулируемые циклами смерти. Центральное место в этих схемах занимает идея регенеративного воспроизводства людей, лежащая в основе института погребальной сделки. Предметом погребальной сделки является «разбор» умершего и его воссоздание в новой форме. Согласно этим верованиям, биологическая смерть человека влечет перераспределение аспектов умершего среди живых

¹ *Levaque, C.* Margaret Atwood and assisted reproduction: From fantasy to reality // *Psychoanalytic Inquiry* — 2017, V. 37, № 8. — P. 526–527.

² *Konrad, M.* Gifts of life in absentia: Regenerative fertility and the puzzle of the «missing genetrix» // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology.* Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 101.

³ *Strathern, A.* Death as exchange: Two Melanesian cases // Humphreys S. C., King H. (Eds.) *Mortality and Immortality: The Anthropology and Archaeology of Death.* London : Academic Press, 1981. — P. 175–204.

соплеменников. То есть, смерть тела не означает уничтожения социальной личности умершего, которая расширяется до пределов семейного, родового или племенного ареала. С этим связаны верования, что смерть приносит с собой высвобождение и распределение ценных ресурсов, которые могут быть использованы в новых (ре)продуктивных контекстах.

Таким образом, «ментальность» ВРТ подспудно содержит замену традиционной генеалогической схемы, сформированной западной культурой, на схему, в чем-то напоминающую архаичные представления о жизни и смерти меланезийских культур. Возможность таких трансформаций, видимо, обусловлена, так сказать, «тропизмом» туземных концепций циклов жизни и смерти западным биологическими теориями и некоторым философским концепциям. В самом деле, по наблюдению Конрад, описания социальными антропологами верований и практик аборигенов относительно циклов регенерации общества как повторяющегося процесса вхождения тех или иных аспектов умерших членов клана в зародыши, в вынашиваемых женщинами этих сообществ детей перекликаются с такими идеями западной науки, как эпигенез, закон рекапитуляции (повторение основных стадий филогенеза в онтогенезе), представления о природе бессознательного воспоминания, закодированного на клеточном уровне. Идея о том, что память является фундаментальной репродуктивной способностью всей живой материи и что линейная темпоральность поколений составляет ось передачи за пределы индивидуальной продолжительности жизни, нашла выражение, например, в приписывании Эрнстом Геккелем мнемонической способности отдельным клеткам и теории зародышевой плазмы¹.

***

Существуют две распространенные концепции времени, определяющие различные модели размещения в реальности². Согласно первой концепции, которая является концепцией ближайшего и преоб-

---

¹ Гайсинович, А. Е. Зарождение и развитие генетики. М. : «Наука», 1988. — С. 25.

² Черняков, А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб. : «Высшая религиозно-философская школа», 2001. — С. 15–16.

ладающего опыта, время может быть представлено непрерывной горизонтальной линией, на которой можно определить моменты «до» и «после», прошлое и будущее. Согласно второй концепции, содержащейся в некоторых религиозных и философских системах, а также схемах социальной истории, эталонной фигурой временного измерения является не прямая линия, а круг. В круговой циклической модели нет ни «до», ни «после», но несчетные возвращения «на круги своя». В случае линейной концепции времени определяющим элементом является идея прогресса, движение вперед, к цели. В циклической модели прогресс отсутствует, течение времени, природа человека и его потребности остаются неизменными: сегодня, как и вчера, сон, голод и жажда являются основными потребностями индивида¹.

Эти две модели представлены в темпоральности ВРТ. С одной стороны, в культуре «репро-футуризма» ВРТ присутствует линейность, определяемая только одним возможным вариантом будущего², в котором центральное место занимает объективированное женское тело, с каждым циклом ВРТ все более диссоциирующее от психики³. С другой стороны, женщины, проходящие лечение бесплодия с применением новых технологий ВРТ, находятся в переходном состоянии «еще не беременная», оказываясь в пространстве неопределенности планирования смутного будущего. Время структурируется циклами процедур, которые нагромождают неопределенность на неопределенность в культуре с редуцированной способностью генерировать смыслы и со сниженной способностью выносить фрустрацию. Подобно азартной игре в рулетку, надежда на успех и ожидание успеха при включении в циклы ВРТ не исчезают, но только усиливаются с неудачей, усиливая желание женщины забеременеть. Прохождение очередного цикла процедур усиливает привязанность человека к эксклюзивному будущему, а завершение цикла без ожидаемого результата означает только подготовку к повторному прохождению того же

---

¹ Гансвинд, И. Н. Дж. Т. Фрейзер и его теория времени. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chronos.msu.ru> (дата обращения 15.04.2021). — С. 5–6.

² Gentile, K. The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 257.

³ Goldberg, P. Body-mind dissociation, altered states, and alter worlds // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. — 2020, V. 68, Iss. 5. — P. 770–771.

технологического цикла. Таким образом, сочетание этих аспектов искаженной темпоральности «репро-футуризма» приводит к тому, что пациентка ВРТ, сосредоточенная на подготовке к единственно возможному будущему, разрешенному в пространстве дискурса искусственной фертильности, как бы застревает в настоящем.

Азарт рулетки ВРТ угрожает не только уничтожением многомерности пространства потенциального будущего, в котором возможна жизнь без лечения, без детей, без фиксации линейных нарративов на одной целевой теме, но и ослаблением привязанности к прошлому и настоящему. Вместо вариативности приходит монотония стереотипной временной последовательности: есть только одно прошлое (вы всегда хотели ребенка), одно настоящее (вы полны желания иметь ребенка и сделаете для этого все), одно будущее (у меня есть ребенок). Тогда отказ от продолжения процедур ВРТ означает для женщины важную смену жизненного статуса: из состояния «еще не беременной», живущей в предельном потенциальном будущем она внезапно попадает в очень плотное настоящее, в котором вязнет всякое движение во времени, движение в будущее. В этом настоящем есть только самообвинение, остающиеся без ответа вопросы «почему?», «А вдруг следующий цикл увенчался бы успехом?».

Заключение

Главным, специфическим объектом психоанализа является бессознательное, его процессы, его индивидуальные и коллективные продукты. Это наука о бессознательном, это метод исследования, а также практика психотерапии. Фрейд всегда определял психоанализ как «естественную», следовательно, объяснительную науку, основанную на интерпретации. Базовой моделью психоанализа как науки выступает интерпретация сновидений¹. Как психологическая наука о бессознательном психоанализ играет роль связующего звена между медицинскими и культурологическими науками в силу природы бессознательного — не отдельно индивидуального, не отдельно коллективного, но и того и другого одновременно.

---

¹ Фрейд, З. Толкование сновидений. М. : Фирма «СТД», 2004.

Если провести различие между «процессом» психоанализа как клинической практики и другими его аспектами, которые для удобства могут быть сведены к «содержанию», а также, следуя Деверо¹, отделить психоанализ как «эпистемологию и методологию» от психоанализа как «совокупности субстанциальных данных и теории», то психоанализ может наилучшим образом способствовать пониманию культуры и общества через понимание психики.

Психоаналитическая антропология направлена на изучение: 1) взаимодействия между человеческими популяциями в их аспектах эмоциональной восприимчивости, психодинамики и психологической организации; 2) психодинамической основы стабильности и изменений культурных символов и социальных институтов; 3) вариативности в зависимости от популяции вклада детского опыта в психологическую организацию взрослых, который служит основой социальной и культурной стабильности и/или изменений; 4) универсалий человеческого развития, согласующихся с данными, полученными от различных популяций². Таким образом, в сферу внимания психоаналитической антропологии попадают: а) типичность конвенциональных норм и их репрезентации в психическом функционировании взрослых; б) трансформация детских переживаний в ментальные репрезентации я [self] и связанные с ними защитные структуры; в) кросс-культурная проверка интерпретаций и выводов внешнего исследователя исследователем, принадлежащим данной культуре, этносу и т. д.

Во взаимодействии между современными антропологией и психоанализом можно выделить следующие позиции³: а) междисциплинарную комплиментарность: антропологи и психоаналитики исследуют одни и те же культурные феномены с точки зрения своего подхода и теорий; б) встречу антропологии и психоанализа на почве структурной парадигмы в лингвистике; в) использование антропологами «ортодоксальных» схем психоаналитической ин-

---

¹ *Devereux, G. From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. Hague, Paris : De Gruyter Mouton, 2014/1967. — P. 6.*

² *Heald, S., Deluz, A. (Eds.) Anthropology and psychoanalysis: An encounter through culture. London, New York : Routledge, 2002. — P. 1–9.*

³ *Apprey, M. Psychoanalytic Anthropology after Freud: Essays Marking the Fiftieth Anniversary of Freud's Death // International Journal of Psychoanalysis. — 1993, V. 74. — P. 1292–1295.*

терпретации в построении этнопсихоаналитических объяснений своих данных.

***

Тема ВРТ является довольно сильно политизированной, поскольку за развитием и внедрением этих технологий стоят финансовые интересы крупных инвесторов, медицинских и фармакологических концернов. Она также затрагивает глубинные аспекты культурного, политического и социального я человека, так что вполне естественно, что ее обсуждение способно вызвать шквал аффектов, что в свою очередь затрудняет создание и сохранение пространства для обдумывания и взвешенного подхода к проблемам, связанным с ВРТ. Общим положением является то, что внедрение новых технологий не только удивительным образом меняет нашу жизнь, раздвигая рубежи человеческого познания, творчества, возможностей, но и несет с собой негативные последствия, о которых не стоит забывать. Так, еще Фрейд отмечал, что наша психика не успевает психически перерабатывать то, что технологии привносят в нашу жизнь¹. Конечно, это имеет отношение и к ВРТ: репродуктивные технологии, достигнув небывалых успехов, в наши дни позволяют многим бездетным супружеским парам решить острую проблему бесплодия, остаться в поле доброкачественного «репро-футуризма». Однако, как отмечали Хоркхаймер и Адорно, «люди всегда вынуждены были выбирать между подчинением природе или подчинением природы самости»². Как говорят, медаль имеет и обратную сторону: монотонный конвейер процедур ВРТ фиксирует сознание на настоящем, формирует темпоральность, которая не только может иметь ряд неоднозначных последствий для функционирования психики женщины, но и несет деструктивный потенциал в социальной сфере. Практики трансплантации эмбриональных тканей и генетического донорства способны: 1) реактивировать глубокие бессознательные архаичные фантазии всемогущества, отвергающего ограничения, налагаемые опытом прохождения эдипальной фазы, открывая шлюзы психотическому функционированию психики; 2) соз-

---

¹ Фрейд, З. Вопросы общества и происхождение религии. М. : Фирма «СТД», 2007. — С. 135–270.

² Хоркхаймер, М., Адорно, Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб. : «Медиум», «Ювента», 1997. — С. 48–49.

давать почву для высвобождения психосексуальных отклонений, объектом которых у женщин, согласно Велдон¹, служит собственное тело; 3) нарушать схему генеалогической преемственности. А их «ментальные репрезентации» перекликаются с мотивами «разборки» и «повторным зачатием» человека после смерти в культурах Меланезии. Именно этим аспектам ВРТ и посвящена эта статья.

Неудача применения ВРТ может причинить невыносимую боль, переживание утраты и реактивацию опыта переживания ранних психических травм, но она также содержит потенциал для трансформирующего и преодолевающего барьеры смыслообразования, появления чего-то нового. Телесной сфере присуща субъектность, в ней возникают желания, она содержит особые знания, так что преодоление диссоциации между телом и психикой, когда к телу прислушиваются и поддерживают его, может способствовать осознанному, рефлексивному принятию решений, основанных на множественных гетерогенных потенциальных темпоральностях.

Пространство психоанализа открывает возможность для деконструкции «репро-футуризма» биомедицины, с его удушающей монотонной темпоральностью, через переработку и трансформацию представлений о здоровье и счастье, работу скорби и переосмысление утраты. Благодаря чему становится возможным возвращение образа вариативного будущего, который отличается от сверхдетерминированного образа будущего «репро-футуризма» ВРТ.

Прокреация как творческое осмысление возникает из представления о настоящем моменте, о *теперь*, в его полноте и привязанности к множественному расходящемуся прошлому, настоящему и будущему при понимании подвижности временных разделений, формирующихся через процесс дифференциации, в котором акцентировано связывание, а не разъединение.

Литература и источники

1. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. — М., «Московский клуб», 1992. — С. 45–155.

¹ Welldon, E. V. Mother, Madonna, Whore: The Idealization and Denegation of Motherhood. London : Karnac Books, 1988/2004. — P. V–VI.

2. *Брушлинский, А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М. : Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
3. *Бурдые, П.* Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : «Алетейя», (Серия «Gallicinium»), 2005.
4. *Гайсинович, А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М. : «Наука», 1988.
5. *Гансвинд, И. Н.* Дж. Т. Фрейзер и его теория времени. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chronos.msu.ru> (дата обращения 15.04.2021).
6. *Делез, Ж.* Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. — СПб., «Наука», 2004. — С. 226–233.
7. *Рябушкина, Т. М.* Субъективность и темпоральность как условия возможности опыта: отождествление или разграничение? // Философский журнал 2017. Т. 10, № 4. — С. 139–155.
8. *Тайсон, Ф., Тайсон, Р. Л.* Психоаналитические теории развития. М. : «Когито-Центр», 2006.
9. *Токарев, С. А.* (гл. ред.) Египетская мифология. // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. — Т. 1. — М., «Сов. энциклопедия», 1991. — С. 420–427.
10. *Фрейд, З.* Вопросы общества и происхождение религии. М. : Фирма «СТД», 2007.
11. *Фрейд, З.* Толкование сновидений. М. : Фирма «СТД», 2004.
12. *Фуко, М.* Политическая технология индивидов. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : «Праксис», 2002.
13. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб. : «Медиум», «Ювента», 1997.
14. *Черняков, А.Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб. : «Высшая религиозно-философская школа», 2001.
15. *Ambrosio, G.* The twenty-first century: what changes? // Alizade A. M. (Ed.) Motherhood in the twenty-first century. — New York : Routledge, 2018. — P. 11–22.
16. *Apprey, M.* Psychoanalytic Anthropology after Freud: Essays Marking the Fiftieth Anniversary of Freud's Death. // International Journal of Psychoanalysis, 1993, V. 74. — P. 1292–1295.

17. *Blanck-Cerejido, F.* The parents, the baby, and the high-tech stork // Alizade A. M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century*. — New York : Routledge, 2018. — P. 109–118.

18. *Bock von Wülfingen, B., Brandt, Ch., Lettow, S., Vienne, F.* Temporalities of reproduction: practices and concepts from the eighteenth to the early twenty-first century // *History and Philosophy of the Life Sciences*, 2015, V. 37, Iss. 1. — P. 1–16.

19. *Burns, L. H.* Psychological changes in infertility patients // Rosen A., Rosen J. (Eds.) *Frozen dreams: Psychodynamic dimensions of infertility and assisted reproduction*. — New York: The Analytic Press Routledge, 2005. — P. 3–29.

20. *Christie, G., Morgan, A.* Love, hate and the generative couple // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. — Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 65–76.

21. *Devereux, G.* *From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences*. Hague, Paris : De Gruyter Mouton, 2014/1967.

22. *Dinshaw, C.* (Ed.) *How Soon Is Now?: Medieval Texts, Amateur Readers, and the Queerness of Time* Durham. London : Duke University Press, 2012.

23. *Edwards, J., Franklin, S., Hirsch, E., Price, F., Strathern, M.* *Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception*, 2nd ed. London : Routledge, 1999.

24. *Ferro, A.* *Torments of The Soul: Psychoanalytic transformations in dreaming and narration*. London, New York : Routledge, 2015.

25. *Franklin, S.* Postmodern procreation: A cultural account of assisted reproduction // Ginsburg F. D., Rapp R. (eds.) *Conceiving the New World Order*. Berkley, LA, London : University of California Press, 1995. — P. 323–345.

26. *Gentile, K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. — 2013, V. 14, Iss. 4. — P. 255–276, DOI: 10.1080/15240657.2013.848318

27. *Goldberg, P.* Body-mind dissociation, altered states, and alter worlds // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. — 2020, V. 68, Iss. 5. — P. 769–806.

28. Greer, G. Afterword // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 156–163.

29. Haynes, J. Women's work // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 108–124.

30. Heald, S., Deluz, A. (Eds.) *Anthropology and psychoanalysis: An encounter through culture*. London, New York : Routledge, 2002.

31. Konrad, M. Gifts of life in absentia: Regenerative fertility and the puzzle of the «missing genatrix» // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 90–107.

32. Levaque, C. Margaret Atwood and assisted reproduction: From fantasy to reality // *Psychoanalytic Inquiry* — 2017, V. 37, № 8. — P. 525–529, DOI: 10.1080/07351690.2017.1373565

33. MacFarlane, A. Death and demographic transition: A note on English evidence on death 1500-1750 // Humphreys S. C., King H. (Eds.) *Mortality and Immortality: The Anthropology and Archaeology of Death*. London: Academic Press, 1981. — P. 249–260.

34. Pawson, M. The battle with mortality and the urge to procreate // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 46–55.

35. Raphael-Leff, J. Eros and ART // Haynes J., Miller J. (Eds.) *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. Hove, New York : Brunner-Routledge, 2003. — P. 25–35.

36. Strathern, A. Death as exchange: Two Melanesian cases // Humphreys S. C., King H. (Eds.) *Mortality and Immortality: The Anthropology and Archaeology of Death*. London : Academic Press, 1981. — P. 175–204.

37. Welldon, E. V. *Mother, Madonna, Whore: The Idealization and Denegation of Motherhood*. London : Karnac Books, 1988/2004.

38. Welldon, E. V. Why do you want to have a child? // Alizade A. M. (Ed.) *Motherhood in the twenty-first century*. — New York : Routledge, 2018. — P. 56–67.

Послесловие

Afterword

Дорогой читатель!

Биоэтика — актуальная междисциплинарная сфера знания, отвечающая на наиболее современные вопросы науки и общества. В отечественной традиции биоэтика нашла свое отражение и развитие в концепции гуманитарной экспертизы, основы которой были заложены академиком РАН, доктором философских наук Иваном Тимофеевичем Фроловым и продолжены членом-корреспондентом РАН, доктором философских наук Борисом Григорьевичем Юдиным, в разное время возглавлявшими Институт человека РАН, ставший в 90-е годы XX века первой профессиональной площадкой осмысления проблем гуманитарной экспертизы и биоэтики в нашей стране.

Книга «Биоэтика и технонаука: человек как проект» посвящена особенной дате — 75-летию Павла Дмитриевича Тищенко — друга, коллеги, соавтора и соратника Бориса Григорьевича Юдина, принявшего бразды руководства сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики после объединения Института человека и Института философии в 2005 году и до 2017-го возглавлявшего сектор, честно, плодотворно, тактично и профессионально продолжая традиции и идеи Института человека, заложенные его основателями. Целая плеяда учеников, уже «остепененных» и самостоятельных исследователей, и аспирантов, стоящих еще в начале своего творческого пути, находят поддержку не только в работах и публичных выступлениях юбиляра, но и в личном общении. Сегодня доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики П. Д. Тищенко — признанный российский ученый, философ, лидер отечественной биоэтики, учитель, коллега, друг, сумевший не только сохранить, но и расширить не просто группу специалистов, профессионально владеющих своей исследовательской проблемой, но замечательный коллектив единомышленников, развивающих биоэтику и гуманитарную экспертизу с разных взглядов и мировоззренческих позиций.

Научный сборник демонстрирует это многообразие точек зрения, что позволяет дать философское осмысление такой сложной современной проблемы, которой является социогуманитарное проектирование человека в технаучке. Многие авторы сборника — коллеги и ученики Павла Дмитриевича, на протяжении значительной части своей профессиональной жизни находились в живом общении с юбиляром. Не удивительно, что развитие темы проектирования человека перекликается с его многогранной личностью. Здесь обращает на себя внимание поразительная черта характера П. Д. Тищенко — диалогичность, определившая и его авторский почерк, и способность к созданию и развитию междисциплинарной коммуникации, к выстраиванию архитектуры философии на грани с другими формами осмысления человеческого опыта. Многочисленные научные встречи по проблемам биотехнологического конструирования и улучшения человека, ставшие возможными благодаря организаторскому таланту П. Д. Тищенко, где принимают участие специалисты из области медицины, теологии, права, стали своеобразными зонами когнитивного обмена и точками роста целого комплекса философских идей по проблемам проектирования и биоулучшения человека.

Какой бы философский труд юбиляра ни подвергался пристальному рассмотрению (идет ли речь о книгах «Что значит знать? Онтология познавательного акта» или «Биовласть в эпоху биотехнологий» и многих других его научных работах), он неизменно является свидетельством верности философской установке проблематизации очевидного и раскрытия потаенного, присущих личности автора. Личности, к слову сказать, неординарной, распахнутой для выстраивания осмысленного диалога и мира человеческих смыслов. Личности, очевидно, изумленной потенциалом проектирования человека, очарованной масштабом человеческого и нечеловеческого в человеке, с присущими ему «пиками» трансгрессии и зиянием технологических экспериментов, онтологическими уходами в область машинного инобытия, и вместе с тем наделенном могуществом и преобразующим потенциалом самоотвержения.

П. Д. Тищенко, творчески развивая биоэтику, ищет связь между человеком и нечеловеком, защищая животное в человеке, то живое, доличностное существование, которое во многом противостоит агрессивному технологическому поглощению человека. В то же время он как философ не противостоит новому, удерживая позицию отстраненности, последовательно нарушая привычный автоматизм восприятия человека и мира и порождая опыт продуктивного инакомыслия в вопросе о технике, где важным становится диагностика угроз и фундаментальное осмысление зон этической неопределенности.

Авторский коллектив сборника естественным образом находится в коммуникативном диалоге с творческими наработками П. Д. Тищенко, развивая и разделяя их новые грани и стараясь понять, что же должно (и должно ли?) остаться неизбежным в век биотехнологий. Здесь проблема технологического неизменно упирается в границы этического, проверяя их на прочность и неизменно заставляя пульсировать нерв морали.

Руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, в.н.с., д.ф.н. О. В. Попова

Редактор сборника, заместитель руководителя сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, с.н.с., к.ф.н. Р. Р. Белялетдинов

От лица коллектива сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН с искренними поздравлениями и самыми добрыми пожеланиями юбиляру!